

Стелла Вайнштейн

Король в моем плену

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Дорогие короли, ни в коем случае не просите помощи у темных ведьм! Даже если ваша невеста при смерти и другого выхода нет. Разве что вы готовы ради жизни любимой превратиться в раба темной, потакать ее капризам, выносить недовольство, терпеть причуды... Ведь влюбленная ведьма способна на любые пакости, чтобы отомстить за прошлую обиду.

- [Стелла Вайнштейн](#)

-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)
- [ГЛАВА 26](#)
- [ГЛАВА 27](#)

- [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Стелла Вайнштейн
КОРОЛЬ В МОЕМ ПЛЕНУ

ГЛАВА 1

Не просите помощи у темной ведьмы

Я увидела одинокого всадника издалека. Послала зов стражникам, разрешила пропустить нежданного гостя, хотя они и сами не осмелились бы задерживать сюзерена.

Сняла магическую защиту вокруг владений и срочно кинулась в гардеробную выбрать подобающее случаю одеяние. Столько лет мечтала о судьбоносной встрече. Неужели сегодня? Совсем не готова...

Пальцы дрожали, пока застегивала пуговики шитого серебром платья, закрепляла сверкающую диадему в черных волосах. Плащ со стоячим бархатным воротничком довершил образ царственной особы. В панике подправила и лицо: скулы стали резче, глаза приобрели зеленый оттенок, губы чуть увеличила и выкрасила в алый. Излишняя осторожность, он бы меня и в прежнем облике не узнал.

Вышколенные воины обрадовали слаженными и четкими действиями. Остановили всадника на длинном каменном мосту, скрестили пики и громовым тоном спросили в один голос:

— Зачем пожаловал?

Всадник не спасовал. Гордо подняв голову, одной рукой бережно придержал свою ношу, другой, натянув удила, остановил коня.

— К ведьме со срочной просьбой, — процедил сквозь зубы, едва сдерживая раздражение.

Еще бы! Он гнал скакуна, не жалея сил — ни своих, ни животного. Промедление сводило его с ума. Тем сильнее порадовал ответ верных слуг:

— Просить аудиенции у ее темнейшества требуется заранее, в письменном виде, с приложением задатка.

— За ценой не постою, ведьма не пожалеет.

Эдгар, спасибо ему, нахмурился, сильнее сжал древко копья и твердо отрезал:

— Темнейшая госпожа не принимает.

Нужно будет ему премию выплатить! Умный мальчик, далеко пойдет, гляди, так и до звания начальника стражи выслужится.

Я подобрала тяжелые юбки и заспешила в приемный зал. Слуги торопливо устанавливали подобие помоста и тяжелое старое кресло, выкупленное у разорившегося барона. У меня всё руки не доходили до

устройства этой части замка, да и в первый раз столь высокопоставленные особы жаловали визитом.

Золотой поток потек с протянутых пальцев, охватил потертое дерево. Меня переполняло нервное волнение, мысль о том, что король скоро войдет в стены моего замка, пульсировала в висках. Вспышка! Кресло превратилось в солидный трон с золотыми подлокотниками, по наспех сколоченному помосту прошла волна, окрашивая голые доски в благородный алый мрамор с белыми прожилками. Пока только иллюзия, но если не забыть и подпитать вечером, будет смотреться вполне достойно.

Я только-только успела устроиться на сиденье, а слуги выстроиться у стены, как распахнулись высоченные двери, и Эдгар объявил:

— Его величество король Айнура нижайше просит аудиенции у темной госпожи.

Я сидела на троне, старательно изображая спокойствие, мысленно приказывая пальцам не дрожать, не цепляться до побеления костяшек в подлокотники, стараясь не наклоняться вперед в зловещем предвкушении. Ледяное благородство, ровная спина, презрительное выражение на лице.

И не дышать, не преследовать взглядом стройную фигуру того, кто появился в дверях. Даже сейчас, изнуренный часами гонки, он был удивительно хорош — со смоляными кудрями, рассыпанными по плечам, прямым взглядом карих глаз, упрямо сжатым ртом и истинно королевским достоинством, совсем не тем, что я пыталась подделать, сидя на троне.

А на руках короля Айнура, предмета женских мечтаний на тысячу километров в окрестности, включая меня, умирала прелестная рыжеволосая девушка. Прямо на расшитом жемчугом зеленом лифе алой розой цвела кровь, капли падали на голубоватый мраморный пол, отстукивая траурное кап-кап-кап. Бледность ее кожи перекликалась с бледностью короля, но всякий, взглянувший на бесчувственную девушку, сказал бы, что она — не жилец. Ее губки приобрели синеватый оттенок, под глазами залегли сизые тени. Никто не мог бы спасти рыжую красавицу. Никто, кроме меня.

Король, тяжело дыша, окинул зал взглядом, в котором сквозили боль и безумие, остановил на мне. Как объятый жаждой смотрит на живительную воду из ледяного источника, так он смотрел на меня.

А я почти не дышала, не двигалась, слова застряли в горле, глаза наполнились слезами. Я не выдержала пристального внимания короля Айнура и отвела глаза. Не в первый раз, но и не в последний. Испугалась, что он прочтет объявляющую меня бурю эмоций — жалость к несчастной девушке, горечь от того, что его чувства никогда не будут направлены на

меня, жгучая ревность к той, кого он так осторожно держал в своих объятиях, и страсть, всепоглощающая страсть, которая изнутри поедала меня с того самого дня, когда мне не повезло потерянной девчонкой повстречать короля, тогда еще принца.

Нет, не стоило ему видеть этого.

— Темная госпожа... — начал король, и я поняла, как сильно нужна ему, раз плебейское «ведьма» заменил на титул, который я сама себе выдумала, надеясь отпугнуть нежеланных гостей. — Умоляю о вашей милости.

Приказала голосу не дрожать. Ответила, стараясь не смотреть прямо в глаза гостя:

— Я не раздаю милости. У меня весьма высокие расценки.

— Уверен, что смогу выплатить любую названную вами цену. Лишь умоляю не медлить, жизнь покидает Катрин.

Я неспешно поднялась с трона, пользуясь преимуществом ступенек, возвышающих меня над королем. Не помогло. Любой посторонний наблюдатель сразу бы сказал — преимущество на стороне правителя Айнура. Даже в роли просителя от него веет властью, мужской первобытной силой. Он готов унизиться на словах ради спасения любимой, и есть в этом нечто благородное, открытое, честное.

Если бы я уже не была влюблена в него по уши, влюбилась бы в этот момент, когда он прижимает к себе вялое тело раненой девушки, подбородок упрямо поднят, а в глазах готовность бросить весь мир к моим ногам ради нее.

— Даже если цена будет слишком высока? — вкрадчиво спросила, спускаясь к просителю.

— Я достаточно богат, — коротко ответил король.

Айнур процветает. Благодаря удачной экономической линии и последним победам над соседями молодому правителю удалось удвоить капитал в казне. Я знаю это, так как пристально слежу за ним уже долгие годы.

— Золото не интересует меня, — равнодушно бросила, бесшумно подходя к королю.

Он вздрогнул, в его взгляде появилось подозрение, что я веду какую-то свою грязную игру. Правильно, милый, ты все верно угадал — веду.

— Чего желает темная госпожа? — В голосе короля под напускной вежливостью послышался животный рык.

— Боюсь, моя цена окажется великому правителю Айнура не по карману, — сказала я низким голосом, почти шепотом, обходя пару по

кругу.

Скоро девушка испустит свой последний вздох. Я это знаю, знает и король. У него нет времени, я же его бессовестно тяну.

— Я готов на все, — без обиняков твердо произнес он, поворачиваясь за мной.

— Даже на то, чтобы стать моим рабом? — усмехнулась я, а внутри все задрожало. — Не бойтесь, ваше величество, не навсегда, всего лишь на месяц. Вы вернетесь домой, к живой и здоровой невесте... — тут я запнулась, сглатывая ком в горле. — Отпразднуете свадьбу, и никто не узнает, где вы пропадали тридцать дней.

— Что за извращенные желания? — с гадливостью процедил король.

— Всегда мечтала о короле в моем плену. Не привыкла отказывать себе в маленьких радостях. Легко вам не будет, обещаю. Решайтесь же! Или цена слишком высока?

Смертельно бледная девушка вздрогнула всем телом, не открывая глаз. Король поднял на меня черные как ночь глаза, наполненные страхом.

— Я согласен.

У меня зашумело в ушах, я быстро опустила лицо, чтобы он не видел торжество и потаенную улыбку.

— Быстрее же, ведьма!

Резко повернулась к нему с делано оскорбленным выражением и отступила в сторону трона, показывая, что не намерена терпеть подобное отношение.

— Стойте, темная госпожа! — тут же поправил себя король.

В его голосе звучала безукоризненная вежливость, только в глазах вспыхнуло презрение.

— Клянись честью, — тут же оттаяла я, возвращаясь назад. И добавила скучающим голосом, как будто сообщила о досадной мелочи: — И кровью. Естественно, стоит вам показать за тридцать дней малейшее неповиновение моим капризам — Катрин умрет. Тут же, мгновенно, без всяких предупреждений. Я не настроена заниматься вашим воспитанием или терпеть характер. Мне нужен послушный смирный раб, я ясно выразилась?

Зрачки повелителя Айнура заняли всю радужку. На лице читалось отвращение, смешанное с ненавистью. На мгновение мне показалось, что я зря это все затеяла.

— Клянусь, — бескровными губами произнес он.

Король протянул вперед одну руку, другой бережно придерживая девушку. Эдгар споро и неглубоко полоснул по его запястью. Я нагнулась и

подобрала губами соленые вязкие капли. Теперь договор скреплен, назад дороги нет.

Я сделала призывный жест пальцами, и понятливые слуги занесли узкую кушетку, на которой я обычно лечила хворавших. Вид у нее был простой и непрезентабельный, что я тут же исправила, правда наспех наведенной иллюзией, на большее времени не было.

Девушку уложили на лежанку, ее рыжие длинные локоны красиво рассыпались по синему бархату.

Я сама невольно залюбовалась изяществом потомственной аристократки, результатом отбора длиной в сотни лет — красивейших женщин для достойнейших из мужчин. Интересно, понимала ли эта тонкокостная рыжеволосая дворянка, как сильно ей повезло? Долгие годы я готова была отдать абсолютно все на свете, чтобы быть на ее месте.

Прав был булгаковский Воланд, говоря: «Никогда и ничего не просите. Никогда и ничего, в особенности у тех, кто сильнее вас». Король Айнура пришел сам, хотя я долгие годы порывалась найти его, умолять о взаимности!

В зале было тихо, как в безлюдной пещере. Присутствующие затаили дыхание в преддверии таинства. Домочадцы любили наблюдать за колдовством госпожи: мое могущество было залогом их спокойствия. Король же стоял в стойке готового к прыжку хищника, готовый в любой момент броситься на спасение любимой.

Взмах ладони, короткий взгляд из-под ресниц на напряженную фигуру правителя Айнура. От одного его вида магия спешила сорваться с кончиков пальцев ярким фейерверком. Одно его присутствие заставляло сердце биться чаще, желание бурлило в крови, становясь все жарче от понимания того, что он моим не будет. Запретного хочется в сто раз сильнее...

У девушки рваная рана в груди, словно туда попала стрела, а потом злая рука выломала ее, не щадя юное тело. Бедное дитя! Магия потекла золотым дождем, словно рвущийся в игру щенок. Не помню, когда в последний раз колдовала с подобной легкостью. Словно руки опытного хирурга, магические нити трудились над бурым пятном, преображая его. Края раны приблизились друг к другу, сосуды срослись, кости соединились, и вскоре на коже остался лишь красный рубец, стремительно бледнеющий. На щеках девушки расцвел румянец, губы порозовели. Ресницы затрепетали и открыли огромные зеленые глаза, в которых плескалось недоумение.

— Где я? — спросила девушка.

Король бросился к ней, пытаясь обнять, успокоить, но я оказалась

проворнее. Посреди зала засиял сигнальный огонек пространственного портала. Взмахом указательного пальца и неведомо откуда взявшимися силами я прорезала пространство слепо в сторону Айнура. Лежанка вместе с девушкой пулей полетела в открывшуюся дыру, сквозь которую можно было разглядеть раскисшие улицы захудалой деревеньки, покосившийся плетень и огромного борова, хмуро рывшегося в отбросах. Хлопок, мгновенно ослепившая всех яркая вспышка света — и девушка исчезла в портале, оставив после себя лишь пятна крови на белом мраморе да душный запах деревни, в которую я ее отправила.

Король Айнура обличительно смотрел на меня, а я исподволь любовалась его мощной фигурой, не обращая внимания на сжавшиеся от злости кулаки.

Странно, магия все еще клубилась вокруг меня, ластилась и просила найти для нее применение. Я бездумно сбросила остатки в пол, укрепляя периметр вокруг владений. Дополнительная защита никогда не помешает.

— Ты не дала мне попрощаться с возлюбленной, ведьма, — ровным голосом произнес король, и мои стражи невольно склонили головы от ярости, сквозившей в его словах.

— Свою часть сделки я выполнила. Надеюсь, у королей хорошая память на обещанную оплату. Отныне для тебя я — темная госпожа, а любое мое желание — единственный закон. На колени!

Да, жестоко и некрасиво, я вполне это понимала. Чтобы гордого правителя целой страны поставить на колени, нужно быть той еще сволочью. Впрочем, если не получилось заслужить его любовь, сойдет и ненависть.

Он резко вдохнул, ноздри затрепетали. Затем движением, полным достоинства, король Айнура встал сначала на одно колено, затем подломил и другое.

Сиенна, моя экономка, и стая горничных, успевших просочиться в зал за время лечения, дружно протестующе ахнули. Для половины из них король — их бывший сюзерен. Видеть его склонившим голову перед ведьмой — это взрыв шаблона, святотатство и еще одно безоговорочное доказательство моего величия.

Обошла его по кругу, постепенно сокращая дистанцию. Сердце бешено колотилось в груди. Отчаянно хотелось зарыться ладонью в черные кудри, провести пальцами по заросшей щетиной щеке, повернуть к себе красивое лицо и впиться жестким поцелуем в губы. Так хотелось, что магия забурилась внутри, требуя немедленного выхода. Я не смогла сдержать поток, вцепилась в бархатную мантию и не отпускала, пока она не

превратилась в магический артефакт, не пропускающий стрел. Черт, двенадцатый, а ведь мне удалось продержаться два года.

Замерла прямо напротив короля Айнура, внимательно любуясь им, пользуясь моментом, пока он склонил голову, охваченный праведным гневом.

Мне нужно избавиться от дикого желания, поселившегося в сердце с момента нашей первой встречи и не ослабевшего с годами. Я любила Рейсвальда всепоглощающей любовью девочки-подростка к известному смазливому певцу. Любовью с той самой одержимостью, которая заставляет их оклеивать стены портретами, писать в тетрадке сотни раз заветное имя, бредить любимым лицом во сне и наяву. Только у девочек подобное снимается настоящими чувствами к живому человеку из плоти и крови, а я питаю мучительную страсть к королю Айнура уже семь лет, и она не бледнеет, а лишь становится сильнее.

Я так и не разобралась, причина ли подобной пагубной страсти в магическом даре? Ведь магия связана с эмоциями, это мне Илстин твердил с самого начала обучения... Или я влюбилась в короля Айнура, ослепленная ореолом красоты и власти молодого правителя?

Оставалось надеяться на последнее. В качестве раба он уймет безудержную тягу, может, таким образом удастся избавиться от надоевшей одержимости. Сколько можно каждую ночь летать к его дворцу в образе птицы и заглядывать в спальню через окно? Жалкое занятие, недостойное темной ведьмы.

Вид Рейсвальда, полностью подчиненного моей власти, стоящего на коленях посреди принадлежавшего мне замка, опьянял до безрассудного восторга. Я вся дрожала от нервного возбуждения. В голове проносились бесчисленные картины всего того, что можно приказать королю, а он будет вынужден беспрекословно подчиниться. Воображение рисовало черноволосого красавца в цепях, с повязкой на глазах, литые мышцы напряжены в предвкушении моего прикосновения, но нет! Никогда не опускаюсь до подобного.

Губы искривила издевательская усмешка.

— Псарню давно не чистили. Займись этим, Рейс.

Как плеть, обжег брошенный из-под ресниц взгляд короля, полный ненависти. Во второй раз ахнули слуги, поражаясь наглости темной ведьмы.

— Как скажете, моя госпожа, — бескровными губами ответил повелитель Айнура.

— Хороший мальчик, — безжалостно похвалила я, поражаясь тому,

как сильно задевает меня холодная злость новоиспеченного раба.

Вытерплю. Мне необходимо увидеть его грязного и вонючего после чистки псарен, доставшихся в наследство от жившего раньше в замке графа. Я охоту не признавала, так и не полюбив средневековую забаву. От собак не избавлялась, но и не дрессировала шумную свору.

Отдала короткий приказ Сиенне показать Рейсвальду необходимое, резко отвернулась и чуть не выбежала из зала.

Меня душило ощущение совершенной ошибки. Я мучительно думала, что могла бы попросить взамен излечения невесты Рейсвальда, и приходила к одному и тому же неутешительному выводу — мне его любовь не завоевать. Никак. Я была его мимолетным развлечением, когда только попала в этот мир двадцатилетней девчонкой; сейчас же, когда он влюблен в другую настолько, что готов пожертвовать собственной свободой и отказаться на месяц от государственных дел... Нет никакой надежды вызвать ответные чувства в короле Айнура.

Остается только избавиться от своих. Его ненависть мне на руку, презрение тоже не повредит. Я все делаю правильно. Боль в сердце — часть горького лечения.

ГЛАВА 2

Не попадайтесь на глаза бешеной ведьме

Когда Рейсвальд во время охоты нашел Катрин, истекающую кровью, его словно накрыло черной пеленой. Никому нельзя доверять. О плетущемся против него заговоре молодой король давно знал и все тылы прикрыл, лишь в одном проявил мягкость — позволил Катрин уговорить себя навестить ее отца, герцога Савьёля, чтобы официально просить руки невесты. Приняли их радушно, Рейсвальд почувствовал себя в кругу родных, позволил себе расслабиться... и не уберег ту, что любил больше всего. Интриги последовали за королем из столицы в герцогство Савьель, ударили в самое уязвимое место. А ведь с собой он взял лишь самых проверенных людей... Больно осознавать, что один из них не только выстрелил в Катрин, но и с нечеловеческой жестокостью выломал стрелу из ее груди.

В беспросветном колодце отчаяния единственным лучом надежды вспомнилась история, услышанная от старухи в близлежащей деревне. Внучку седовласой женщины укусила бешеная лиса, девочка месяц бегала как ни в чем не бывало, а потом слегла с жуткими судорогами, и все вокруг обещали быструю смерть. Ведьма вытащила девочку с того света. Слова старухи высветились словно огненной надписью: «Она уж богам душу отдала. Ведьма простерла над ней руки, прошептала пару слов и всю гниль отвела. Вот Миранушка моя бегёт здоровенькая, правда, мечтает все в замок к ведьме удёрнуть... Знаете, ваш-величество, молодость глупая, пройти у нее».

С тех пор к ведьме прилипла кличка Бешеная. Она отличалась переменчивым настроением: проклятиями сыпала как из рога изобилия, но, бывало, и проявляла великодушие. Когда от нее ждать одного, когда другого — никто не знал.

Рейсвальд нашел любимую в луже крови, бережно взял на руки, поднял к небу почерневшее от горя лицо, прося помощи у богов, и над верхушками деревьев увидел черные шпили замка Вейнер. Раньше замок принадлежал опальному графу, высланному на окраину еще отцом Рейсвальда за преступления против короны, дабы отражать атаки недружественного соседа. Когда пришло сообщение о том, что граф с семьей сгинули, а в замке поселилась новая ведьма, о Вейнере не горевали,

тем более что ведьмины владения представляли более надежную защиту, чем войска опального графа, отличавшегося жестокостью и упрямством.

Не думая дважды, Рейсвальд вскочил на коня, прижал к себе умирающую невесту и отправился в логово бешеной ведьмы. Он был готов заплатить любую цену, лишь бы спасти Катрин. Мысль о том, что его просчет может стоить ее жизни, была невыносимой.

Следует быть благодарным ведьме за быстрое исцеление любимой.

Но благодарным быть не получалось. В душе klokотала ненависть.

Бешеной ведьме показалось мало заполучить его свободу. Она посмела посягнуть на честь — поставить короля на колени перед слугами, отправить чистить псарню, как презренного изгоя.

Что ж, короли от простых людей отличаются тем, что прекрасно владеют собой и любую поставленную перед ними задачу решают в совершенстве. Ее темнейшему захотелось чистых псарен? Она их получит!

Посеревшая экономка ведьмы бормотала извинения за хозяйку:

— Не сердчайте, ваш-величество, не знаю, что на нее нашло. Она обычно кротка, что овечка, сердце у нее доброе. Вы идите в ваши покои, отдохните с дороги, небось страх как за невесту переживали. С песиками мы разберемся, не боитесь, все сделаем как надо. Вы уж простите нас...

В раздражении Рейсвальд сорвал перчатки, обогранные кровью Катрин, принялся расстегивать охотничий камзол.

— Не извиняйся за темную госпожу, добрая женщина. Ее желание отныне для меня закон. — Король недобро улыбнулся. — Ведите к псарням.

По дороге он бережно снял рубашку, пропитанную кровью любимой, остался лишь в охотничьих штанах и сапогах из мягкой кожи, благо погода позволяла. Солнце золотило ярко-желтые, алые, рыжие листья, словно сейчас разгар лета, а не глубокая осень. Крепостная стена осталась позади, псарни находились за стеной замка, для здоровья животных требовался простор для выгуливания. Граф Вейнер любил охоту и холил собак, а что сделала с ними ведьма — неизвестно.

Показать путь вызвалась экономка, вдобавок к ней поглядеть на зрелище привязались три служанки и пара стражников. Дисциплина оставляла желать лучшего — бездельники нагло забросили обязательства, но это не его угодья, пусть ведьма сама с челядью разбирается.

За стеной замка показалось просторное здание с двумя дворами — спереди «чистый», сзади тот, где собаки справляли нужду.

Рейсвальд решительно распахнул двери, ему навстречу кубарем

выкатился вихрастый рыжий мальчишка с широко открытыми от страха глазами. Видно было, что он подумывал сбежать, но все пути отступления были отрезаны. За ним из разверстых дверей выбежала целая свора гончих с высунутыми языками. Мальчишка заозирался, мгновенно сориентировался и кинулся в ноги королю:

— Только не выдавайте меня Эвитерре!

Странное имя... Подходящее ведьме. Рейсвальд медленно повторил его про себя. Эвитерра... Бешеная ведьма...

Паренек весь побледнел, глаза блестели от слез, круглые щеки тряслись от страха.

Странно, темная госпожа показалась взбалмошной, капризной стервой, но жестокости в ней не наблюдалось. Рейсвальд считал, что хорошо разбирается в людях, поэтому, прежде чем судить, обернулся на праздных зевак — посмотреть, что они скажут в защиту той, которую боятся дети.

Экономка уперла руки в боки и уличительно произнесла:

— Так вот где ты пропадал, негодник! А нам передали, что ты к тетке в деревню подался!

И король расслабился: так выговаривают непослушным пажам, непохоже, что юного нахала отведут на съедение ведьме.

— Нет у меня тетки, сирота я! Пожалейте, а? Никому не мешаю, за собаками смотрю, не говорите ничего госпоже, а?

На вид ему было лет десять. Не в меру упитанный, рыжий, наглый, с хитрыми глазами. Рейсвальд больше не верил разыгрываемой мальцом трагедии.

— Нетушки, Мик. — Экономка скрестила руки на могучей груди. — Ты правила знаешь, а я не собираюсь за твою дурную башку схлопотать проклятие. Марш сдаваться госпоже.

— Только не это, Сиенна! — Поняв, что от жестокосердной экономки пощады не дожидаться, мальчишка переключил усилия на Рейсвальда, чьи ноги до сих пор обнимал. — Благородный господин, защитите сироту, а?

— Ты ошибаешься, бедное дитя. В этом замке я всего лишь раб.

Сказав это, король перешагнул через цепкое кольцо детских рук и зашел в псарню.

Мальчишка соврал. За собаками он ухаживал из рук вон плохо. В королевском дворце за подобный беспорядок летели бы головы. Тут следовало бы еще месяц назад поменять настил, запретить собакам таскать еду из корыт на лежанки да отделить драчунов от тех, кто слабее, вон лежит один в углу покусанный неудачник с рванным ухом. В помещении было

душно, первым делом король раскрыл все двери навстречу осеннему дню.

Ввалившейся за ним толпе зевак досталось по заданию, и вскоре все были при деле — выносили сено, чистили кормушки, считали собак. Рейсвальда слушались беспрекословно, так было с самого детства, и он воспринимал эту черту характера как само собой разумеющуюся. Ведьма еще пожалеет о том, что решила держать его при себе в качестве игрушки. В том, что у нее ничего не получится, молодой король ни секунды не сомневался.

Мик старался больше всех, понимая, что пожинает плоды собственной лени, а может, хотел вымолить себе отсрочку от предъявления на очи ведьме.

Рейсвальд тоже не остался в стороне, взял острую лопату и отправился очищать грязный двор.

Может, других принцев растят иначе, Рейсвальд же вырос в южном королевстве Сарнир, в качестве дорогого гостя, или можно сказать иначе — заложника. С юным королем не церемонились, ему пришлось отработать сполна в качестве простого пажа. Впрочем, ночевать он все же возвращался в просторные комнаты, где его ждали кормилица и учитель. Там он постигал науки, подходящие будущему королю. Когда его отец умер и Рейсвальд срочно понадобился при дворе, ему удалось не ударить лицом в грязь — власть он удержать сумел и даже, вопреки мрачным предсказаниям, взошел на престол. Только, видимо, кому-то на престоле Рейс очень мешал. Что ж, в плену ведьмы будет очень полезно хорошо подумать, откуда тянется сладкий запашок выгоды.

Солнце напоследок перед зимой ярко опаляло землю, от тяжелой физической работы Рейсвальду стало жарко. Пот так и струился по открытой спине, капал с волос на глаза, мешая махать лопатой. Молодой король остановился, чтобы отереть лоб, и поймал на себе взгляд скривившейся, как от горькой редьки, ведьмы.

Довольно высокая для женщины, стройная, со смоляными волосами, распущенными блестящим плащом до самой талии, в богато расшитой изысканной одежде, скроенной намного смелее того, что принято для благонравной девушки при дворе. Невольно взгляд короля задержался на белой полоске кожи под ключицами, но только на мгновение, затем остановился на лице.

Ведьму можно было бы назвать красавицей, если бы не выражение кислого недовольства. Король спокойно вернул взгляд, а вот темная сразу же отвела глаза. Он довольно хмыкнул про себя — первую схватку легко выиграл. Правда, женщины обычно реагировали на Рейсвальда по-

другому... Впрочем, если бы здешняя госпожа интересовалась им как мужчиной, не отправила бы псарни очищать.

Ведьма резко отвернулась и уже была готова отправиться обратно в замок, как вдруг заметила наглую рыжую морду.

— Мик! — крикнула темная госпожа, и у бедного парнишки из рук выскочила гончая, а он сам рухнул на землю. — Немедленно ко мне!

— О нет! — Мальчишка рванул за спину объемной Сиенны, но та схватила его за ухо и подвела к ведьме. — Простите меня, пожалейте, госпожа Эвитерра!

— Где твои ответственные взрослые? — будничным голосом спросила ведьма.

— Нет у меня никого... — обреченно выдал мальчишка.

— Ты к тете в деревню ушел, если меня память не подводит, — холодно сообщила ведьма.

— Соврал я, нет никакой тетки. Делайте что хотите, не могу бросить собак, — шмыгнуло носом упитанное несчастье.

Ведьма на мгновение задумалась, и все вокруг с благоговением ждали ее решения. Рейсвальд даже внутренне удивился: несмотря на расхлябанную дисциплину, ведьмой, кажется, восхищались.

— Хочешь ухаживать за собаками — заработай мое доверие. Раз у тебя нет ответственного взрослого, становишься моим воспитанником, а значит... — Тут Мик тихонечко завыл, но ведьма неумолимо закончила: — Ты ходишь на уроки грамоты наравне со всеми и за каждый прогул отвечаешь лично мне.

Грамота? Выходит, все это представление из-за того, что бешеной ведьме стукнула блажь в голову обучать бедняков чтению? Пфф, Рейсвальд бы сразу сказал, что подобная затея обречена на провал. Пользы от той грамоты для простого люда ноль, а мороки много. Особенно когда рабочих рук не хватает, а здоровые лбы вроде завравшегося рыжего просиживают дыры в штанах вместо того, чтобы семье помочь.

Впрочем, бешеная ведьма не в себе, это Рейсвальд уже понял. Ближайший месяц обещает быть нелегким — терпеть женские причуды чокнутой стервы будет настоящим испытанием на выдержку. Только бы она сдержала свое обещание и не тронула Катрин, все остальное Рейсвальд переживет.

ГЛАВА 3

Не держите в рабах королей

О чем я думала, посылая предмет моих каждодневных мечтаний на тяжелую работу под палящими лучами солнца?

Я собиралась отменить глупое поручение по чистке псарен, но когда подошла — забыла, что хотела сделать. Да что там, я забыла, как говорить, как дышать, как двигаться. Вид голого по пояс Рейсвальда: кудри развеваются на ветру, мышцы перекачиваются под кожей, капли пота скатываются под ремень брюк... Его бы сфотографировать в таком виде, а потом долго-долго любоваться перед сном. Хорошо невероятно, и сам не сознает насколько. И зачем мне на это смотреть и осознавать, что никогда не смогу назвать своим?

Так больно стало, будто в сердце иглой укололи. Почему-то вспомнилось то время, когда я с восторгом гладила сильные плечи Рейсвальда и мне позволялось абсолютно все. Тогда мне показалось, что я попала в сказку, а принц — моя персональная любовь, которую я отыскивала сквозь пространство и время. Реальность оказалась жестокой. Через пару дней принц ускакал по государственным делам, не озаботившись тем, что я остаюсь совершенно одна, брошенная и беззащитная. Королям не подобает думать о судьбе соблазненных девиц. Близость с властителем считается достаточной наградой.

Оставшись одна, я очень быстро поняла, что Эйда — не сказочный мир, но я выжила тогда и сейчас не дам королю Айнура одержать победу.

Иногда мне кажется, что я не люблю его, а все-таки ненавижу.

Тут неожиданно, словно почувствовав пристальный взгляд, Рейс оторвался от махания лопатой и резко обернулся, считывая выражение тоски и боли. Я слишком поздно овладела собой, уверена, королю удалось узнать больше, чем хотелось открыть. В смятении я повернулась, чтобы уйти обратно в замок, и наткнулась на Мика.

Мик — мой личный проект, хотя мальчишка, кажется, об этом не подозревает. На самом деле мы с ним очень похожи — оба ужасающе одиноки. Я понимала, отчего он предпочитал прятаться в псарне, избегая ходить на общие занятия: Мик был в своем роде неприкаянным изгоем. А еще он считал себя непроходимо тупым и не хотел выслушивать насмешки от других детей.

Да, я учила детей грамоте — здесь мой дом и мои правила. Что из того, что мне периодами хочется сделать мир немного человечней? Мне навязали этот замок, навязали титул темной госпожи, и хоть в мелочи иногда стремлюсь делать то, что велит сердце.

Спину жег внимательный взгляд Рейсвальда. Может, все-таки привязать его где-нибудь в подземелье и позволить низменным страстям одержать верх? Наверняка его объятия не столь сладостны, как помнится, кожа не столь шелковиста, и в ласках уже были у меня мужчины опытней... Почему бы не сравнить? Как раз и комнатка подходящая есть с двумя скобами в стене, бывший хозяин замка пытками баловался. Привяжу там короля, буду кормить с рук, пока не приручу. Я же темная ведьма, мне все простительно, любые капризы... А о темпераменте одаренных магией ходят жаркие слухи. Небось он и ждет от меня чего-то такого, горяченького, и не сильно удивится, если я на него накинусь.

Лишь одно мешает превратить Рейсвальда в любовника — у него уже есть невеста. А я не хочу, чтобы, дотрагиваясь до меня, он думал о другой. Желаю быть одной-единственной, выжженной клеймом на сердце, или ничего не надо. Не могу я приковать мужчину к стене и приказать ему со мной спать, это как-то... недостойно, что ли.

На свою голову привязала его к замку на месяц, теперь, как ни крути, придется разбираться с Рейсвальдом. Полуголым его лучше не видеть, только зря себя мучить недостижимым. В постель тоже нельзя. Тогда что можно? Что делать с плененным королем?

Довела Мика до комнаты по соседству с моей. Приказала хорошенько вымыть мальчишку. Затем зашла к себе, заперла дверь и рухнула на кровать, закрыв ладонями лицо.

Мне же было наконец спокойно, тихо, комфортно... В первый раз за мучительные годы в новом мире удалось построить собственный островок, где я ощущала себя хозяйкой и могла побыть хоть немного собой.

С кристальной ясностью появилось ощущение, что пленение Рейсвальда ни к чему хорошему не приведет.

Мгновения спокойствия нарушились визгливыми криками Мика, который орал:

— Не топите меня! Не буду мыться! Уж лучше убейте, раз не жалко сироту!

И тут меня словно током подкинуло к потолку. О Мике подумала, а о молодом короле не распорядилась. Ему же тоже нужно выкупаться! А потом его надо куда-нибудь отослать, чтобы глаза не мозолил.

У двери меня уже ждала сердобольная горничная Энн. Одна из

новеньких, Энн до сих пор меня до ужаса боялась, поэтому остальные ради смеха всегда посылали ее как всеобщую представительницу.

— Ваше темнейшество, — пролепетала Энн, приседая в глубоком поклоне. — П-принимайте работу вашего раба...

Сдержав внутренний стон, помчалась обратно к псарням. Подле здания меня ждал с видом победителя Рейсвальд, рядом стояли три горничные и два стражника.

Избегая насмешливого взгляда короля, сначала обратилась именно к родным слугам, которые забыли о своих прямых обязанностях:

— Видимо, замок вполне способен сам за собой ухаживать и хранить в случае опасности, раз вы без дела наблюдаете за работой других. Последнее предупреждение!

Их как ветром сдуло, а я хоть перевела дух в преддверии разговора с королем. Прошла мимо него в идеально чистую псарню, где прятались от жары гончие.

Тут даже запах поменялся, не говоря об выскобленных досках, слое гравия для защиты собачьих лап, вычищенных кормушках. Идеальная работа, не к чему придраться, да и не хотелось. Рейсвальд тенью молча следовал за мной, нервируя. Рубашку накинуть на голое тело он так и не озаботился, а я приказала себе не смотреть на него и собиралась исполнить задуманное!

— Я довольна, Рейс, — холодно сказала ему, рассматривая лапшающуюся к моим ногам породистую суку с рваным ухом. Собака терлась головой о колени с видимым удовольствием да вымаливала погладить ее. Рушила, чтоб ее, весь образ холодной стервы. — Теперь выкупайся, дабы не оскорблять мое обоняние, и можешь присоединиться к нам за ужином.

С трудом приказала себе не смотреть на широкие мышцы груди и стройную талию короля и в который раз задень направилась от псарен к замку, но тут меня остановил низкий голос Рейса:

— Как пожелаете, госпожа!

Я невольно обернулась, этот нахал кланялся мне, словно перед танцем, да так изящно и красиво, что у меня дыхание отнялось, хотелось вечно смотреть на него.

«Он играет со мной, — с горечью появилось понимание. — Насмехается».

И так обидно стало, прям до слез. То есть я понимала, что он заслуженно меня доводит. Я задела его королевскую гордость, и все такое. И чего меня потянуло менять статус-кво — летала бы в его спальню, как и прежде, наблюдала бы издалека, как он строит жизнь с другой, небось

полегчало бы со временем. Рейсвальд на расстоянии вытянутой руки — это острая бритва, режущая прямо по нервам.

В расстройстве шагала к замку, понутив голову. Сиенна перехватила меня по дороге, поделилась беспокойством о мышах в кладовой:

— Погрызли окорочка, окаянные!

— Идем посмотрим, что приключилось, — со вздохом ответила верной женщине.

Спустилась по ступеням в сухое помещение хранилища, включила магический огонек и на пару с Сиенной и ее помощницей принялась методично рассматривать собранные на зиму припасы. Кроме окорочков погрызенными оказались мешки с крупой, запасы картошки, гороха, овсяных хлопьев. Вдобавок по всему погребу ощущалось присутствие жадного стада грызунов. Отодвинув один из мешков, мне удалось заметить поджарое серое тельце, поспешившее юркнуть в щель. От неожиданности я вскрикнула.

— Ваше темнейшество, вот уж не думала, что вы крыс боитесь, — всплеснула руками Сиенна.

— Я от неожиданности, — пробурчала под нос и полезла смотреть в щель, что там происходит.

Магическим зрением удалось увидеть целую подземную колонию с множеством выходов в разные уголки замка. На данный момент полчище крыс активно жрало мои припасы на зиму и размножалось в довольстве и радости. Отшатнулась назад и крепко зажмурилась: меня передернуло от омерзения.

Что делать с грызунами, я понятия не имела — хозяйка замка из меня никакая, сама себе часто кажусь самозванкой. Никогда не хотела ни огромных владений, ни власти над другими. После обучения у Илстина желала лишь найти собственный тихий уголок. Обычно маги живут с малочисленным штатом верных слуг, стараясь отгородиться от большого мира. Оказывать услуги высоко стоящим особам задорого — вот единственное послабление в стене нелюдимости вокруг магов.

Все началось с Сиенны. Именно она виновна в том, что на мою шею навесили огромный замок и разношерстную компанию людей, которые смотрят на меня в слепом восхищении.

Сиенну я встретила в деревне год назад, отнюдь не столь розовощекую и упитанную, как сейчас. Оба ее родителя всю жизнь прослужили в семье графа Вейнер, с детства готовя девочку к роли экономки. Знали бы они, что молодой граф вызовет гнев короля, будет сослан на южную границу, где

станет срывать гнев на домочадцах, может быть, и не воспитывали бы дочь в атмосфере полного подчинения вышестоящим.

Родители Сиенны погибли в голодную и холодную зиму. Молодой хозяин совратил девушку, затем передал на потеху стражам. Обычная судьба женщины, оставшейся без защиты. В свое время она постигла и меня после кратковременного счастья в объятиях Рейсвальда.

В тот день я пришла на базар за яблоками для шарлотки. Торговое место в захудалой деревеньке на южной границе оставляло желать лучшего. Я уныло перебирала битые яблоки под безразличным взглядом толстой торговки, как вдруг наткнулась на двух девушек. Одна из них в одежде экономки выбирала продукты, затем складывала в корзину в руках второй. Их сопровождал стражник, который безразлично взирал на нагруженных девушек, не считая своим долгом предложить разделить тяжесть.

Внутреннее чутье безошибочно уловило аромат жертвы. Хорошо одетая экономка пугливо прятала голову меж костлявых плеч. И у меня автоматически сработал инстинкт защиты, который Илстин настойчиво старался вытравить: «Живи для себя, Эвитерра, люди тебя погубят».

Стражник резко бросил экономке замечание, приказывая поторапливаться. Девушка замешкалась, рассматривая кусок мяса, и не успела ответить. Резкая пощечина ожгла щеку, она отлетела на пыльную мостовую, стражник довольно отряхнул кисть и жестко рассмеялся.

Во мне будто лопнула невидимая нить, годами сдерживаемая ярость хлынула наружу. Через мгновение, вместо того чтобы стоять в стороне, отбирая яблоки, я обнаружила себя между горой мышц и девушкой.

Со стороны выглядело смешно — щуплая низкорослая блондинка, взирающая снизу вверх на заросшего щетиной детину. Видимо, он тоже так решил, раз посмел сказать:

— Убирайся с дороги, шваль.

Дело в том, что я не хотела привлекать к себе особого внимания в то время, а ничто не способствует этому лучше, чем внешнее уродство. Заячьей губы и иллюзии гнилых зубов было достаточно, чтобы стражник уверился в собственной безнаказанности. Он волосатой рукой попытался отодвинуть меня, дабы полюбоваться на неуклюжие попытки экономки подняться с земли.

— Только что вы совершили большую ошибку, — вежливо сообщила я и недобро сверкнула кривой ухмылкой.

Стражник бросил на меня взгляд, передумал, решил не марать руки, а пнуть страшилую окованным сталью сапогом.

Магия с легкостью сорвалась с кончика пальца золотым дождем, пронзила кожаный сапог, поползла вверх по штанам к бедрам, словно ядовитая змея. Укус, ослепительная вспышка — и магия навсегда отсекала предмет гордости любого мужчины.

— Ведьма! — неожиданно высоким голосом заорал стражник, зажимая пустое пространство между ног.

— К вашим услугам. — Я с достоинством чуть склонила голову.

Вокруг нас на базарной площади набирало обороты столпотворение. Зеваки показывали пальцами на происходящее, плотным кольцом обступала толпа. Экономка, так и не поднявшись с земли, смотрела на меня со смесью восхищения и страха.

Стражник грязно выругался, в его руках сверкнула сталь.

— Еще одно слово — и отсеку голову, в которой прискорбно мало хороших манер, — предупредила я.

Громилу явно недостаточно предупреждали о дурном нраве ведьм. Мы словами на ветер не бросаемся. Когда клинок оказался в сантиметре от моей шеи, отрезав по дороге светлый локон, стражник страшно закричал, весь объятый золотым огнем, а потом в пыли завозилась заросшая волосами, истощно орущая морская свинка.

Я подняла животное под мягкий животик, вручила экономке со словами:

— Теперь ты можешь делать с ним все что вздумается. Посмотрим, как ему понравится быть миленькой беспомощной зверюшкой.

Воровато оглянувшись по сторонам, подобрала локон и положила в специальный карман. В волосах ведьм полно остаточной магии. Артефакторы скупают наши волосы и делают из них полезные предметы быта с приличным сроком годности.

Я уже собралась вернуться к яблокам, как вдруг вспомнила важное условие.

— Все проклятия обратимы, условие таково: принести столько радости, сколько причинил горя, — сказала истощно вопящей морской свинке черно-белого окраса и излишней волосатости.

Тяжело вздохнула: с толпой слиться не суждено. Придется переезжать в другую богом забытую деревню, пока не подберу жилье достаточной уединенности.

И тут оправившаяся от шока экономка попросила меня:

— Ваше темнейшество, госпожа ведьма, стойте! Прошу вас, возьмите меня с собой!

Она торопливо поднялась, осторожно держа зверька одной рукой, и с

умоляющими глазами продолжила:

— У меня никого нет, госпожа ведьма, позвольте служить вам верой и правдой до последнего вздоха. Вы не пожалеете, я с детства обучена вести хозяйство достойных.

Последнее слово она произнесла с особым ударением и горечью, словно за ним скрывалась целая история. И я не смогла остаться равнодушной.

Так получилось, что, выслушав историю Сиенны, я помчалась в замок графа Вейнера, а увидев творившийся там беспредел, обомлела. Больно вспоминать, что устроил скучающий садист в отдаленном поместье, уверенный в собственной безнаказанности. Меня очень злит, когда потакают самым низменным порокам за счет тех, кто не может защититься, а когда ведьма зла, ей лучше не хамить. Молодой граф решил, что прибыла новая игрушка, повел себя недостойно, ожидая забавы, но оказался в руках хищника. Надо признаться, я получила моральное удовлетворение от наведения порядка во владениях графа. Скажем так, устроила целый зоологический уголок, пополнив число морских свинок молодым Вейнером, его приспешниками и подхалимами.

Проблема в том, что в замке осталась челядь, которая по неизвестной причине отказывалась уходить и возгорелась желанием отныне служить черной ведьме. Так я обзавелась напрочь ненужным старинным зданием, намного превышающим параметры маленького уютного жилища, на которое я рассчитывала, и штатом слуг.

Все началось с Сиенны, будь она неладна.

— Госпожа? — робко спросила Сиенна, осторожно дотрагиваясь до моего локтя.

— Не мешай, сейчас буду колдовать, — предупредила ее.

Илстин частенько посмеивался над склонностью ученицы постоянно всех жалеть. Когда я попробовала вкус свободы в отсутствие учителя, это желание лишь усилилось. Вот и сейчас мне было жалко целый поселок крысочек, крадущих еду у моих людей. Я не хотела ни травить их, ни посылать полчище кошек на уничтожение колонии. Оставался лишь один выход — колдовать.

«У магической мощи ограниченный резерв, Эвитерра. Ты ведь не хочешь проснуться однажды и обнаружить, что дочиста вычерпала отведенный на твою долю колодец? Трать магию лишь в крайнем случае и только на то, что несет счастье. У тех, кто захочет твою силу использовать, проси запредельную цену. Зная твой характер, я хочу, чтобы ты запомнила

простую формулу: умножай вдесятеро то, что посчитаешь справедливой оплатой».

Мудрые слова учителя вновь оказались сказанными впустую.

Пуская золотой поток магии с рук, я заботливо запечатывала фундамент замка, отрезая грызунам любовно прорытые ходы. Отныне им дороги не было ни в кладовые, ни в спальни, ни в общие залы. О судьбе крыс я не беспокоилась — выроют новые ходы в сторону леса или станут головной болью хозяев другого замка. То уж не моя забота.

Довольная проделанной работой, под восхищенными взглядами порозовевшей Сиенны и ее помощницы я поднялась по ступеням.

Все тело ломило от остатков магии — сегодня я прибегала к ней слишком часто, за что и платила болью в мышцах, как после длительного забега.

Мысли лениво текли, напоминая о поставленных на сегодня задачах: проверить, как устроили Мика, заглянуть на поля — посмотреть, как идет уборка урожая.

Рейсвальд!

Как молнией, имя короля прошило сердце, и немедленно до умопомрачения захотелось его увидеть. Не верилось, что он так близок, и так легко было позволить себе маленькую слабость: любоваться королем в любое время дня и ночи. Рейсвальд, король Айнура, властелин моего сердца — теперь покорный раб, исполнитель прихотей. Всего на тридцать дней... Отведенное время сыпется песчинками секунд в нижнюю половину стеклянного резервуара, а я трачу драгоценные мгновения господства на укрощение крыс!

Я отправила его очиститься после отмывания псарен, а значит, искать Рейса стоит в купальнях.

Чистоплотность слуг — еще одна маленькая победа, которой я очень гордилась. Целый ворох волос с остаточной магической энергией круглосуточно грел воду в огромных чанах, откуда она поступала в женскую и мужскую купальни на первом этаже замка. Поначалу я заставляла народ мыться ежедневно и стирать одежду раз в неделю. А потом они и сами втянулись, и даже стали гордиться новообретенной привычкой.

Я повернула направо, прошла мимо общего зала, свернула в сторону кухни, куда также поступала горячая вода, и направилась дальше в заднюю часть замка.

Еще издали меня насторожило женское хихиканье. Поджав губы, поспешила вперед, чтобы застать приличную толпу, состоящую из

женского населения замка от пятнадцати до сорока лет, за таким неприличным занятием, как подглядывание в щель в мужскую купальню.

Прекрасно понимала, что привлекло столь пристальное внимание озабоченных клуш. Набухшей шляпкой огромного гриба во мне росло негодование. Обманчиво спокойно спросила:

— Могу ли я узнать, что вы делаете в этом дальнем уголке замка?

Девушки обернулись ко мне и принялись горячо оправдываться.

— Простите!

— Тут понадобилась наша помощь, ваше темнейшество!

— Не сердитесь, госпожа Эвитерра!

На разные голоса девушки клялись в вечной верности и излишнем рвении помочь новенькому, а наиболее умные потихоньку пятились прочь по коридору.

— Кого увижу на расстоянии меньшем, чем в десять шагов от него, за себя не ручаюсь, — сказала я тихим шепотом, предназначавшимся тем, на чьих щеках расцвел виноватый румянец.

Народ мигом понял намек и испарился. Что приятно — им повторять два раза не надо, они прекрасно осведомлены о крутом нраве хозяйки. Каждая в свое время умоляла остаться, они всеми силами держатся за стены замка Вейнер и даже готовы терпеть меня.

Предупреждение услышано, я могу быть спокойна, никто к королю не подойдет. Не для того я Рейсвальда пленила, чтобы опять от ревности к хорошеньким служанкам мучиться.

Кстати, о пленных. Нисколько не стесняясь, отворила дверь и зашла в наполненное паром помещение.

Купальня была хорошо прогрета, косые солнечные лучи падали сквозь высокое узкое окошко и рассеивались в облаках пара. Красноватое сияние расходилось от раскаленных углей в жаровне, бликовало по поверхности воды в общем бассейне. Теплые доски облицовки умопомрачительно пахли сосновой смолой.

Рейсвальд как раз аккуратно складывал штаны, полностью обнаженный. Услышав скрип двери, он обернулся и застыл на месте, ничуть не смущаясь собственной наготы.

А я смутилась. И чуть не выскочила обратно за дверь, но почему-то, наоборот, закрыла ее за собой и осталась во влажном помещении купальни.

Король смотрел на меня с превосходством непобежденного, не делая резких движений в попытке прикрыться. Всем своим видом показывал, будто от ведьмы чего-то подобного и ожидал.

А ведь хорош как бог. Капельки воды застыли на загорелой коже

сверкающими шариками. Пар льнул к стройному телу, клубился вокруг стальных мышц, словно пробовал на вкус и не мог насытиться. Одна наглая улыбка чего стоит, а от чертиков во взгляде сердце колотится как сумасшедшее.

Хотелось показать ему, что чары обаяния на настоящую ведьму не действуют, но действовали ведь! Я застыла подле горячего бассейна, не в силах проявить волю и гордо удалиться, наглядно показав равнодушие к обаянию привычного к женскому вниманию короля. Все, что смогла, это не смотреть прямо, а уставиться куда-то в угол купальни, где в кадке матово блестели раскаленные куски базальта, истекая паром. Рейс равнодушно пожал плечами, подошел к одной из расставленных у стен табуреток, зачерпнул из пиалы мыльный раствор и принялся растирать губкой натренированное тело.

Я забыла, как дышать, заколдованная размеренными движениями сильных рук. Красная губка стирала черные разводы на смуглой коже, оставляя полупрозрачный покров из пены. Закончив тщательное омовение, Рейс окатил себя водой из миски, отряхнулся и ступил к бассейну.

Король погрузился в воду по лопатки, откинулся на спину, в блаженстве прикрыв глаза. Кудри антрацитовыми лентами стелились по поверхности, брызги стекали с широкой груди.

Он зачерпнул горсть, умыл лицо и вытянулся в полный рост. Бассейн был вместительным, размером на шесть человек, наподобие общих японских купален. Достаточно места, чтобы рослый половозрелый мужчина нежился, распластавшись на поверхности. Полежав вдоволь, король перевернулся на живот, подплыл к дальнему краю бассейна, зачерпнул чашей воду и плеснул на камни.

От вида широкой спины, бугрившихся мышц, тонкой талии и идеальных округлостей ниже нее мне стало невероятно жарко. Плотная ткань черного платья липла к телу, стоячий воротничок душил.

Рейсвальд обернулся, видимо привлеченный звуком тяжелого дыхания. И я смогла лицезреть во всей красе, что, в отличие от меня, он нисколько, ни капельки, ни на грамм не был возбужден.

Я слепо нашарила входную дверь, повернула ручку, вывалилась в безлюдный коридор. Стыд разливался под ребрами, будто в душу плеснули едкого яда.

Дышать. Необходим свежий воздух. Неверным шагом направилась к одному из черных ходов в замок, по пути расстегивая жемчужные пуговицы на тяжелом бархате лифа.

С облегчением вдохнула морозный осенний воздух, словно птица,

вырвавшаяся из клетки. Во мне бурлила магия, расплавленным золотом плескалась в груди, волнами заливая голову, кружа и пьяня. От нее необходимо избавиться, иначе отравлюсь как от передоза. Бездумно подняла с травы голубиное перо и направила бурный поток в полную трубочку.

Желтый металл кольцами обвивал перо, нестерпимо ярко светил очин, жилками сверкали бородки, опахало трепетало от невидимого ветра.

Во второй раз за день сотворила артефакт. Теперь их тринадцать. Илстин бы запер меня в башне, заставив медитировать, схватился за голову и целый день пугал бы зловещими предсказаниями. Сама понимаю, что надвигается катастрофа. Это все Рейсвальд, близость к нему сводит с ума. Видела его лишь несколько секунд назад, и вновь тянет обратно с невероятной силой.

Перо мерцало радужным отливом, на ощупь стало прохладным и твердым, словно стеклянным. Магия плескалась внутри, готовая вырваться при малейшем зове. Получился мощный магический предмет, за который будут биться богатейшие владыки. По отпечатку энергии видно — владеющий сможет перекидываться в птицу по желанию. Нужно поместить перо в тщательно охраняемую комнату, перед тем как увижу Рейса и опять забуду обо всем на свете.

Пока поднималась на второй этаж, десять раз соблазнялась приказать Рейсу ждать меня в спальне, в том невероятно прекрасном образе, что навсегда отпечатался на внутренней стороне век, и десять раз передумывала. Неисполненная любовь жгла сердце и требовала насытиться. Немало усилий пришлось приложить, чтобы приструнить бушующие эмоции. Пока прошла до конца по коридору, повернула в западную башню, поднялась по винтовой лестнице до окованной двери, уже успокоилась и твердо решила отвлечься. Перо прекрасно поместилось под стеклянным колпаком. Охранный монстр открыл один глаз, полыхнувший алым, дернул пяточком, проверяя запах, и вновь погрузился в сон. Подошла к нему, погладила жесткую щетину на лысоватом затылке. Фрикс хрюкнул, обнажив острые клыки, раздвинул скрещенные на груди перепончатые крылья и подставил живот для ласки. С удовольствием почесала мягкое пузико огромного монстрика. Тяжело вздохнула:

— Почему весь мир скрестился именно на нем? Что в нем такое? У меня были мужчины красивее, умнее и отважнее. Даже с королем Эрлигии провела ночь и на следующее утро ушла без сожалений. Я ведь ему даром не нужна, может, в этом дело? Может, мне просто нравится истязать себя?

Фрикс перебрал лапками по перекладине, засунул пяточок под крыло и

засопел. С сомнением высказала ему догадку:

— Наверное, стоило открыться Илстину и попросить у него совета. Может, это своеобразный откат от использования магии. Я ведь и раньше влюблялась, еще у себя дома, в Москве, но так крышу ни от кого не сносило.

Мои сокровища безмолвно поблескивали под стеклянными колпаками. Я пересчитала — десять артефактов, каждый с другим свойством, еще три у покупателей, расставшихся с круглой суммой. Илстин говорил, что жизни ведьм хватает на четырнадцать магических предметов, затем источник сохнет. Четырнадцать — священное число в этом мире, и многое завязано на нем. Ведьм и волшебников тоже всего четырнадцать. Всего один неконтролируемый выброс энергии, один артефакт — и моя сила исчерпается. Превращусь из могущественной госпожи в обычную женщину с неработающей иммунной системой. Надежный тыл я себе так и не обеспечила. Не успела. Я держалась два года без единого выброса, Илстин проникся уважением, признав равной по дару. Столько усилий, непрерывающейся работы, и все впустую. Один артефакт — и мне конец! Думала, сделав рабом Рейсвальда, я обрету власть над измученной и ненужной любовью, а вышло наоборот — король в моем плену станет моей погибелью.

ГЛАВА 4

Не просите советов, если не готовы им следовать

— Маро!

Стеклянный шар наполнился сероватым дымом, в сердцевине блеснула огненная искра, и моим глазам предстала Маросдиль: лениво лежала на расшитых подушках, нежась в объятиях двух смуглых мужчин. В одном из них я с удивлением узнала эмира Садата Алиима, который всего месяц назад пламенно клялся, что всеми фибрами души Маросдиль ненавидит.

Не хотелось отвлекать подругу, но мне было отчаянно необходимо с кем-то поговорить. Я запуталась в собственных чувствах, совсем потеряла покой и не видела достойного выхода из ловушки, в которую загнала сама себя.

— Маро!

Ведьма оторвалась от поцелуя с Садатом, накинула на плечи прозрачный платок, расшитый рубинами, и повернулась к стеклянному шару, отвечая на призыв.

— Эви, как я рада тебя слышать! Котенок, не можешь ли выйти на связь чуть попозже? Немного занята, как видишь. Мальчики не простят, если отвлекусь.

— Хорошо, я все понимаю. Не хочу тебе мешать, — ровным голосом ответила, стараясь не выдать разочарования.

— Подожди, Эви! — Маро капризным жестом оттолкнула лезущего к ней Садата и села так, что лицо заняло весь стеклянный шар. — Ну-ка выкладывай, что там у тебя!

Проницательная Маросдиль! Ей все давалось легко: читать в человеческих душах и направлять их в нужную сторону. Оставаться холодной к врагам и теплой с друзьями. Ее называли «великолепная ведьма», а все знают, какое прозвище народ подарил мне. Я счастливица, что в беде могу рассчитывать на полезный совет Маро.

— Он у меня в замке, — сказала, как сбросила с плеч невероятную тяжесть.

— Кто? — нахмурившись, спросила Маро, а потом догадка осветила ее лицо, и она с придыханием спросила: — Ваня, что ли?

Рейсвальда мы даже в разговоре между собой боялись называть настоящим именем, взамен окрестив простым народным, которое меньше всего подходило властителю богатой страны. Во всем мире одна Маро была посвящена в мое постыдное увлечение королем Айнура.

Покраснев, кивнула, растеряв слова.

— Что он у тебя делает?

— Я спасла его невесту от смерти, взамен заставила служить мне месяц.

— Повезло мальчику, — с азартом прокомментировала Маро и уточнила: — Вы уже наконец того?

— Маро, ты не слышала? Ваня помолвлен!

— Пфф, Эви, ты всегда придумываешь себе несущественные преграды и долго упиваешься возможностью попереживать всласть. Тебе еще год назад нужно было во всей красе предстать пред его наглые очи и заставить очень пожалеть об утерянных возможностях.

— Он любит ее, — сухо сказала я и отвернулась от стеклянного шара.

Маросдиль неотразима и почему-то уверена, что и я произвожу тот же эффект на мужчин. Но мне недавно продемонстрировали наглядное свидетельство того, что за равнодушным фасадом Рейс не скрывает огненную страсть. Ощущаемое от него презрение — увы, очевидный факт. Если мужчина не хочет, его насильно не заставишь.

— Мне нужно с тобой поговорить наедине, — хмуро призналась подруге.

Ведьма обернулась к мужчинам, воркующим голосом попросила их удалиться. Великий эмир Алиим, как послушный мальчик, исчез за дверью покоев. Ох, Маро, этому колдовству и я бы хотела научиться.

Рассказала обо всем, ничего не утаивая. Как отправила короля на псарню, как пришла к нему в купальню, как сотворила с утра два артефакта.

— Плохо, — мгновенно стала серьезной Маро. — Котенок, он тебя погубит. Начинай думать головой, и поскорее. В твоём положении держать десять артефактов в замке небезопасно, люди соблазнялись и на меньшие сокровища, а у тебя полно приبلудных, непроверенных людей. Срочно ищи покупателей, тот же Рейсвальд невероятно богат, и ходят слухи, что он ищет магические предметы для своей казны. Садату я тоже намекну, что тебе есть что предложить. И ради Матери-волшебницы, послушай меня.

Маро поправила пышные кудри, наклонилась над кристальным шаром и с нажимом произнесла:

— Чем больше ты стараешься бороться с чувствами, тем сильнее они

становятся. Признаться, котенок, вскрой нарыв. Отказ пережить легче, чем вечную надежду.

Отвернулась, сжав зубы. Маро искренне переживала за меня и говорила дельные вещи... Нет, не могу! Не буду мямлить о своей любви под холодом насмешливых глаз.

— Зачем вызывала, если все равно собираешься делать по-своему? — Ведьма скрестила руки под пышной грудью, не скрывая обиды.

— Маро, твоя помощь неоценима. Я услышала твой голос, и мне стало легче дышать. — Слезы сами собой заструились по щекам. — Ты пойми, я очень долго была послушной дочерью и скромной девушкой. Поплатилась за это собственной жизнью.

Я замолчала. Не любила вспоминать, как умерла по глупости и мягкотелости. Маро тоже смягчилась.

— Котенок, помни, ты не одна, — шелковым голосом сказала ведьма, и у меня защемило сердце от нежности. — Нас тринадцать, и все мы готовы помочь. Молчим, зная твой характер, но стоит попросить — и любой волшебник к твоим услугам. Послушай меня, найди хорошего, надежного мужчину, который примет тебя со шрамами прошлого. А еще лучше — возвращайся к Илстину, он без тебя истосковался вусмерть, примет с распростертыми руками.

— Скорей собственноручно убьет, — скептически хмыкнула я, вспоминая крутой нрав учителя.

Маро спокойно смотрела сквозь хрустальный шар, и под ее взглядом мне стало неудобно.

— Не буду тебя больше отвлекать от интересного времяпровождения. Привет Садату.

— Он к тебе заглянет на неделе, и я буду его сопровождать, если ты не против.

— Хорошо, хорошо, Маро. Намек понят, приглашаю вас обоих, только прошу, избавь меня от наставительных лекций.

Маро отмахнулась и ободрительно улыбнулась:

— Я давно поняла, что тебя не исправить, это Илстин до сих пор пытается. Береги себя, котенок.

Из западной башни я спускалась почти спокойной, смилившейся с судьбой. В конце концов, в ближайший месяц я хозяйка Рейсвальда, а не наоборот.

В недолгое отсутствие госпожи замок функционировал по-прежнему, как хорошо смазанная машина. С удовольствием отмечала людей, трудящихся на своих местах. Во двор замка с поля заехали телеги,

груженные первым урожаем тыкв. Усатый возница остановил лошадей, и работники принялись сгружать тяжелые тыквы в подставленные тачки.

— Госпожа, — окликнула меня Сиенна, — мы уж вас искать собрались. Куда их девать-то?

— Пять на кухню, остальные в подвал, и проверь в поваренных книгах рецепты для хранения на зиму.

Пока Сиенна не выпалила десяток новых вопросов, я поднялась на второй этаж и пошла в комнату к Мику, которого как раз успели помыть и переодеть.

— Будешь весь день сопровождать меня, — сообщила мальчишке. — И бери с собой блокнот, послужишь секретарем.

— Но госпожа... — заунывным голосом протянул рыжий. — Я писать не уме-ею.

Поморщилась, помассировала виски. Он же за длинный день все нервы мне съест. Взвалила на плечи ношу непосильную, не подниму ведь.

— Мик, ты постарайся, хорошо? — сказала по-доброму. — Записывай, как умеешь, хоть картинками. Главное, ничего не пропусти.

Он кивнул, как послушный теленок, и в глазах промелькнуло что-то детское, доверчивое. Значит, не все потеряно.

Мы с ним обошли весь замок, проверили работу горничных, проследили за тренировкой стражников, отобрали пару рецептов для длительного хранения тыкв. Я не докучала советами, не пыталась воспитывать, просто держала рядом, наблюдая за его реакцией.

От беганья по бесконечным лестницам и коридорам мальчишка быстро выдохся и тихонько скулил, как щенок, но не сдавался. Над верхней губой застыли бисеринки пота. Длинные широкие штаны, явно чужие, постоянно спадали, он неуклюже подтягивал их сзади судорожным жестом.

И что-то меня такая нежность накрыла к пузатому недоразумению. Уже за то, что он смешно шмыгал носом и упрямо что-то калякал в блокноте. Про себя решила, что даже если лишусь волшебства — Мика заберу с собой. Просто потому, что у него никого больше нет.

Сиенна сильная, она может остаться, если захочет. Если будет, где оставаться. Я была реалистом и понимала, что ломать не строить — любовно отреставрированный замок с тщедушными беженцами легко станет чужой добычей. Впрочем, пока я не ощущала ослабления магического потока. Наоборот, магия так и ластилась к ногам, требовала, чтобы ее щедро зачерпнули, направили на дело. Продолжу готовиться к зиме, следуя продуманному плану. А там будь что будет, от всех в мире невзгод застраховаться невозможно.

— Что ты успел записать? — небрежно спросила Мика.

— В женской купальне не работает слив, бабы жалуются. На подъездной дороге дыра образовалась, застряла телега Майкила с грузом из тыкв, они там ругаются на чем свет стоит. У коров мастит, Руйвиль крадет серебряные подсвечники.

— Что? — переспросила я. — Повтори последнее, пожалуйста.

— Я очень внимательный, госпожа ведьма, — сияя, как начищенная монетка, выдал Мик. — Глазастенький.

— Вижу, — отрезала. — Быстро давай к Руйвилю, бегом.

Молодой лакей все отрицал, я даже засомневалась в нюхе Мика. Но легкое движение волшебной палочки — и серебро появилось из специального кармана в области паха. Оказывается, этот паршивец подпиливал и крал выпуклые завитушки с подсвечников, поворачивая их так, чтобы дефект не был замечен. Попортил штук десять. Не мои, остатки наследия Вейнеров, но все равно обидно.

За Руйвиля в свое время поручился Гейриль, один из стражников. Сказал, что младший брат остался без работы, готов на все ради хорошего места, и я поверила. Гейриль был проверенным человеком, не раз сопровождал меня в поездках, всегда показывая стойкость, выдержку и преданность.

В то же время его брат готовил себе отходной аэродром. В комнате Руйвиля обнаружили недосчитанные ложечки из сервиза и коллекция графских запонок.

На волне праведного гнева я устроила проверку личных вещей каждого обитателя замка. Горничная Верина, пришедшая из Сарнира, прятала нитку жемчуга из моих запасов. Как она умоляла меня в свое время взять ее хоть на испытательный срок! В Сарнире у нее никого не осталось, несчастная сиротка без защиты бесконечно плакала, широко раскрыв голубые глаза. Я пожалела ее, и девушка постоянно старалась угодить, пусть Сиенна и докладывала о ее лени.

Позарились на мелочи, что же будет, когда прознают о настоящих сокровищах западной башни? Как бы ни хотелось отрицать, но Маро была совершенно права — дом, в который я вложила немало труда и любви, станет опасным местом для бывшей ведьмы, лишившейся сил.

Притихшие слуги сгрудились в коридоре, глядя на беспорядок, устроенный в комнатах. Раскрытый зев ящиков, смятая одежда на полу, развороченные матрасы, раскрытые покрывала. Немой укор хозяйке, не доверяющей своим людям.

Никто не смел возмущаться, люди молчали, не говоря ни слова в

защиту провинившихся.

В груди свинцом налился тяжелый ком, глаза застили слезы.

— Зови Гейриля, — приказала дрожащим голосом Сиенне.

Та сделала глубокий книксен, спрятала виноватые глаза и заспешила в сторону барачных стражников. Воровство челяди на ее совести — экономка должна уследить, проконтролировать. Она плохо исполнила свои обязанности, я проглядела, как верные слуги наполняли карманы за мой счет, радуясь наивности ведьмы.

Самое обидное, Илстин прочил именно это, когда я закончила обучение.

«Только дурак не ухватит возможность использовать твою доброту, Эвитерра».

Во мне горел огонь противоречия, подстегивая доказать учителю, что он не прав, недооценивая человеческую природу. И как же больно признать, что все совершенно наоборот.

— Госпожа, позвольте вашему преданному рабу дать один совет.

За спиной стоял Рейсвальд, пахнувший сосной и свежестью после купания, смотрящий отнюдь не смиренно. При виде его стало тепло в груди.

— Слушаю, — коротко ответила, чуть склонив голову набок.

Он шагнул вперед, и окружающие, включая Мика, вдруг отступили, оставив нас вдвоем. Такова была внутренняя сила Рейсвальда, что одним движением он заставлял людей подчиняться.

— Устройте публичный суд над теми, кто запятнал себя воровством. Негоже решать людскую судьбу, не выслушав все обстоятельства. Воспользуйтесь шансом показать справедливость, госпожа.

Отвернувшись, чтобы скрыть невольную улыбку. Король Айнура, прирожденный дипломат и лидер, даже став рабом, не может удержаться от совета. Так приятно, что он обо мне позаботился, несмотря на то что по отношению к Рейсвальду я вела себя по-свински. И даже чуть полегчало, словно давящая на плечи ноша ответственности за обитателей замка уменьшилась.

— Будет суд, — сказала бесцветным голосом, стараясь скрыть эмоции. — Так правильно.

ГЛАВА 5

Не судите слишком строго, если не готовы к последствиям

Рейсвальд выяснил опытным путем, что кислое выражение на лице темной госпожи появляется, только когда она смотрит на него. Он не понимал, зачем ей в качестве раба мужчина, вызывающий столь явное отторжение, но остерегался лезть в дебри души бешеной ведьмы.

Король не подозревал, что пленение взамен на излечение Катрин обернется довольно приятным времяпровождением. Стоило расслабиться, как происходящее стало восприниматься занимательным приключением, будто он попал на месяц актером в плохо поставленном балаганном представлении. Сыграть роль раба? Запросто. Тем более оказаться вдали от змеиного гнезда, называемого королевским дворцом, принесло небывалое облегчение.

Прекратились нескончаемые потоки лжи и лести. Ушло гнетущее чувство, что неведомый враг ждет ошибки, чтобы вонзить клинок под ребра. Он больше не балансировал на грани, пытаясь удержать в узде бюджет, армию, мятежных аристократов и лютых интриганов.

Короля отправили в вынужденный отпуск, и он наслаждался каждой минутой передышки. Даже простая физическая работа — уборка псарни послужила неплохой разминкой. А уж купание принесло истинное удовольствие, несмотря на присутствие ведьмы, отличившейся особо мучительным выражением лица. Он даже подумывал, не позвать ли лекаря для темной госпожи, которую словно скрутил нервный паралич.

Впрочем, на нее можно было почти не обращать внимания. Горячая вода разминала мышцы, ароматный пар нежил легкие. Решено, по возвращении Рейсвальд обязательно устроит у себя подобную баню, хватит мокнуть в бадье с холодной водой у камина.

Слуги поначалу не знали, как себя вести с бывшим правителем. Преклонение он воспринял спокойно, а вот пару молодчиков, попытавшихся хамить, пришлось поставить на место где острым словцом, а где и кулаками. Хорошая драка тоже взбодрила, в итоге уже после обеда Рейсвальд занял негласное место теневого короля замка, которое никто не смел оспаривать.

И все же его мучило любопытство: как удалось бешеной ведьме

завоевать безусловную любовь и восхищение всех обитателей замка? На нее чуть не молились, каждый старался что есть сил выполнить свои обязательства. Того, кто подстегнул бы так работать любого из его вассалов, король назвал бы гением.

Образ неуверенной в себе девушки, застывшей со скорбной складочкой в уголке рта, словно скрывающей несварение желудка, никак не вязался с образом «ее темнейшества», о которой слуги говорили чуть не с придыханием.

Когда король увидел ведьму после обеда, взъерошенную, расстроенную воровством слуг, будто ее минимум предал любовник, в нем колыхнулось нечто схожее с жалостью. Пресвятой Отец, все слуги воруют, лишь дай шанс! Главное, поймать вовремя и наказать так, чтоб другим неповадно было.

Рейсвальд поделился советом — не мог смотреть, как она чуть не плачет при всех в момент, когда нужно проявить стойкость. Ведьма же отвернулась и поджала губы, словно ей неприятно одно его присутствие. И тем не менее послушалась.

Не поймешь этих ведьм, Пресвятой Отец свидетель, чтобы он хоть раз еще связался с любой из их племени!

Если бы не гложащая тоска по Катрин, отдающаяся физической болью во всем теле, король бы даже назвал первый день пленения довольно забавным.

Замок Вейнер славился героическим прошлым: он выдержал войну южных кланов, налеты северных варваров, пережил пожары, запустение, разорение бывших хозяев и воцарение новых. О нем писали в местных исторических справочниках, включали в список достопримечательностей для паломников, идущих в Корвино — место рождения Пресвятого Отца.

Другими словами, мне досталась потрепанная годами развалюха. Вейнер строился в первую очередь как крепость, а не как место обитания, и это чувствовалось в гуляющем по коридорам холодном сквозняке, в серых камнях стен, прикрытых выцветшими от времени гобеленами. Узкие стрельчатые окна, больше напоминающие бойницы, пропускали совсем мало света, и в комнатах царил навевающий уныние полумрак. Я полюбила эту громаду валунов, пережившую столько неурядиц и все же крепко вцепившуюся в землю.

Полюбила, несмотря на то что в доставшемся замке следовало менять абсолютно все, кроме стен. Повар выпросил новую печь с длинным медным дымоходом новой модели, избавившим кухню от налета черной

сажи и постоянного едкого дыма. Купальни тоже вышли на славу, как и отхожие места, гигиеничные, опрятные даже по стандартам моей прежней родины.

Сколько всего еще оставалось сделать! Во-первых, величественная глыба камней совершенно не держала тепло. Любая попытка обогреть комнаты терпела поражение под напором сквозняков из бесчисленных щелей. Летом прятаться в прохладных залах замка Вейнер было облегчением, но на пороге стояли холода, а даже мягкие зимы на южной границе приносили ледяные дожди, град и жестокие бури.

Во-вторых, одними тыквами голодные рты не прокормишь. Следовало срочно собрать достаточно запасов на долгую пору без урожая, озаботиться правильным хранением, наладить товарооборот с отнюдь не дружественными соседями. Мои владения росли от месяца к месяцу, просители не давали покоя мольбами переселиться в замок. Из леса то и дело вываливались несчастные, которых магическая защита пропустила, не видя угрозы. Я отказывала большинству, но все же население замка за последний год выросло с двадцати до ста пятнадцати человек. Айнур и Сарнир, естественно, были недовольны подобным положением дел, тем более что замок Вейнер издревле был местом стычек и набегов, теперь же мои владения бельмом на глазу мешали правителям обоих королевств. Один из них был ныне в моем плену, что не умаляло опасности, исходящей от подданных Рейсвальда.

Прибавить сюда трения между жителями замка, нехватку нормальной мебели, вечные поломки, болезни, обучение детей грамоте — проблемы прибывали быстрее, чем я успевала с ними справляться. Волшебного дара не хватало на все, необходимо было обладать навыками ведения сельского хозяйства, основами бухгалтерии, экономики и управления, которых катастрофически не доставало. Единственное, что сдерживало желание бросить проигрышный проект управления замком Вейнер, — отчетливое понимание того, что без меня все эти люди просто-напросто пропадут.

Когда узнаешь, что те самые верные слуги, ради которых ты бьешься как рыба об лед, используют добрые намерения, чтобы озолотиться втихую, пока никто не видит — это как клинок в спину. Ужасное разочарование. И да, я была готова прогнать их сразу, избавив себя от выслушивания оправданий.

Рейсвальд спас от необдуманного шага. Рубить сплеча, совершать импульсивные поступки — такое поведение не красит правителя. Мои люди достойны того, чтобы я, по крайней мере, выслушала оправдания. Легко доверять, когда все идет хорошо, но подобные испытания проверяют

не только чистоту совести провинившихся, но и границы милосердия тех, в чьих руках сила. Нельзя ни на минуту забывать, что любое бездумно принятое решение может иметь серьезные последствия в этом мире, столь несправедливом к слабым.

Тронный зал поражал умопомрачительно высоким стрельчатым потолком. Опорные колонны уходили ввысь, где распускались ажурными цветами, ласкающими друг друга изящными каменными лепестками. Свет проникал сквозь витражные окна, распускаясь радугой на серых плитах пола. Иллюзия, наведенная на постамент, все еще держалась. Он сверкал старым золотом в сочетании с тяжелым бархатом, покрывающим мраморное ступенчатое основание. Магия невероятно сильна в последние дни.

В зале царила тишина, несмотря на то что почти вся челядь собралась на суд.

Я заняла место на алом бархате трона. Рейсвальд, будто это самая естественная вещь в мире, устроился у моих ног, прямо на покрытых бордовой тканью ступенях. Моя рука оказалась на расстоянии пары сантиметров от тяжелых кудрей пленника, и желание попробовать их на ощупь стало непереносимым.

Рейсвальд обернулся, посмотрев дьявольскими черными глазами снизу вверх так, что сердце пропустило удар.

— Моя госпожа...

Боже, от этого голоса я сойду с ума.

— Предлагаю начать с девушки, думаю, ее мотивы понятны и стары как мир.

— Посмотрим, прав ли ты, Рейс, — не отказала себе в удовольствии обратиться к королю по имени. Его волосы ласкали тыльную сторону ладони, жутко отвлекали, они оказались неожиданно мягкими и пахли сосной.

Магия тоже отреагировала на близость короля, взбунтовалась, потекла по телу золотой волной. Я приказала себе глубоко и ровно дышать, думать о предстоящей зимовке, а не о мужчинах, которые хоть и принадлежат телом, но никогда не будут моими душой.

— Альдонз, — обратилась к дворецкому, — вели звать Верину.

— Правильное решение, госпожа, — жарко зашептал Рейсвальд, опалив дыханием колено сквозь платье. Его плечо плотно прижималось к моей ноге. — Сначала выслушайте служанку, потом придумаем, как опровергнуть ее слова.

Верина с заплаканным лицом заплетающимся шагом вышла на

освобожденную площадку перед троном и осела на пол, словно лишившись сил. К ней тут же бросились трое лакеев, пытаясь помочь встать на ноги, но я остановила их жестом. В поведении Верины проскальзывали истеричные нотки, и мне хотелось посмотреть, как далеко она зайдет в стремлении вызвать жалость.

Подняв нитку жемчуга, я строго посмотрела на служанку. Ожерелье, несмотря на простоту, ценилось довольно высоко за уникальный розовый оттенок бусинок. Дело в том, что именно в нем я появилась в этом мире. Купила в Болгарии у усатого мужика, торгующего на берегу моря, когда ездила на отдых с мамой. Простой речной жемчуг, неровные бусины, отливающие закатным перламутром.

— Я не брала, — со слезами в голосе, прижав руки к груди, надрывно призналась Верина. — Его подбросили! Клянусь, никогда бы не украла ничего вашего, темнейшая госпожа.

— Оно тебе знакомо? — поигрывая нитью, спросила я.

— Вы никогда его не носите, — с обвиняющими нотками сказала она. — Я видела его в шкатулке с драгоценностями мельком, когда убиралась у вас в комнате.

Не надевала с того первого дня и не надену никогда. Слишком больно видеть осколок прошлой жизни. В нитке жемчуга, в белой толстовке и джинсах я очнулась посреди охотничьих угодий Айнура. Два дня скитаний, дикого страха, голода, ночевки в ветвях дуба под завывание волков. Затем на меня наткнулся принц, который ныне сидит у моих ног. Кстати, он, кажется, не узнал ожерелья. Что ж, мужчины редко обращают внимание на мелочи. Глупо ожидать, что он хранит в памяти роман семилетней давности, да еще помнит, что было надето на испуганной замызанной девице.

— Как же оно могло оказаться под твоим матрасом, Верина?

— Не знаю, ваше темнейшество! Кровать Айи стоит рядом, пусть она скажет, как ваше украшение оказалось в моих вещах.

— Становится все занятней. Айя, пойдика сюда.

Темноволосая тихая Айя страшно заикалась, старалась в любых обстоятельствах слиться с обоями. Я подумывала сделать ее своей горничной, чтобы чуть-чуть отогреть бедняжку, тем более Сиенна отзывалась о ней весьма положительно.

Айя испуганно вжалась в стену, неохотно качнулась вперед, встала подле Верины.

— Я н-н-не б-б-б...

Девушка запнулась, образовалась неловкая пауза.

— Ну вот, опять из нее слов клещами не вытянешь, — недовольно подчеркнула Верина. — Она всегда мямлит, когда волнуется. Ее поймали на краже, вот и тянет время.

— Н-н-н... — замычала Айя, отчаянно жестикулируя.

— Хватит, — устало махнула я, прекращая попытку Айи оправдаться. — Вижу, доказать ничего невозможно, ее слово против твоего. Говоришь, видела лишь мельком ожерелье, Верина?

— Да, ваше темнейшество.

— Держала ли его в руках?

— Не смела, ваше темнейшество.

Рейсвальд вновь придвинулся ко мне, намереваясь дать совет. В животе затрепетали бабочки от близости мужчины, как у девушки-подростка. Положила ладонь на его плечо и настойчиво отстранила.

— Не буду наказывать слишком строго, — сказала скучающим голосом, надеясь, что рыбка заглотит наживку. — В конце концов, нитка жемчуга вернулась почти в целости и сохранности. Не хватает лишь двух бусин, которые вам обоим придется отработать.

Айя покорно опустила голову, принимая вердикт, а вот Верина встрепенулась:

— Неправда! Все бусины на месте, их ровно пятьдесят. Пересчитайте, ваше темнейшество, сами увидите!

Я кивнула, считая вслух, перебрала в руках до боли знакомую нитку. Пятьдесят неровных жемчужинок, каждая непохожа на свою товарку.

Верина засветилась, как медный грошик, уверившись в своей непогрешимости. Как же раньше я не замечала этой фальши? Определенно, я переоценивала свои способности видеть людскую суть, впредь буду намного осторожней.

— Надеюсь, теперь все убедились, что по крайней мере одну ложь удалось вывести на чистую воду. Верина, чтобы пересчитать все бусины, ожерелье нужно долго рассматривать или держать в руках, а не видеть мельком, как ты утверждала ранее. Не знаю, скажешь ли ты что-либо о своих мотивах, но, надеюсь, всем присутствующем ясно, кто настоящий вор!

— Вы его даже не надевали никогда, госпожа ведьма! Оно вам совсем не нужно, а мне замуж выходить весной, праздник справлять не на что! Пожалейте, вы же всех жалеете...

— Верина, не испытывай моего терпения. Ты изгоняешься из моих владений. Надеюсь, ты помнишь условие неразглашения. На тебе всегда мои чары, и, если не хочешь обратиться в свинью, помалкивай о годе

службы в замке.

— Смиловись, темнейшая госпожа!

Ее уже уводили стражники. Я устало откинулась на спинку трона. Магия зудела в мышцах и требовала выхода, как постоянная зубная боль. Рейсвальд внимательно осматривал меня, в его взгляде сквозило нечто похожее на восхищение.

— Рад видеть, ваше темнейшество, что вы не нуждаетесь в моих советах.

— Наоборот, Рейс, я только что убедилась в том, как полезно было бы стать твоей ученицей во всем, что касается вершения людских судеб. Спасибо за то, что убедил устроить суд по всем правилам.

— Презренный раб не достоин великой похвалы от строгой госпожи.

Кажется, Рейсвальд решил получить удовольствие от каждой минуты вынужденного пленения. Он так и сочился сарказмом, от его фигуры веяло властью, будто это Рейс сидит на троне, а я у его ног. Если бы не дрогнувший уголок губ, я бы даже могла принять его слова всерьез.

— Послушный раб, — решила продолжить игру и позволила себе удовольствие погладить его по голове. — Быстро учишься.

Он все-таки улыбнулся во весь рот, но постарался спрятать это, склонив голову. Ну вот, не прошло и дня, как Рейсвальд перестал воспринимать мои слова всерьез. Все-таки не получилось поиграть в строгую домину в кожаных ремнях с плеткой в руках. Ах, Рейс так хорошо смотрелся бы с заведенными за спину связанными руками и с кляпом во рту, полностью обнаженный... Видимо, не судьба. Я накрепко запуталась в собственных желаниях, знала лишь одно: когда на губах Рейса играет улыбка, словно солнце светит в груди. Несмотря на предательство Верины, у меня хорошо на душе. Хочется, чтобы он был рядом всегда...

Одернула себя от грез. Впереди суд над Руйвилем, следует собраться, а не растекаться лужицей около пленного короля.

Лакей уже занял свое место, смотрел дерзко, будто правда была на его стороне.

— Я признаю вину, — сказал он без обиняков. — Отпиливал завитушки у подсвечников, отправлял в Каменный Ручей. У меня растет сын, мать которого в свое время вышла за другого. Ее муж погиб во время последнего набега из Сарнира, Магида осталась одна с пятью голодными ртами. Готов принять любое наказание, госпожа, только не гоните.

— Не понимаю, — прошептал Рейс. — Разве вы, почтенная госпожа, не платите жалованье слугам? Лакей смеет говорить так, будто не я один, а все они — ваши верные рабы...

Густо покраснела, просто вся залилась краской, как помидор. Во всем замке жалованье получали лишь стражники, нанятые мною по контракту. Остальные были, по сути, беженцами, появлявшимися время от времени из леса и умолявшими найти им место. Я давала им кров и пищу, находила занятие, стараясь считаться с предпочтениями, но и не позволяя лентяйничать. По сути, они все работали не для меня, а для того, чтобы замок функционировал — чтобы на полях росло зерно, в кухне готовилась еда, вещи были на своих местах. Зарплата просто-напросто выпала у меня из головы, так как весь этот замок представлял для меня сплошной убыток. Содержание древней развалюхи подорвало мой когда-то вполне существенный капитал, сколоченный на продаже трех артефактов и предоставлении весьма щекотливых услуг сильным мира сего.

А ведь Рейсвальд сказал правду — без жалованья все обитатели замка не что иное, как рабы...

Стыд и позор на мою голову.

— Суд закрыт, — быстро и четко сказала я. — В ближайшие дни обговорим жалованье каждому работнику. А теперь слушай меня, Руйвиль. Весьма впечатляюще с твоей стороны признаться, не пытаюсь оправдать преступление. Где же была эта смелость, когда ты, скрываясь от всех, переправлял серебро за пределы замка? Или же доблестный муж выборочно проявляет силу духа, когда ему наиболее выгодно?

Гордо стоящий Руйвиль заметно осунулся, бросил косой взгляд на Гейриля. Тот отвернулся, качая головой. За стражником необходимо будет присмотреть, существует вероятность, что он знал и прикрывал родственника.

— За то, что отстоял несправедливость, я смягчу твое наказание.

Магия тоненькими ручейками потекла по пальцам. Я тщательно следила за потоками, как учил Илстин, не давая прорваться той нетерпеливой лавине, что кипела внутри и просилась на свободу.

— Слушай *условие*. — Магия потянулась к ботинкам Руйвиля, опутала ноги тонкими паутинками и тут же впиталась в тело. — Ни одной заработанной медяшки не сможешь потратить на себя, пока не выплатишь мне долг. Прощай, Руйвиль. Все свободны.

С трона я сходила, стараясь ни с кем не встречаться взглядом, под всеобщее ликование.

Рейсвальд показушным жестом хлопал в ладоши, вскоре вся челядь присоединилась к аплодисментам. Я покидала зал под пожелания долгой жизни справедливой темной госпоже, свист и радостный смех.

А вот король Айнура зря ухмыляется. Ему я жалованья точно платить

не буду.

ГЛАВА 6

Не отказывайтесь от незаменимых услуг

Прошло совсем немного времени, пока я поняла, что совершила огромную ошибку. Грубейшую! Попалась, как лопухий новичок в компании прожженных мошенников. Я пообещала зарплату домочадцам, но совершенно не имела представления, в какую копеечку мне эта благотворительность влетит.

Илстин держал всего трех опытных слуг — лакея, горничную и кухарку. Они служили колдуну больше двадцати лет, были преданы до глубины души, и уж, конечно, такой приземленный предмет, как оплата подчиненным, в курс магии не входил.

И главное, спросить некого!

«Сиенна, милая, сколько тебе жалованья выдать?»

Тщательно поддерживаемая репутация коту под хвост. А ведь Рейсвальд и дня в замке не провел, а уже почти довел меня до истощения магического резерва и близкого банкротства. Опасный раб, опасная игра, но почему-то на душе давно не было так светло...

Кстати, если кто-то кутерьму затеял, то пусть и расхлебывает.

Позвонила в колокольчик, сообщила в амулет связи о желании видеть Рейсвальда в своих покоях немедленно. Король явился почти сразу, будто гулял недалеко. Кстати, обзавелся обновками явно недешевого пошива, синий брасьер с золотым узором сидел на нем как влитой, удачно подчеркивал крупные плечи и узкие бедра.

— К вашим услугам, о великолепнейшая владычица, — с глубоким поклоном поприветствовал меня король.

Ну почему в каждом слове Рейса мерещится сарказм?

— Мне требуется твоя помощь, — произнесла скучающим голосом, стараясь не глазеть на неотразимого пленника.

— Мой долг — выполнять любой каприз госпожи, — с опаской промолвил король, поглядывая на кровать.

И так грустно стало от паники, проскользнувшей на красивом лице при одной мысли, что заставлю делить с собой постель! Прикусив губу, отвернувшись, заставляя себя хорошенько запомнить его реакцию. На будущее, если когда-нибудь вновь проснется шальная мысль приковать Рейса у стены и дать свободу тайным желаниям.

— Не уверена, сможешь ли быть мне полезным... Хорошо же, попробуем! Какова зарплата экономки?

— Зависит от престижа дома и величины обслуживающего штата, — растерянно ответил Рейс.

Но я уже поняла, что он разбирается в предмете, и атаковала дальше по списку:

— Допустим, речь идет о графском замке с населением в сто пятнадцать человек.

— Два золотых в год, четыре серебра и по шестьдесят медяшек в месяц на руки на мелкие расходы.

Прикинув, что в сейфе хранится три тысячи золотых, вырученных за артефакты и другие услуги, с облегчением поняла, что не обеднею.

Рейса усадила за стол, вручила чистый лист и перо с чернилами. Приказала заполнить примерное жалованье для лакеев, учителя грамоты, духовников, служанок, горничных, кухарок и всей челяди, которая успела заполнить замок, размножиться, начать требовать себе лучшие права и условия.

Мудр Илстин, не поддающийся на бесчисленные письма с просьбами взять в услужение талантливейшего родственника из деревни с блестящими рекомендациями. В который раз убеждаюсь в правоте учителя. Между тем он всегда казался ужасным мизантропом, видящим в людях худшее. Обещала себе быть на него не похожей, всегда верила в то, что окружающим нужны тепло и ласка.

В конце концов, должна признать, что домочадцы выполняют работу на совесть, зарплату заслужили по-честному. Одна бы я никогда не справилась с задачей превратить развалины в пригодное для жизни помещение. А теперь на кухне вкусные запахи, тепло и смех. В погребе хранятся первые сыры, в хранилище завязаны мешки с выращенным урожаем пшеницы, стены украшены полотняными коврами, которые девушки ткали по вечерам, сидя в общем зале подле очага. С детских лиц исчезло выражение затравленности, страха перед будущим. И все это без единого слова упрека за то, что темная госпожа за все это время не обмолвилась о вознаграждении.

Исписав ровным твердым почерком выданный лист, Рейс предложил:

— Будет проще, мудрейшая владычица, если все данные занесу прямо в книгу доходов и расходов.

Покраснев, переспросила:

— Что тебе требуется, Рейс?

— Всего лишь важнейший предмет обихода любого хозяина замка,

взявшего на себя обязанности заботиться о домочадцах, — невозмутимо ответил он и добавил: — О, могущественная заклинательница стихий.

— Мать-волшебница, прекрати паясничать или клянусь, моя выдержка даст трещину!

— Вам претит моя покорность? — с показным удивлением спросил король Айнура.

Немного подумав, позволительно махнула:

— Нет, продолжай, в этом есть своя прелесть. — И тяжело вздохнула, признаваясь: — Понятия не имею, что это за книга. Рассказывай скорее, пока не осознала всей глубины собственного позора.

Рейс тепло улыбнулся, с интересом рассматривая покрасневшие от стыда щеки.

— Признаться, первое впечатление о неспособности великой повелительницы признавать ошибки оказалось неверным. Послушайте же, как должна выглядеть книга учета бюджета...

Подтянув к себе новый лист, Рейсвальд расчертил его уверенными движениями на графы, показал, что куда заполнять. И чем дольше он объяснял, тем больше я краснела, понимая, что не додумалась до простого инструмента, который в моем мире использовали бухгалтеры со времен Ветхого Завета. Конечно, необходимо вести учет доходам и расходам, иначе не выплывем.

— Вы можете доверить ведение книги близкому человеку, но тем не менее обязанность ежедневно проверять будет лежать на вас. Увы, большие деньги соблазняли и кристально честных людей. Ну же, великолепная владычица, посмотрите на меня, неужели я расстроил вас?

Его близость, теплота в голосе, мимолетное касание локтем бока, все это оказалось слишком для нервов, порядком расшатанных длинным днем, полным невероятных событий. Я встала, подошла к высокому узкому окну и сказала почти шепотом, чтобы не выдать дрожь в голосе:

— Спасибо за помощь. Ты свободен, Рейс.

Когда король ушел, я подошла к гобелену, изображавшему ночное небо, освещенный свечами балкон, пару влюбленных, преданно глядящих друг другу в глаза. За гобеленом прятался секретный рычаг. Я нажала его, открывая проход в секретные покои, куда не было ходу ни одному из слуг. Затворив за собою дверь, со стоном сняла бархатное платье. Подошла к шкафу, накинула хлопковый халат и с наслаждением села на мягкий диван, задрав ноги на журнальный столик.

Мое личное логово. Безмолвный экран напротив изображал телевизор, рядом стоял стеллаж с книгами. На дощатом полу лежал пушистый ковер,

на стенах висели картины с изображениями Эйфелевой башни, небоскребов Нью-Йорка, Красной площади. Их нарисовал талантливый местный художник по моим эскизам. Я очень боялась, что когда-нибудь прошлое подернется дымкой, покажется далеким сном. Растворюсь в этом мире и забуду о том, что на самом деле я Ева с Земли. Ева с Терры. Даже имя себе выбрала, которое будет подтверждать, что мои воспоминания — настоящие. Эвитерра. Эвитерра.

Достала из секретера папочку с рисунками дорогих сердцу людей. Мама... Наверное, она до сих пор страдает, что не уберегла. Мама всю жизнь слишком опекала, боясь, что однажды не досмотрит, пропустит и меня не станет. Страшно растить болезненного ребенка, который каждый год несколько месяцев проводит в больнице. Я росла астматиком с многочисленными приступами. И это если не брать в расчет серьезные аллергии на все на свете... Неудивительно, что мама наседкой всегда была рядом. Ирония судьбы, что я умерла именно в тот момент, когда она вышла за покупками.

Папа... Надо быть настоящим мужчиной, чтобы вытерпеть рождение больного ребенка, помешательство на нем жены и иметь достаточно смелости, чтобы вырастить еще двоих.

Варя, Матвей, как же я скучала по ним! Надеюсь, что время сумело залатать раны от моей смерти. Несмотря на болезненность, своим младшим я заменила маму, которая тратила всю энергию на меня одну. Ее не хватало на здоровых непослушных разбойников. Она частенько покрикивала на них, между тем никогда не повышая голоса на меня. Я же всегда находила время с ними поиграть, выслушать, утешить.

Не существует идеальной семьи. Но я всем сердцем любила несовершенную, покалеченную мою... Роднее брата, сестры и родителей у меня никого не было. Прошло семь лет с момента моей смерти, а все так же тяжело переносить собственное одиночество и все так же снедает тоска по вечерним посиделкам в кругу родных. Все бы отдала, лишь бы передать им весточку о том, что жизнь не всегда кончается с остановкой сердца. Сказать, что теперь меня никогда больше не посещает ощущение удушья, горло не саднит от трубки, руки не проколоты иглами. Я могущественная ведьма с собственным замком и солидным капиталом. Мама была бы рада.

Тишина комнаты, идентичной гостиной нашей городской квартиры, умиротворяла. Я аккуратно поставила на место портреты, нарисованные художником на заказ по описанию. Как же я замучила мастера придирами, пока черты не встали на свои места, а нарисованные персонажи начали напоминать родных! И все же не получилось до конца, а теперь

изначальные образы смыты, время безжалостно отбирает самое дорогое.

В этом помещении я убиралась сама, как привыкла с детства. Достала тряпку, протерла пыль, подмела пол, поправила кружевные салфетки на журнальном столике и секретере. Папа собирал ракушки, просил знакомых везти их из дальних стран — я постаралась воссоздать внушительную коллекцию на полках, потратив на это немало сил, денег, уговоров, даже шантажа. Пару минут послушала шум прибоя в крупной улиткоподобной раковине коралловой расцветки. И с облегчением поняла, что успокоилась.

Невзгоды замковых обитателей, Рейс в услужении — все это показалось интересным сном, щекочущим нервы приключением. Я готова к новым испытаниям. В конце концов, в новой жизни я обещала себе быть смелой, а не бледным задохликом, готовым улететь от резкого порыва ветра.

Покинув тайную комнату, я решила отвлечься на что-то полезное и тихое — например, позаниматься с Миком грамотой. Мать-волшебница, это была ошибка! У парня талант нервировать окружающих.

— Я не-э-э зна-а-ю, — блеял Мик над простейшими заданиями.

— Соберись, ты ведь читал эту букву с легкостью месяц назад!

— Забы-ы-ыл, — выкатив губу, как дебил, ныл рыжий балбес.

— Я разрешу держать собаку в комнате, — решила я на простейший способ воспитания — взятку.

— Это ремю, это осна, это вязь, — споро прочитал Мик аккуратно начертанные буквы.

Покачала головой. Вот так, передовые методы обучения меркнут, стоит лишь помахать перед глазами мечтой любого мальчишки — собакой. Мику повезло, что я и так собиралась заводить преданного помощника. Собаки неплохо чувствуют магию, а привыкнув к моей, смогут дать знать, когда рядом чужая.

Урок пошел намного глаже, я не скрывала довольную улыбку, Мик же расцветал на глазах под одобрительным взглядом. Словно цветок, который давно не поливали, он стремился в место, где мог напиться любви и уважения.

Стремясь закончить урок на положительной ноте, я захлопнула учебник. За окнами бархатная тьма подкрадывалась к полям, окутывая лиловым одеялом, зажигая в небе огоньки мигающих звездочек. Подошло время ужина.

Последней трапезе дня уделялось особое внимание. В общий зал приносили длинные столы, скамьи, накрывали для всех обитателей замка.

Лишь две семейные пары с детьми, сумевшие построить свой дом за пределами стен, имели разрешение трапезничать отдельно. Но обычно они не пользовались исключением, а присоединялись к остальным, чтобы провести вечер за шутками, песнями, насладиться компанией и чувством общности.

После ужина женская часть замка обычно занималась рукоделием у камина, мужская уходила в заднюю часть замка, где мастерили недостающую мебель или чинили поломки. Дозволялось и отдыхать, кому как по душе в гранях разумного. Разврата я не приветствовала, но и ханжеством не страдала. Разрешалось иметь отношения до свадьбы в постоянной паре, запрещалось домогаться кого бы то ни было против воли. Беременность равнялась браку. Вот и все.

— Мик, нам пора. Переодейтесь к ужину, будь добр.

— Госпожа, что плохого в этой рубашке, а? Я об нее только один раз сопли вытер, даже не видно и не пахнет совсем. Ну, только чуток...

Глубоко вздохнула, потерев пальцами переносицу. Надо же так нудить, по любому поводу!

— Я повторяю просьбы лишь один раз, Мик, — спокойным голосом сказала ему, чуть улыбнувшись уголком губ.

Парень испарился со скоростью света. Пока я переодевалась в лиловое облегающее платье с серебристым узором и глубоким вырезом, Мик появился в новой рубашке, не украшенной соплями.

— Какой представительный кавалер, — сказала хмурому мальчишке. — Уверена, мне позавидует не один обитатель замка.

— Вы позволите мне сопровождать вас на ужин? — с широко распахнутыми глазами уточнило рыжее чудовище.

— Я взяла на себя обязательства ответственного взрослого. Теперь ты мой, Мик.

Слова должны были произвести чуть устрашающий эффект, но мальчик заворуженно шагнул вперед и сунул сухую грубую ладошку в мою.

Я крепко сжала его руку, и мы вместе вышли в коридор. Мик высоко держал голову, гордый положением спутника хозяйки замка. Теперь никто не осмелится задирать неуклюжего неудачника. Мое покровительство окружало Мика невидимым защитным щитом, и я собиралась лишь усиливать его в предстоящие дни.

Общий зал встретил звоном расставляемых тарелок. До трапезы оставалось еще полчаса, я хотела проверить организацию ужина, все-таки первый вечер Рейсвальда в нашей компании. Первый из тридцати...

В камине весело трещали поленья, придавая холодному помещению

недостающий уют. На стенах развесили пышные сосновые лапы с шишками, на чешуйках которых блестели капельки смолы. Серый камень украсили гирляндами из цветных лент. В этих краях принято с приходом зимы наполнять жилище яркими цветами, чтобы отогнать хандру. День середины зимы отмечался особо — яркими кострами на дворе, подарками, маскарадными красочными костюмами. Уже сейчас каждый вечер меня утомляли бесчисленными вопросами о празднике. Странно осознавать, что Рейсвальда на нем уже не будет...

Длинные столы расставили так, чтобы оставить место посередине для бардов и танцоров. На постаменте рядом с тронном установили шесть разномастных стульев и стол, накрытый скатертью под цвет моего платья. Фиолетовый считался цветом магически одаренных, и даже короли не смели облачаться в одежду таких оттенков.

— Альдонз, — спокойным голосом позвала я.

Расторопный дворецкий мигом кинулся с другой стороны зала, явственно расслышав нотки недовольства.

— Ваше темнейшество? — осторожно спросил он.

— Разберите помост на время трапезы. Мой стол должен быть вровень с остальными, как и обычно...

— Но, ваше темнейшество, его величество... Как же можно... — всплеснул руками пожилой дворецкий.

— Ах вот в чем дело, — протянула я.

Как быстро Рейсвальд обрел среди моих людей непререкаемый авторитет. Ради него возвысили стол, за который я сажала приближенных людей. Чтобы угодить его величеству, пытались воспроизвести дворцовую обстановку, украшая доселе голый тронный зал.

Впрочем, меня послушаться не смели. Уже через несколько минут столы стояли в обычном п-образном порядке. Я заняла место ровно посередине. Рядом со мной по привычке опустился Гийом, как обычно молчаливый, в идеально сидящем камзоле и с зализанными светлыми волосами. Поправил дужки очков и искоса посмотрел на меня.

Держи меня, Мать-волшебница, как же я могла забыть о Гийоме? Разорившийся баронет, попав в мой замок прошлой весной, он взял на себя обязательства учителя грамоты для детей и по совместительству моего личного массажиста.

Илстин говорил, что ведьмы и маги — всего лишь проводники магической силы, бурлящей в сердце планеты и не имеющей другого выхода, кроме как через нас. Как на трубах оседает ржавчина, магия задерживается в телах волшебников, особенно в волосах и в мышцах.

Поэтому мы стрижемся ежедневно, к волосам относимся очень бережно. Охотников на них прорва — каждый старается урвать кулон с волосом мага. Умельцы настраивают подобные украшения на различные функции — от защиты хозяев до привлечения удачи.

С мышцами другое дело, тут необходим глубокий и интенсивный массаж каждый вечер, чтобы удалить остатки волшебства, иначе магия становится токсичной и травит своего владельца.

Может, поэтому после создания четырнадцати артефактов тело становится непригодным для магических потоков и бурлящая сила внутри ядра ищет другого кандидата?

У Гийома, несмотря на внешнюю хрупкость, были золотые руки. Я ложилась на стол вся изломанная болью в ноющем теле, подставлялась под властные движения его длинных сильных пальцев, постанывая и чуть не плача, пока золотистые всполохи порхали по коже, зато вставала разнеженная, розовая, полная сил.

— Рад видеть вас, темнейшая, — поздоровался Гийом аристократическим кивком. — Вы осветили своим присутствием этот серый осенний день.

Он не выражался образно — Гийом видел золотое сияние, окутавшее меня сплошным коконом и пробивавшееся протуберанцами вокруг глазниц. Уже несколько месяцев он впитывал остатки магии и мог похвастаться отменным здоровьем и недюжинной силой.

— Добрый вечер. — Под теплым взглядом Гийома стало совсем кисло.

— Я слышал, в замке новый гость? — осторожно спросил он, и у меня сжалось сердце.

Нас связывали сложные отношения... Гийом принимал как данность то, что в моей комнате порой оставались на ночь мужчины. Он никогда не претендовал на чувства или верность с моей стороны. Бывало, что массаж оканчивался в постели, тогда случившееся воспринималось баронетом как подарок судьбы, а когда у меня не было настроения, он спокойно желал мне приятных снов и покидал спальню. Сегодняшний вопрос, заданный словно невзначай, был озвучен потому, что Гийом очень надеялся на вечер в моей компании.

Он никогда не говорил об этом вслух, но надежду, сияющую в прозрачных голубых глазах, было трудно не заметить. Я частенько подумывала оборвать наши отношения, чтобы не причинять ему лишней боли, но каждый раз останавливалась. Решать за него не позволяло новоприобретенное кредо в этом мире. Смерть многое поставила на свои места — начерканная молодым врачом запись в карточке стояла мне жизни.

С тех пор я слишком уважаю чужие границы.

На прямо заданный когда-то вопрос Гийом ответил, что встреча со мной — лучшее событие его жизни, каждое мгновение подле дочери Матери-волшебницы — украденное счастье. Он не смеет быть жадным. На том я и успокоилась...

...Пока не появился Рейсвальд.

Я словно почувствовала его присутствие за спиной. Король Айнура склонился в поклоне и произнес:

— Позвольте, пожалуйста, разъяснить неточность. В замке я на правах верного слуги ее темнейшества, а вовсе не гостя.

Гийом продолжил сидеть с каменным выражением лица, не высказывая удивления по поводу появления бывшего монарха.

— Все мы считаем за честь служить темной госпоже, — с нажимом произнес он.

— Позвольте сидеть у ваших ног на время трапезы? Или же готов занять любое отведенное место, даже на коврик у порога, — не разгибая спины, в глубоком поклоне произнес Рейсвальд.

Я со вздохом указала на кресло подле трона с левой стороны. Гийом с неудовольствием проследил за тем, как его величество изящно устроился на мягком сиденье и оценивающим взглядом окинул стол.

Успели подать первое блюдо, каковым являлся полезный тыквенный суп. Мне довелось обедать у нескольких правителей Эйды, включая трапезу у самого Рейсвальда, и нынешний ужин не имел права называться обильным, не говоря уж об изысканности. Торговля пока не налажена, да и пограничные земли не отличаются стабильностью, необходимой для урожайного хозяйства. Что вырастили, то и появляется на столе. Все сыты, никто не жалуется.

Между тем обитатели замка расселись за столами. Прикатили огромную бочку с яблочным сидром, чуть забродившим и шипучим, подбросили поленьев в камин. Сразу стало шумно, весело и как-то уютно, а стылый зал с высокими потолками словно стал меньше.

Король вознес вместе со всеми молитву благодарности Матери-волшебнице и Пресвятому Отцу, затем с заметным удивлением услышал, как вдобавок к каноническим словам люди славили меня, желая долгой жизни и крепкого здоровья. К последнему я не имела никакого отношения, они сами словно почувствовали, чего я в глубине души больше всего хотела. После Рейсвальд с аппетитом приступил к еде, и как внимательно я ни разглядывала его, не смогла увидеть признаки недовольства — король ел плебейский суп с наслаждением.

Мне подали отдельное блюдо — запеченную рыбу с острым красным соусом и ярко-зеленой кинзой поверху. Сам повар, Массиро, вышел проверить, что все оформлено идеально.

— Недавно написал кузену и ради вас, госпожа, выпросил секретный рецепт эмира Сиддики — как готовить мирикскую рыбку. Она жгучая и чуть сладковатая, надеюсь, придется по вкусу.

— Благодарю, Массиро, твое искусство не знает границ.

— Мой дед говорил, приготовление рыбы — высший тест мастерства любого кулинара. Хотя, кроме морской живности, я весьма неплохо готовлю птицу или дичь.

— Спасибо, Массиро. Уверена, еще не скоро охладее к рыбе. Еще бы где-то достать шоколад...

— Никогда не слышал о таком лакомстве... Нужно написать племяннику в Торин или кузену в Мириккию. Весь мир перерою, но шакаладу достану для вас, темнейшая.

Рыба и вправду оказалась острой, до слез из глаз, до пожара в горле, до испарины на затылке. И невероятно вкусной, мягкой, ароматной, просто восхитительной. Запретный плод сладок, это я давно усвоила. Вкус рыбы сможет оценить сполна лишь тот, кто двадцать лет был его лишен. На Эйде от бывших аллергий не осталось и следа, и мне казалось — рыбы я не наемся до конца дней своих.

С правой стороны раздалось покашливание. Я повернулась к Гийому, он почтительно прикоснулся к краю рукава.

— Могу ли я оторвать вас от трапезы на пару слов?

На танцевальную площадку между столами вышла Лейли, заиграла на дудочке, к ней присоединилась Мириль с бубном. Дети помладше бросились водить хоровод, вскоре к ним присоединятся и старшие, а значит, мое присутствие до конца вечера вовсе не обязательно. Наоборот, людям необходимо отдыхать без начальства.

— Конечно, Гийом, — поспешно ответила и стремительно встала из-за стола.

Гийом повел меня на крепостную стену. В кристально чистом небе перемигивались звезды. Я никак не могла привыкнуть, как их много на Эйде. Разлитый щедрой рукой Млечный Путь сверкал и переливался, перекинутый коромыслом через весь небесный купол. Светили три мелких спутника размером с монетку, четвертый, Бровин — мелкая луна, более похожая на яркую звезду, — должен был взойти ближе к трем ночи. Бровин еще называли покровителем влюбленных, за появление в тот час, когда дети и семейные спят, а молодым не терпится встретиться. Дул прохладный

ночной ветерок, Гийом накинул на меня собственный камзол, совсем забыв о том, что ведьмы не мерзнут, пока в их жилах течет магия.

— Позвольте мне уехать, госпожа, — твердо попросил Гийом, перейдя прямо к делу.

Я не стала спрашивать почему. Причины были ясны. Безответно влюбленный болезненно чувствителен к увлечениям своего кумира. Я как никто другой понимала движения души баронета и старалась уважать его гордость, раз не смогла сохранить свою.

— Мне будет трудно отказаться от тебя, Гийом...

— Прошу вас, пощадите мою решительность. Ничто в жизни не давалось мне так тяжело, как расставание с вами. Так тяжело приказать молчать о том, что переполняет с первого дня встречи. Вы не подозреваете, госпожа, сколько в вас света и добра. Вы научили меня заботе о ближнем лучше, чем священные заветы. И я вижу, когда мои услуги в тягость. Только хочу, чтобы вы знали: я уезжаю с сердцем, полным благодарности...

— Я награжу тебя как следует...

— Не стоит. — Гийом выставил вперед ладони и отступил на шаг. — Есть услуги, за которые не благодарят вещами. Вспоминайте иногда, вот все, чего я желаю. Простите, мне нужно идти, пока сомнения не взяли верх.

— На дворе ночь, Гийом, подожди до утра!

— Нет. — Он отрицательно покачал головой.

Свет спутников обрисовал худощавую высокую фигуру баронета, чуть сгорбленную от давней привычки сутулиться.

— Вы ждали его семь лет... Я не могу видеть этой встречи. Избавьте меня, умоляю вас.

Семь лет... Он знает! Но откуда? Неужели тщательно скрываемая одержимость на самом деле столь очевидна? Или это Гийом, безнадежно влюбленный, почувствовал сердцем?

Он резко отвернулся и сбежал вниз, прежде чем я успела расспросить чуть больше. Так даже лучше, не стоит беречь его покой праздными вопросами. Мне есть за что быть благодарной Гийому.

Хотя, чувствую, мне придется расплатиться за избыточное колдовство сегодня. Кто разомнет мышцы сильными руками?

ГЛАВА 7

Не просите помощи у магов, заплатите втридорога

Огромной удачей стала встреча с баронетом Верниестом. Рейсвальд заприметил худощавого блондина еще утром, удивившись знакомому лицу в зале. Поговорить с пропавшим весной баронетом удалось только перед ужином.

— Ваше величество! — Сэр Верниест припал на одно колено, как и следует приветствовать монарха.

Рейсвальд одобрительно кивнул и позволил баронету подняться.

— Думаю, вы осведомлены об обстоятельствах моего появления в замке? Что ж, буду краток: что вы можете рассказать о ведьме Эвитерре?

Верниест дернулся, как от удара, но ответил по существу:

— Лишь год назад Эвитерра закончила обучение у великого чародея Илстина. В отличие от других ведьм, она еще не овладела магией в совершенстве. Скорей всего, родилась далеко отсюда, так как в отношении традиций Айнура и Сарнира проявляет страшную неосведомленность, в то же время мудра и справедлива в других вопросах. Сердце у госпожи доброе, как, уверен, вы уже заметили. Обитатели замка — в основном беженцы из сожженных деревень в округе и остатки челяди Вейнеров, которых Эвитерра приняла под свое покровительство.

Рейсвальд кивнул, не сводя внимательного взгляда с вассала. Король легко распознавал, когда ему говорят правду, а когда стараются ее скрыть. Баронет недоговаривал, но поднаторевший в дворцовых интригах Рейсвальд сумел прочесть по тону голоса и по бегающим глазам ревность соперника к красивой деве.

Хотя и из этой скудной информации король почерпнул немало.

Владения Илстина находились к северо-западу от Бретеля, столицы Айнура. Чародей жил там со времен правления отца Рейсвальда, короля Биртвайльда. Именно отец сумел заручиться поддержкой чародея и выкупить у него предмет вожделения многих государств — камень правды. Соглашения с Айнуром с тех пор подписывались исключительно на этом артефакте, подтверждающем чистоту помыслов.

Самому Рейсвальду великий Илстин в свое время помог вернуть трон. Король помнил, как скакал к заколдованной границе владений чародея —

кованой чугунной ограде, открывающейся только перед просителями. Все, что произошло позже, покрыто мраком забвения. Цену Рейсвальд заплатил сполна, в этом он был уверен, так как колдуны ничего не делают даром, но вот что именно запросил Илстин взамен на помощь, он не знал.

У Рейсвальда не было другого выхода. Вернувшись в страну, лишившуюся короля, он оказался без должной поддержки и был чужаком, слишком похожим на выходцев из южной страны-недруга. В отличие от горячих айнурицев, шумно празднующих, громко спорящих и часто вступающих в стычки, Рейсвальд был по-сарнирски холоден, вежлив, с извечной полуулыбкой на устах, лишь тонкой иронией выдающий свои истинные чувства. Он рос вдали от двора и, вернувшись, не смог влиться в общество айнурических аристократов.

Проклятый Виннирт, герцог Бернский, возомнивший себя более достойным наследником умершего короля Биртвайльда, чем какой-то чужак, принялся собирать вокруг себя толпу приспешников. Рейсвальд понимал, что у него меньше ресурсов, чем у Виннирта, проведшего всю жизнь в Бретеле, столице Айнура. Рейсвальд возвращался с маленькой армией людей, верных короне, по дороге набирая вассалов и пытаясь выгадать время. Виннирт собирался взять старшую сестру Рейсвальда, Сильвину, в жены и тем самым закрепить право на престол. Только чудо могло изменить очевидный исход.

Чудо или колдовство.

Рейсвальд и полкоролевства готов был отдать за принадлежащее ему по праву. Илстин не забрал ничего, зато вручил редчайший артефакт согласия. Целый месяц гордые аристократы соглашались на любые просьбы короля. Всего месяц, но и этого было достаточно, чтобы закрепиться на троне. Рейсвальд доказывал свое право наследовать престол отца, Биртвайльда Мудрого. Его признали, перед ним склонились. Виннирт был казнен на центральной площади, и с тех пор право Рейсвальда на трон не оспаривалось.

Правда, великий чародей Илстин, бывший до того частым гостем во дворце, с момента договора ни разу не навещал короля и не принимал гостей. Рейсвальд задавался вопросом о причинах подобной уединенности, но кто разбирается в мотивах колдунов?

Может, он был занят ученицей?

Рейсвальд покачал головой и задал следующий интересующий его вопрос:

— Что произошло с графом?

— Он заколдован. По многочисленным свидетельствам, Дилан Вейнер

устраивал охоту на людей и практиковал пытки. Темная госпожа превратила его и близких ему людей в морских свинок.

Морских свинок? Мохнатое существо с умильными глазками-бусинками могло быть самым графом Вейнером?

По позвоночнику ледяной волной пронесся холодок. Быть запечатанным в шкуру безмолвной твари, жуткое наказание...

Хотя... Если бы Рейсвальд прознал о творящемся в замке, если и вправду молодой граф Вейнер виновен в приписываемых зверствах...

Закон Матери-волшебницы на всех один. Негоже носящим титул порочить его кровавыми забавами. После суда Вейнера бы казнили, как и его приспешников.

— Сэр Верниест, вы сослужили мне хорошую службу. Уверен, не откажетесь и от незначительного поручения во благо короны. В ближайший месяц я буду вдали от дворца и мне жизненно необходимы преданные глаза и уши. За сегодняшний день я убедился — ее темнейшее дивно разбирается в людской природе, поэтому доверяю столь щекотливое задание вам. И уверен, не разочаруете, тем самым вернув бывшее положение и благосостояние рода Верниестов...

Гийом вновь припал на одно колено и приложил руку к груди в символе верности вассалов. Он сомневался всего мгновение, затем решительно сказал:

— Я поклялся в верности, мой сюзерен. Служить вам — честь. Когда вы желаете моего отбытия?

— Сегодня же, — одобрительно кивнул Рейсвальд. — Не утруждайтесь рассказом двору о моем положении. Не желаю, чтобы ваше имя связывали с моим. Кто осведомлен о вашем пребывании у ведьмы?

— О службе темной госпоже не знает никто.

Рейсвальду почудилось в ответе Гийома недовольство. Неужели баронет и вправду величает ведьму госпожой и корит Рейсвальда за неуважение?

Король милостиво позволил баронету подняться с колен. Они обговорили детали возвращения в замок. Увесистый кошель, бывший у короля в кармане, переключался в руки баронета. Столичная жизнь весьма дорога, но Рейсвальд поручил Верниесту потратиться не только на апартаменты и слуг, но также связаться с теневой гильдией, нанять дополнительную охрану для Катрин. Она должна быть в безопасности.

Злоумышленники потеряют бдительность, выдадут себя за время отсутствия короля. А если баронет окажется достаточно полезным и добудет нужную информацию для монарха, он не пожалеет.

В прямом, как стрела, напряженном Гийоме, послушно кивающем в ответ на распоряжения Рейсвальда, сквозила скрытая боль. Король замолк, давая баронету возможность высказаться:

— Она только кажется сильной, — тихо сказал он, словно каждое слово давалось с трудом. — На самом деле Эвитерра очень ранима, пусть и старается скрыть это за фасадом великой волшебницы. Прошу, ваше величество, будьте к ней снисходительны...

— Я благодарен ведьме за спасение невесты, к тому же обязан клятвой исполнять любую прихоть. — Заступничество баронета вызвало глухое раздражение. — Не собираюсь ее обижать, если на это вы намекаете!

Баронет Верниест поджал губы и отвел взгляд, но больше не произнес ни слова.

Чем Эвитерра приманивает людей, что те стоят за нее горой? И что за глупые претензии — Рейсвальд в своем уме, вполне способен просчитать перспективы сотрудничества с ведьмой. Месяц послушания, потом попробовать начать переговоры о покупке нового артефакта, который поможет и упрочить положение на троне, и оградить Катрин от следующего покушения...

За ужином Гийом попросил у Эвитерры пару минут наедине, после чего спешно покинул зал. Рейсвальд проводил внимательным взглядом баронета. Не укрылась и грусть во взгляде ведьмы, вернувшейся за стол. Были ли они любовниками? Это многое объяснило бы.

Мик устроил за ужином безобразную истерику. Даже не драку с обидчиком, назвавшим его боровом, а какое-то детское визжание на ультразвуковых частотах с обидными выпадами в мой адрес.

В мой, потому что я невинно заметила, что ему пора удалиться спать, как раз после бурной ссоры с Крисом, которую я не застала.

— Всем на меня плевать! — кричал он. — Обманщица! Низкая подлая предательница!

Там было еще много всякого неприятного о моих умственных способностях. И это при всех домочадцах и короле в придачу. Видимо, парень совсем тормоза потерял. Сиенна попыталась вмешаться, уперев руки в боки, но я жестом остановила ее.

Гийом ускакал, оставив меня одну, выжатую как лимон, на крепостных стенах утирать слезы. Магия ныла во всем теле, как после длительного гриппа, и я знала, что, скорей всего, буду плакать всю ночь от боли, которую никто не уймёт. И еще Рейсвальд, моя постоянная сердечная заноза, разбередилась и кровоточила.

У меня не было сил на истерику Мика. Поэтому я просто подошла, обхватила его за брюшко, закинула на плечо и отправилась вверх по лестнице. Мы, ведьмы, физически сильнее, чем кажемся, потому что золотые потоки способны поднять в воздух и домик средних размеров, не говоря уж о невменяемом мальчишке.

Я принесла его в спальню, находившуюся рядом с моей. Усадила на постель, всего зареванного и красного, вправду немного на борова похожего.

Помогла умыть лицо, переодеться в длинную ночную рубашку до пят. Заторможенный паренек не сопротивлялся, покорно подставлял рыжую голову в ворот, пухлые руки в рукава.

— Понимаешь, Мик, — устало объясняла ему, — я твой ответственный взрослый, а это значит — кричи что хочешь, ты от меня никуда не денешься. Даже не пытайся, ничего не выйдет.

Он попробовал что-то ответить, но из горла вырвались лишь невнятные всхлипы. Я привалила к себе рыхлое тело, обняла, потрепала по вихрам.

— Рыжик, я так тебя понимаю, если бы ты знал! Тоже хочется иногда поорать так, что сил нет. Не могу — авторитет и все такое. Ты, считай, за нас обоих покуролесил. Завтра, конечно, от меня ни ногой и пеняй на себя, если будешь непослушным. А пока спи, мой хороший.

Я поцеловала его в лоб, подождала, пока сонно засопит, и вышла, плотно прикрыв дверь. Все-таки надо ему собаку. Загибается парень.

Его родители погибли совсем недавно, прошлой зимой. Он появился в замке поздней весной, худой как щепка, несчастный и бледный. Поначалу ел как не в себя. Замыкался от остальных, как озлобленный волчонок. Потом пропал, сказал, что к тетке в деревню. Я поверила.

Не стоит питать иллюзии, будто пригреешь сиротку — и из сорняка сразу распустится великолепная роза. Нет, сначала тебя как следует всеми шипами отхлестают, а потом решат, можно доверять или нет. Я хотела показать Мику, что буду рядом, что бы ни случилось. Это база для всего остального, если выстою, можно будет думать о будущем.

Если выстою.

ГЛАВА 8

Можно привести лошадь к водопою, но нельзя заставить ее пить

В спальню я ввалилась чуть ли не без чувств. Расторопные горничные помогли избавиться от платья, унесли его прочь вместе с заколками, а я пошла отмокать в собственной великолепной, горячей, умопомрачительной купальне.

Усталое тело благодарно опустилось в пахнущую благовониями воду с пышной шапкой пены. Глаза закрывались от усталости. Через пять минут я буквально за шкуру заставила себя вылезти, так как могла заснуть прямо в ванной.

Волосы, чтоб их, отросли до щиколоток, в воде змеились, словно гадюки с головы медузы Горгоны. Тяжелые, густые, лоснятся от магии. За эти пряди будут просить больше обычного, из них не только оберег, а утварь сделать можно. Особенно в пекарнях любят на волосах волшебников температуру держать ровную, тогда хлеб выходит пышным и румяным.

Накинула пушистый халат и на заплетающихся ногах вышла в спальню. На кровати сидел задумчивый Рейсвальд и невидящим взором смотрел в одну точку.

На меня накатила волна апатии. Я уселась подле трюмо, посмотрела в зеркало на идеальное отражение черноволосой девушки с алыми губами, на облике которой никак не отразилась усталость. Иллюзия держится железно, как приклеенная. Вот сильна же магия с тех пор, как гостит король!

Открыла верхний ящик, достала острые ножницы, отливающие сталью в отблеске свечей.

— Режь, — сил хватило лишь на короткий приказ.

Ложиться спать с длинными волосами — безумие. Выпьют и не подавятся. Каждый вечер стричь и прятать, вот извечный ритуал всех колдунов и колдуний.

Послышались шаги, ножницы исчезли из моих рук, и я подставила шею под наточенные лезвия.

— Причеши сначала, — сладко зевнула, прикрыв налившиеся свинцом веки.

— Как прикажете, госпожа, — сухо сказал Рейсвальд.

Отложил ножницы, взял в руки деревянный гребень. Осторожно

провел им по голове, чуть опускаясь зубьями в черную густоту. Потом прошелся вниз еще раз и еще равномерными движениями. Волосы льнули к его рукам, я закрыла глаза и расслабилась.

Рейсвальд ко всему подходил добросовестно и ответственно. Приноровившись, разделил сплошной поток на ручейки, каждую прядь тщательно причесал сперва пальцами, затем гребнем.

— Стриги тут, — показала я чуть ниже мочки уха.

Щелк! Лязгнули лезвия. Отрезанные пряди кольцами свернулись на белом мраморе пола и посветлели до мышино-русого цвета. Я проворно наклонилась, подобрала пальцами и уложила в первую баночку. Крепко завинтила и приказала стричь дальше. Десять баночек выстроились в ряд, голове стало легко, прохладно, просто великолепно.

По привычке сбросила халат, улеглась на массажный стол и сонно пробормотала:

— Ну же, Ги, приступай.

Вожделенного облегчения не последовало. Спина ныла, мышцы горели от напряжения, вся комната кружилась, а меня подташнивало от переизбытка магии.

Недоуменно открыв глаза, я обернулась... И увидела застывшего Рейса все еще с ножницами в руках. Он старался не смотреть прямо на обнаженные округлости, которые я бездумно продемонстрировала.

Мать-волшебница, что же я наделала...

Ломота в теле становилась нестерпимой, я застонала и опустила голову на локти. В конце концов, Рейс виноват, что мой чудесный массажист скачет в неизвестном направлении с разбитым сердцем. Король на месяц мой, пусть хоть немного пользы принесет, ведь одни убытки с момента его появления!

Я же массаж у него прошу, а не интимные услуги. Мне нужно размять тело, это как лекарство. Завтра смогу нормального массажиста поискать на замену, свяжусь с Маро, может, одолжит, но сегодня полный провал, никого другого в радиусе сотни километров не сыщешь.

— Пожалуйста, Рейс... — простонала я, и он вздрогнул. — У меня все тело болит, разве ты не видишь? Подойди скорей.

Как замороженный король шагнул вперед с выражением тихого упрямства на лице. Послушный какой... Ах да, я же обещала его невесту угробить в ответ на малейшую провинность.

— Быстрее, — попросила его, тяжело вздохнув.

Король медленно потянулся к застегкам на камзоле и принялся расстегивать одну за другой. Ги тоже обнажался по пояс во время массажа

— чтобы разминать закаменевшие мышцы, требовалось немало сил, а высвобождаемая магическая энергия искрилась и вспыхивала жаром.

Устав ждать, я издала протяжный, полный муки стон. Король рывком сдернул камзол, ненароком разорвав исподнюю рубашку, отшвырнул в сторону. Руки опустились к пряжке ремня.

Остановленная звуком, я приподнялась на локтях.

Рейс сглотнул, тяжело дыша, резким движением стянул штаны вниз, оставаясь в исподнем.

— Что ты делаешь?

Он поднял на меня черные глаза, в которых ничего невозможно было прочесть. Желваки ходили ходуном, челюсть крепко сжата.

Все-таки решил, что ведьма будет сейчас его насиловать.

Ха!

От абсурдности происходящего меня пробило на саркастический смешок. О да, Рейсвальд, мне от тебя кое-что очень нужно, но ты себе слишком льстишь, если думаешь, что мне приходится силой заставлять мужчин со мною спать.

О нет, придет миг, когда сам будешь умолять о близости!

А еще я отметила, чисто по-женски, что на сей раз хлопковое белье отнюдь не скрывает очевидности того, что король был вполне готов к исполнению обязанностей. Прямо при всей боевой готовности, как стрелки часов, показывающие полдень.

Спрятав довольную улыбку, бросила:

— Прекрати раздеваться, подойди ближе, я объясню, что требуется!

Терпение лопнуло, в груди клокотали накопившиеся за день злость и раздражение.

Рейс встал сбоку, его широкая грудь вздымалась от частого дыхания, мышцы бугрились под загорелой кожей, пальцы подрагивали, стремясь сжаться в кулак.

— Массаж, — сквозь зубы прошипела я, показывая на спину. — Разомни каждую мышцу, слышишь? Пока не щелкнет разряд энергии и в воздухе не запахнет, как после дождя. Понял?

— Как пожелаете, драгоценная мудрейшая госпожа, — чуть не выплюнул Рейсвальд.

Занес руки над сведенной в судороге спиной, замешкался на мгновение, затем опустил ладони на поясницу.

Горячие шершавые руки, какое наслаждение!

Он легонько погладил, неуверенно двинулся вверх к лопаткам.

— Сильнее, чтоб тебя, — прохрипела в сложенные руки.

Он нажал так сильно, что я выгнулась от боли, чуть не столкнувшись макушкой с подбородком короля. В глазах заплясали всполохи, выступили слезы. Уткнулась в сгиб локтя и обреченно попросила:

— Рейс, будь человеком. Ты никогда массаж не делал?

— Нет, — глухо ответил он. — Никогда.

— Может, видел хотя бы?

— Нет. Простите, что не могу уважить ваш каприз, прекраснейшая владычица. Вероятно, вам будет приятней наказать меня? Могу встать на колени, как пожелаете. — Голос Рейсвальда сочился досадой.

Обернувшись простыней, я присела на массажном столике, оказавшись лицом к лицу с обнаженным по пояс Рейсом.

— Признаю, с моей стороны было импульсивно попросить тебя служить мне месяц, но теперь уж поздно нарушить *условие*. Рейсвальд, ты провел в моих владениях целый день, общался с моими людьми, ел с моего стола. Весьма наслышана о выдающихся мысленных способностях айнурского короля, который в пять лет умел считать лучше почтенных мужей. Уверена, ты давно понял, что наказывать или унижать тебя бешеная ведьма не способна. Массаж не прихоть, хотя даже если бы и был таковой, ты обязан подчиниться согласно *условию*.

Я рассказала ему о магии, мышцах, уверила, что каждый из четырнадцати магов этого мира перед сном вынужден просить ближнего хорошенько размять тело, вытрясти остатки магии.

И что-то изменилось. Черты лица короля смягчились. Он расслабился, указал мне лечь обратно.

Указал, и я подчинилась.

Легла на живот, закрыла глаза, отдалась стараниям пленника. Рейсвальд чутко прислушивался к моему отклику, старательно спрашивал, как долго и глубоко мять каждый клочок тела. Горячие ладони зарывались в плоть, исторгая стон. Дыхание опаляло ухо, когда он наклонялся за уточнениями. В воздухе то и дело раздавались щелчки, сильно пахло озоном, магия искрилась и шипела как следует. А еще нарастало томление внизу живота, разрастаясь требовательным, обжигающим комом.

Я прервала процедуру, как только посчитала возможным терпеть остаточную боль.

Не могла самой себе объяснить почему. Только ощущала, что слишком. Хватит. Близость Рейсвальда приносит больше страданий, чем облегчения. Я облачилась в хлопковую ночную рубашку в мелкий цветочек до пят и указала королю лечь в мою кровать.

Он будет спать со мною рядом. Все тридцать дней.

Не отпущу его.

Иногда бывает — нахлынет приступ страха, сердце бьется как сумасшедшее, в горле ком, и кажется, что наступил конец света. В этих случаях нельзя испугаться, дать слабинку, иначе страх пустит корни и застынет в сердце на долгие годы.

Именно так случилось у меня с Рейсвальдом — когда он не вернулся в таверну забрать меня с собой, как обещал, я так и не смогла оправиться. Сначала гадала, что его задержало, придумывая соперниц, затем, поняв правду, мучила себя догадками, что во мне не так. А когда поступила на обучение к Илстину, увлечение Рейсвальдом превратилось в помешательство, которое не оставляло меня по сей день.

Для этого существовало лишь одно лекарство.

Не отпущу его. Заставлю быть рядом.

Приступ паники не может длиться вечно. Сердце постепенно успокаивается, поняв, что конца света так и не случилось. Если Рейсвальд будет близок, вместе со всеми недостатками, присущими живому человеку из плоти и крови, постепенно одержимость сойдет на нет, и я смогу смотреть на него почти как сейчас — без надломленности треснутого кувшина.

Рейсвальд взбил подушку на широченной кровати, откинул одеяло и с удивлением уставился на шоколадного цвета морскую свинку, мирно посапывающую на белоснежных простынях. Почуввав ветерок, свинка вспрыгнула на четыре лапы, помотала головой и была бесстрашно подхвачена под брюшко.

— Наглец, — прошептала я в мягкое вислое ухо.

Бывший граф Вейнер предпочитал ночевать исключительно в моей постели. Препятствия в виде замка на двери его не останавливали. Неведомыми путями усатая морда по ночам приваливалась под бочок и потешно сопела.

— В вашем замке развелось немалое количество живности, — заметил Рейсвальд.

— Нет, — отрезала я. — Эти не размножаются. Они заколдованные.

Король, видимо, опешил от подобной новости. Он подошел ко мне, отобрал покусывающего и лижущего мне пальцы Вейнера и потрясенно уставился в глаза-бусинки морской свинки.

— Они — люди?

— Нет, пока не выполняют *условие*.

Увидев удивление в глазах короля, я пояснила:

— У каждого заклинания, направленного на живое существо, есть

свои ключи к обратимости. Сложность снятия прямо пропорциональна затратам магии. Мелкие чары снять легко, для крупных следует крепко потрудиться.

Поглаживая упитанного зверька, Рейсвальд растерянно спросил:

— А как за магию расплачиваются вы?

— Ведьмы? — переспросила я и, увидев кивок, ответила: — Никак. Наше дело — проводить магию через себя, направлять. Отдает тот, на ком она оседает. Или готовый взять расплату, как в вашем случае. *Условие* даже я снять полностью не смогу, хотя в моем праве решить, достаточно ли взяли за долг.

Графа Вейнера вернули мне, я потерлась щекой о мягкую шерстку и улыбнулась. Моя улыбка, еще одна медяшка в счет провинности бывшего хозяина замка, сокращала срок заклинания. Быть милым беззащитным зверьком и приносить радость — вот все, что он должен делать, чтобы покрыть прошлые грехи.

Рейсвальд устроился на своей части кровати, внимательно проследив за тем, как ложусь я, и оставляя между нами пространство, на котором с удобством могло бы разместиться три человека.

— Спокойной ночи, мудрейшая.

— Спи, Рейс, больше просьб на сегодня не будет.

Свет трех лун веером расходился на белом мраморном полу. Король, судя по мерному дыханию, быстро заснул, а вот я долго рассматривала его длинные ресницы, полные губы, приоткрытые во сне словно перед поцелуем, прямой нос, непослушную копну смоляных волос. Сильное тренированное тело расслабленно раскинулось под белыми простынями. Одеяло сползло с мощного плеча, открывая шею с бьющейся жилкой, широкую грудь, кружок плоского соска.

Я вспоминала массаж, его руки на моей коже. Ни от кого другого не становилось так жарко, а мужчин было немало. Лишь на Рейсвальда нечто внутри откликалось с рвением огня, охватывающего сухие щепки. И я не знала, считать подобную любовь благословением или проклятием.

Ночная тишина в снежно-белой комнате завораживала. Чужак-мужчина спокойно спал, ко мне же покой все не шел. Я встала, подошла к занавескам из тонкого кружева, посмотрела на звездное небо без единого пятна темных облаков.

Внезапно захотелось обернуться птицей и полететь к Рейсу во дворец, как я делала до сих пор почти каждый вечер. И то, что он видел сны позади меня, не отменяло ноющей потребности проверить, что и как у него там происходит.

В конце концов, решила послушать интуицию, открыла окно и выпорхнула в ночь серой соловушкой.

ГЛАВА 9

Не летайте ночами подглядывать за соперницами

Полет смывал сомнения, дарил ощущение пьянящей легкости. Ночь была на диво прозрачна и тиха, чудесная осенняя свежесть разливалась в воздухе запахом прелой листвы, сена и влажности. С высоты было видно замок на холме, окружающие его черные квадратики полей. Лес еще не потерял листвы, он славился густой непролазной чащей, отделяющей замок от северного Айнура и южного Сарнира.

По тонкой дорожке уныло трусил одинокий всадник. Я скользнула вниз, сделала вираж — удостовериться, что с ним все в порядке. Услышала:

— Все-таки не забыла обо мне, темнейшая. Лети, госпожа, будь счастлива.

Уселась на протянутую руку. Надела клювом на палец тяжелый перстень с полым камнем, где свернулась в клубок одна из сегодняшних, весьма действенных прядей. Не плата, а подарок за службу. Будет хранить Гийома от дурных намерений. Пусть за последний год ему добавилось и силы, и здоровья, я хотела сделать все возможное, чтобы его защитить. И чувствовала необъяснимую вину.

Потом опять вверх, высоко-высоко и стремительно до самой столицы, раскинувшейся между холмами. Туда, где светлым пятном посреди обширного города выделяется белокаменная крепость с золотыми крышами.

Рабочие кварталы Бретеля спали, в домах аристократов звучала музыка. Интересно, они уже узнали о том, что я отобрала их короля? Гудит ли дворец, как растревоженный улей, или в нем еще царит затишье перед бурей?

Привычно направилась к до боли знакомому стройному вековому дубу, ветви которого так удобно находились напротив заветной спальни. Комната пустовала, как и ожидалось. Король спал за сотни километров отсюда, и не имело никакого смысла тратить время на бессмысленное путешествие.

И все же я повторила заученный маршрут. После спальни Рейсвальда я всегда заглядывала к Катрин — фрейлине старшей сестры короля, дочери герцога Савьёля, первой красавице двора и невесте короля. Достойная партия, если не учитывать международных интересов. Неплохо бы

породниться с Эмиратами, тем самым взяв Сарнир в географические тиски, хотя укрепление внутренних связей тоже не худшее решение. Говорили, что выбор короля всем хорош, да вдобавок благословлен Пресвятым Отцом и Матерью-волшебницей, ибо божества тоже сочетались по любви.

Катрин, видимо, успела добраться до дворца из захудалой деревеньки, куда я отправила ее утром. Выглядела она еще лучше, чем до ранения: румянец на щеках, зеленые глаза горят огнем, кудри смирной копной спускаются до талии. Катрин красила губы и улыбалась своему отражению в зеркале. На ней было парадное зеленое бархатное платье с золотой тесьмой — лучшие цвета для рыжих, выгодно оттеняющие достоинства, а в случае Катрин, наделяющие и вовсе неземной красотой.

Я могла создать себе любой облик на свете, но никогда не была бы столь хороша. У меня не было уверенности в собственной неотразимости, царственной посадки головы, невинного кокетства. Красота любой женщины — всего лишь фантик. Привлекательность зависит от всего остального — хрупкости, которая вызывает у мужчин желание защищать, нежности, обещающей забвение жизненных трудностей, и чувственности, манящей грядущими наслаждениями. Всем этим обладала юная Катрин.

«Теперь понимаешь, почему он не вернулся, когда мог?» — мелькнула печальная мысль.

Дверь в комнату отворилась, забежали две фрейлины, юные, хорошенькие как куколки — мелкая хрупкая брюнетка и полненькая блондинка. Катрин тут же опустила голову на сгиб локтя, а плечи затряслись от наигранных рыданий.

Я спустилась к самому стеклу, чтобы услышать разговор. Неприметная серая птичка на подоконнике, незаметная в ночной мгле.

— Не плачь, милая Катрин, — утешала блондинка, глядя по голове юную фрейлину.

Спина невесты закаменела, она явно не переносила касаний, но не выказала недовольства.

— Он обязательно вернется! Весь дворец говорит о том, чем его величество пожертвовал ради тебя, — тихим голосом поддержала брюнетка, с беспокойством смотря на подрагивающие плечики Катрин.

— Так романтично, как в сказках, — вздохнула блондинка. — Заклятие будет снято, и он вернется к тебе живой и невредимый.

Катрин подняла голову, открывая покрасневшие припухшие глаза и дорожки застывших слез:

— Милые подруги, как мне жить, если он не вернется?

— Не бывать такому! — горячо заверила блондинка, и брюнетка тоже

подалась вперед с пламенными заверениями в том, что тревоги молодой невесты напрасны:

— Говорят, бешеная ведьма держит слово. Она ученица самого великого Илстина, главного чародея, а уж он славен тем, что всегда исполняет обещанное.

— Тридцать дней пробегут, и уже к зимнему празднику будете вместе вокруг костра танцевать и подарками обмениваться. А весною свадьба, которая войдет в легенды! — Блондинка восторженно вздохнула, приложив ладони к алеющим щекам. — Слышала от придворного менестреля, что уже складывают предания о том, как отважный король спасает раненую возлюбленную ценой свободы...

Катрин всхлипнула, отчего показалась особо трогательной в своем горе.

— Каждый день в разлуке тянется, словно век. Ах, милые подруги, не хочу омрачать ваш вечер. Сегодня праздник драгоценной госпожи, поспешите к ней скорей и попросите простить меня за отсутствие.

Блондинка широко раскрыла глаза и прижала кулак ко рту. Брюнетка отвела глаза, теребя край ленты на платье.

— Пойдем же скорей, милая Катрин. Негоже сидеть взаперти во время праздника в честь дня рождения принцессы. — В голосе брюнетки послышались стальные нотки. — Она самолично послала за тобою.

— Прояви выдержку. — Блондинка заключила Катрин в душащие объятия. — Ты сама учила нас, что настоящая леди никогда не позволит истинным чувствам стать достоянием сплетниц.

Катрин обвела подруг широко раскрытыми изумрудными глазами, полными слез. Тихим прерывающимся голосом прошептала:

— Понимаю, что должна быть сильной, ради него... Мое поведение должно быть безупречным, и я вовсе не желаю вызвать недовольство ее высочества. Ничего не могу поделать, мне претят танцы и музыка, когда сердце разрывается от тревоги за любимого...

Последовали бурные уверения в том, что Катрин не оставят ни на шаг, и постепенно она дала увести себя за дверь. Благо и прическа, и платье, и макияж были в идеальном состоянии для королевского праздника.

Еще долго я сидела, нахохлившись, на подоконнике. Не могла найти сил для обратного полета, словно перья в птичьем облике слиплись от приторного сиропа.

Меня нельзя назвать экспертом в поведении дворян, скорее наоборот, все-таки я дитя другого мира. Илстин не слишком много времени уделял этикету, говоря, что большинство странностей поведения окружающие

будут списывать на присущую ведьмам эксцентричность.

Увиденная сцена вызывала отторжение на уровне животных инстинктов. Может, это бушевала ревность, заставляя выискивать у совершенной соперницы несуществующие недостатки? Ничего нет плохого в том, что она красилась перед важным приемом. В конце концов, Рейсвальд жив и здоров, вернется, отслужив месяц у ведьмы. Подобные прецеденты были и раньше, в Эйде колдунам позволено абсолютно все, благо они не претендуют на власть. Зато правителям, находящимся в хороших отношениях с магами, переппадают сокровища из числа четырнадцати артефактов. Охотников на них немало, артефакты частенько решали исходы войн, мирные соглашения и благоденствие государств.

Катрин простительно не горевать по отсутствующему жениху. Месяц — это далеко не вечность, мне ли не знать, как быстро могут пролететь тридцать дней?

Но зачем демонстрировать подругам показную скорбь? Зачем разыгрывать нежелание идти на празднество, к которому тщательно готовилась? Что за интрига плетется в головке столь юного существа, которому и двадцати не исполнилось?

Если откровенно, тяжело на душе было еще и потому, что один вид Катрин вызывал тошноту и протест. Фальшь являлась сильнейшим отталкивающим зельем, я не терпела ее ни в одном из приближенных. Если Рейсвальду она по душе, то нам точно не по пути.

Хотя куда это меня завели шальные мысли? Неужели я придумала себе славную сказочку, в которой ведьма и король наслаждаются счастливой жизнью до заката времен?

Фальшь — одно из важнейших умений будущей королевы. Как мудро выразилась Катрин, истинные чувства становятся опасным оружием в руках врагов. В сопливой девчонке больше жизненного опыта, чем когда-либо будет у меня.

И еще одна мысль свербела в висках: каким образом дворца достигли слухи о договоре с Рейсвальдом? Катрин была без сознания, о деталях сделки слышать не могла, а значит, напрашивается очевидный вывод: в моем замке завелась крыса, докладывающая в Бретель о происходящем. Случись это вчера, я бы возмутилась предательством челяди, но после сегодняшнего суда вера в людей несколько померкла.

Взмахнув крыльями, я дала осенней свежести смыть неприятный налет от подслушанного разговора. Визит оказался весьма полезным, пусть пилюля и горька на вкус. Эту часть жизни Рейсвальда необходимо освоить, коли желаю понять его самого. Будет легче, если в определенный момент

откроется, что славный король столь же прожженный интриган и лицедей, как его любимая. В таком случае давняя страсть потонет в озере разочарования. Вот единственный счастливый конец, на который приходится уповать незадачливой ведьме.

И все же когда я залетела в собственную спальню и увидела на кровати умиротворенно спящего короля, сердце забилося чаще. В груди затрепетал теплый радостный огонек. Приподняв одеяло, я скользнула в нагретую постель, стараясь не разбудить Рейсвальда лишним движением. Легла на расстоянии, чтобы не смущать ни его, ни себя. Долго смотрела на красивые черты, выискивая признаки испорченности, но нашла лишь складку между бровей да морщинки в уголках губ. Ни малейшего налета порока.

Ах, если бы волшебство помогло проникнуть в мысли Рейсвальда! Как бы я хотела узнать ответ на не дающий покоя вопрос: он столь покладист оттого, что я не противна ему, или отчаянно страшится за жизнь любимой?

Скорей второе, чем первое, но женское сердце бывает столь глупым, что ищет взаимности, не считаясь с фактами, указывающими на обратное. Рациональной стороне остается разочарованно вздохнуть, понадеявшись, что план сработает и любовь к Рейсвальду потихоньку сойдет на нет.

Утро Рейсвальд встретил отдохнувший, в приподнятом настроении. Определенно, воздух в ведьмином замке полезен для здоровья. Да и сама она оказалась не столь суровой хозяйкой, как старалась выглядеть поначалу. Впрочем, как бы ни хотелось расслабиться, следовало быть осторожным и потакать любым желаниям темнейшей госпожи. Рейс не собирался испытывать терпение бешеной ведьмы, поклявшись сделать все возможное для благополучия Катрин. Это не тяжело, особенно если требуют такую малость, как помощь в ведении учетной книги замка или вечерний массаж.

Отец Рейсвальда, король Биртвайльд, в течение долгих лет пропадал по вечерам. Крылатая повозка зависала около девяти вечера за окном королевских покоев, его величество ступал на позолоченную ступеньку, закрывал белоснежную дверцу и уносился вдаль. Возвращался лишь к полуночи, довольный и свежий. Не было секретом, что король наносил визиты западной ведьме Аривельде. Происходящее же на этих вечерних посиделках оставалось неизвестным. Биртвайльд правил долго, женился два раза и оба неудачно, всю жизнь отличался отменным здоровьем и до восьмидесяти лет выглядел на сорок. Умер он, когда Рейсвальду исполнился двадцать один год, вскоре после того, как Аривельда отошла в иной мир.

Если предположить, что отец Рейса отлучался для массажа, необходимого магам, то и для сына подобное занятие будет не зазорным. Только в следующий раз следует лучше контролировать отклик тела и эмоции от близости к привлекательному женскому телу. При наличии невесты негоже смотреть на других женщин.

Рейсвальд посмотрел на забывшуюся сном ведьму по другую сторону кровати. В лучах утреннего солнца Эвитерра выглядела совсем иначе, мало напоминая себя вчерашнюю. Волосы выросли за ночь до плеч, ощутимо посветлели от иссиня-черного до русого, как у полевой мыши. Губы потеряли густо-красный цвет и излишнюю припухлость, трогательно приоткрылись, обнажая жемчужные зубки. Резкие скулы разгладились, лицо округлилось, стало моложе и как-то беззащитней. Из роковой красавицы спящая ведьма превратилась в милую простушку, чем-то неуловимо знакомую.

Король долго разглядывал девушку, пытаясь вспомнить, где видел ее раньше. У него была уникальная память на лица и имена — навык, развиваемый с детства как один из необходимых правителю. Увидев однажды, Рейс никогда не забывал человека.

Но, несмотря на то что вид ведьмы вызывал странное тянущее ощущение в животе и необъяснимое желание дотронуться, король Айнура никак не мог собрать разрозненные ассоциации в четкое воспоминание.

«Ева, какая, к бездне, Ева?»

Так и не придя к внятному выводу, король бесшумно выбрался из постели и направился в купальню.

Нельзя забывать о причине, по которой Рейсвальд ныне отбывал повинность в услужении у ведьмы. За спиной зрел заговор, месячное отсутствие злоумышленники используют в свою пользу. Возвращение в Бретель легким не будет.

В купальне подле идеального зеркала в специальной подставке выстроились в ряд палочки для зубов. Нетронутые. Рейсвальд выбрал одну из них, почистил зубы, положил на приметное место в отдалении от остальных. Из зеркала на него смотрело отдохнувшее лицо мужчины, помолодевшего лет на пять. Рейсвальд потер однодневную щетину и решил не трогать ее сегодня. Если госпоже будет не по нраву, пусть найдет прислугу для временного раба.

Вернувшись в комнату, наткнулся на взгляд абсолютно бодрой жгучей брюнетки с ярко-голубыми глазами и острыми скулами. Ведьма вернулась в образ роковой женщины, бесспорно прекрасной, идеальной до последней черточки.

И все-таки Рейсвальд предпочел бы еще разок глянуть на утреннюю круглолицую простушку. В следующий раз стоит подольше рассмотреть ее.

— Давно проснулся, Рейс? — безразлично поинтересовалась ведьма, нервно теребя покрывало.

— Только что, госпожа. Снились ли вам хорошие сны?

— Совсем наоборот, — отвела взгляд ведьма, и на миг в ее позе проступила растерянность. — Муть какая-то снилась. Ведьмам нельзя игнорировать сны. Скажи, Рейс, тебя, что ли, хотят убить?

— Всегда, госпожа, — безразлично пожал плечами король. — С тех пор, как вернулся из Сарнира, последователи Виннирта не оставляют надежду от меня избавиться. У них ничего не получается уже семь лет.

Ведьма откинула покрывало, помассировала виски. Теплая рубашка до пят в мелкий цветочек подходила больше крестьянской девушке, но почему-то очень шла волшебнице, так что Рейсвальду пришлось приказать себе отвести взгляд.

— Правда? — рассеянно произнесла ведьма, направляясь в сторону купальни. — Снаружи твоя жизнь выглядела идеальной.

Что значит «снаружи»?

Рейсвальд промолчал. Послышался звук текущей воды. Разум подсказывал воспользоваться ситуацией и осмотреть комнату, но почему-то вместо этого король подошел к стороне кровати, на которой лежала ведьма, взял в руки ее подушку и прижал к лицу.

Запах. Сирень и морская вода. От него закружилась голова и ослабли ноги, король опустился на пол без сил. Его окутала безнадежная тоска по чему-то недостижимому, сердце гулко забилося в груди, в горле встал ком.

Не хотелось ни о чем думать, только закрыться от всего мира. Руки судорожно сжимали белое кружево, прижимая ткань как можно ближе к лицу, чтобы зарыться в запах, насладиться им, вернуться в мгновение, когда к запаху прилагалась теплая кожа и залиvistый смех... Король ощутил, как по щекам пробежали теплые дорожки слез.

Встал, отшвырнул от себя странный заволаживающий предмет. Верно, ведьма душится приворотными духами. Чем еще объяснить растерянность, злость и грусть, нахлынувшие из небытия? Семь лет ему удавалось хранить хвalebное спокойствие, вошедшее в легенды. Хватило одного дня в плену, чтобы разрушилась стена, кропотливо возведенная вокруг собственного сердца.

Когда ведьма назвала цену за спасение Катрин, король был уверен, что сумеет выдержать несчастный месяц, что бы капризная женщина ни уготовила. Теперь, когда что-то внутри Рейсвальда дало трещину, он

засомневался, сможет ли сохранить выдержку или испытание изменит его безвозвратно?

ГЛАВА 10

Не забывайте радоваться, услышав хорошие новости

Дверь резко распахнулась, заставив Рейсвальда невольно дернуться, скидывая нахлынувшую тоску.

— Кофе! — воскликнула ведьма. — Вот что мне нужно, и как можно скорее.

На ней было традиционное облегающее платье в лиловых тонах, открытое на груди.

Она подбежала к секретеру, распахнула дверцы и выкатила на середину комнаты треногу с хрустальным шаром размером с голову ребенка.

— Ннанди! — умоляющим голосом попросила она, сведя руки под пышной грудью.

Рейсвальд потер переносицу и отвернулся.

— Ннанди, проснись, хорошая моя.

Кристальный шар заискрился золотыми всполохами, из таинственной глубины появилось прекрасное эбеновое лицо с полными губами и вьющимися волосами, увешанными разноцветными костяными бусинами.

— Эвитерра, ты ли меня разбудила в столь ранний час?

— Ох, Ннанди, голова раскалывается, спаси, моя хорошая.

Откинув с лица волосы, под перестук бусин темнокожая ведьма встревоженно спросила:

— Ох, Эви, на тебе лица нет... Может, вызвать Илстина, о?

Эвитерра прикрыла лицо ладонями и застонала.

— Хорошо же. Ннанди отправит тебе кофейные зерна, недавно созревшие, высший сорт, держи!

Эвитерра подхватила юбку, и прямо с потолка посыпались твердые продолговатые красные плоды, когда в подол, а когда прямо на голову ведьме.

Темнокожая ведьма подавила смешок, слыша сдавленный писк Эвитерры:

— Это за то, что разбудила Ннанди. Ждать тебя завтра на слете или используешь предлог плохого самочувствия?

— Приду, — буркнула Эви, поднимая с пола плоды и складывая в

юбку. — Куда денусь?

— Хорошо же, красавица, развлекайся. — Ведьма из шара бросила быстрый взгляд на Рейсвальда и добавила: — После ночи с айнурским королем тебе положено вставать в более приподнятом настроении. Плохо старался?

— Ннанди, тихо! Гету услышит!

— Я уже слышал.

Ведьма с пышными волосами уступила место огромному чернокожему мужчине, с трудом поместившемуся в маленькое средство связи. Мышцы так и бугрились под темной кожей, глазницы сверкали белизной.

— Эвитерра, мышонок! Почему так долго не навещала? Не смей отлынивать от завтрашной встречи. Нам нужно сообщить важную новость.

— Я уже сказала, что буду, Гету! Какую новость? Ннанди вновь беременна?

Послышался смех и звук страстного поцелуя. Пара по ту сторону хрустала не увидела, как бледнеет лицо Эвитерры.

— Все равно приходи завтра. Слышал, кое-кто по тебе соскучился!

Хрустальный шар полыхнул золотым и погас. Алая, как рябина, Эвитерра извинительно пробормотала:

— Прости, Рейсвальд. Моим друзьям, Гету и Ннанди, не свойственна северная холодность. В их культуре естественно говорить об отношениях, связывающих мужчину и женщину. Мне не хотелось переубеждать их объяснениями нашего договора. На будущее постараюсь, чтобы подобного не повторилось.

— Госпожа просит прощения? Не стоит. Как и подобает рабу и просто воспитанному человеку, я не вслушивался в чужой разговор.

Как прекрасно вновь укутаться шарфом показного спокойствия. Будто его и не пробрало злостью от упоминания неизвестного, который скучал по Эвитерре.

— Рейсвальд, я хотела попросить тебя о чем-то. Только после кофе, хорошо? Встретимся в трапезной на этом этаже через несколько минут. Я пришлю опытного лакея, который поможет тебе переодеться.

Она выскользнула из комнаты, осторожно неся в подоле драгоценные зерна. Рейсвальд подобрал одно с пола. Твердый плод, резко пахнущий экзотическим запахом юга. Для чего это кофе так нужен ведьме?

Рейсвальд на всякий случай закинул зерно в карман.

Вскоре дверь открылась, зашел лакей с бритвенными принадлежностями.

Дымящийся кофе щекотал ноздри, но я бездумно смотрела вперед,

смахивая слезы.

Я приговорена.

Нет, конечно, новость, поведенная Ннанди и Гету, меня обрадовала — они давно хотели второго ребенка, и я рада, что у них получилось. Но это также значило, что будущей маме не следует колдовать в ближайшие девять месяцев, чтобы не навредить плоду. Следовательно, нагрузка на остальные тринадцать волшебников чуть увеличится. В обычное время — терпимо. Напор магии усиливается, вероятность произведения артефакта растет, но у всех, по последним подсчетам, приличный запас прочности, иначе Ннанди и Гету погодили бы с ребенком.

Не у меня... Один артефакт — и я выгорю, а если и Ннанди не сможет колдовать, останутся лишь двенадцать волшебников, и это реальная опасность, что начнется ценная реакция и колдуны, не выдержав буйства магии, погаснут один за другим.

Катастрофа.

Илстин рассказывал, что после произведения Аривельдой четырнадцатого артефакта меня долго не могли найти. Выгорел старший волшебник Чи-Линг, взявший на себя львиную струю магического потока, чтобы спасти остальных. Счет шел на часы до погасания Хафсы, следующей по старшинству. В последний момент Илстин сумел меня обнаружить и инициировать, но цену за промедление пришлось заплатить сполна. За первый месяц обучения у Илстина я произвела пять артефактов — невиданное количество, почти провал. Двенадцать колдунов не сумели усмирить бурные потоки, проходящие через новичка. Под напором магии я вспыхивала, как головка спички, раз за разом. Илстин позже частенько крепко прижимал меня к себе и рассказывал, как боялся, что сгорю у него на глазах.

От стремительного и inferнального выгорания меня спасла инициация Чинга. Волшебников вновь стало четырнадцать, прорывы силы потихоньку утихли, потоки присмирели, и все же к концу первого года на моем счету были внушительные восемь артефактов. Обычно на момент окончания учебы у среднего волшебника их пять. Я ушла от Илстина с беспрецедентными одиннадцатью. Учитель не хотел меня отпускать. Для Илстина я всегда была хрупкой маленькой колдуньей, которую нужно охранять от мирских невзгод. Если Илстин узнает, что артефактов уже тринадцать, он примчится черным смерчем и заберет под стальное крыло жесткой заботы.

Нет. Не во второй раз. Мне хватило одной жизни с аллергией на все на свете — на молочное, рыбное, кофе, шоколад, двадцать различных

лекарств. Я уже задыхалась: буквально от приступов астмы и фигурально от маминой заботы. С меня хватит. Я отказываюсь быть девочкой в беде, нуждающейся в спасении.

Что-нибудь придумаю. Потоки магии успокоились. Я чувствую, что управляю ими, а не наоборот, как в первый день присутствия Рейсвальда.

Кроме магии на повестке дня другие заботы: в моем замке предатель, докладывающий в Бретель о новостях. Надвигается зима, а запасов отнюдь не достаточно. Мик требует внимания, раз я пообещала стать его ответственным взрослым. Поведение Катрин в отсутствие Рейса вызывает немалые подозрения. И самая большая проблема — король в моем плену.

Моя заноза и радость. Застарелая рана, потихоньку подживающая. Несмотря ни на что, когда Рейс рядом, все остальное кажется преодолимым.

Отхлебнула остывший напиток, наслаждаясь горечью и густотой, и увидела заспанного Мика — он вышел из своей спальни, потирая сонные глаза. Взъерошенные рыжие кудри пружинами стояли на непропорционально большой голове.

Мик рухнул на соседний стул с полузакрытыми глазами и вслепую, дрожащей рукой потянулся, нащупывая поджаристые хлебцы, одновременно пододвигая к себе блюдечко с маслом. Хлеб исчез в два прикуса. Мальчишка облизнулся, шмякнул кусок масла на горячую корочку и расправился со вторым.

Под моим испуганным взглядом в утробе Мика исчезла стопочка поджаристых блинчиков с клубничным вареньем, кастрюлька овсяной каши со сливками, чайник чая, горка яблок, плошка тыквенной каши.

Рыжее несчастье приободрилось, довольно похлопало себя по животу и сказало, указывая на надкусанный ломоть в моей руке:

— Темная госпожа, вы доедать будете?

Я еще не успела толком позавтракать, но под жадным взглядом Мика мне кусок в горло не лез.

— Держи, приятного аппетита.

Мик справился с ломтем за секунду и сыто улыбнулся. Этот мальчишка сейчас слопал завтрак, способный накормить четверых взрослых. Сколько ему лет? На вид десять, но если учесть, что вокруг средневековье, скудное пропитание, то, может, и все двенадцать. По поведению он и на первоклассника не тянет, хотя я плохо разбираюсь в детской психологии. Ладно, прокормлю Мика, не обеднею. Лишь одно довольное выражение лица на круглой мордочке многого стоит.

— Иди сюда, — попросила я.

Мик пах чистотой и лавандой, которой прокладывали простыни для крепкого сна. Я пощупала живот — удостовериться, что мальчишка не лопнет. Мягонький, будто и не изничтожил три килограмма углеводов.

Вдруг Мик сделал невероятное. Пухлыми ручками обвил меня за шею, залез на колени и крепко обнял. Ух, тяжелый, по весу, словно откормленный бычок. Мик привалился к плечу и довольно задышал. Я гладила его по спине, и, клянусь, создавалась полная иллюзия, будто сидит чуть не грудничок. И макушка пахнет солнцем, как у маленьких.

— Кто ты, Мик? — шепотом спросила я.

Скрипнула дверь, ведущая в мои покои. Неугомонный ребенок резво прыгнул с колен и запрыгал слонем по жалобно заскрипевшим ступеням вниз на первый этаж.

Удивленный взгляд Рейсвальда проводил вихрастого рыжего мальчишку.

— Позвольте присоединиться к вам за завтраком? — церемонно спросил он.

— Боюсь, Рейс, ты опоздал, — с насмешкой произнесла я, жестом показывая на остатки некогда богатого стола. На серебряной тарелке одиноко лежали две крошки, на доньшке молочника белели сливки. Вазочка со стеночками, обмазанными красным, могла похвастать одинокой ягодой. Надо сказать, Мик ел аккуратно, его тарелка блестела, впрочем, как и моя. — В поисках продовольствия нам придется спуститься на кухню. Хотя в преддверии сегодняшнего путешествия это может оказаться полезным. Рейс, я хотела попросить твоей помощи в налаживании торговли с соседями. Куда бы ты предпочел направиться, в Сарнир или Айнур?

Рейсвальд чинно подал мне руку, и мы спустились по широким ступеням вместе. Я повела его в кухню, рассказывая по дороге о возможных предметах торговли помимо тыкв, попутно составляя список необходимого на зиму.

Спешащие по своим делам люди уважительно кланялись, бросая многозначительные взгляды.

Повар Массиро запаниковал, увидев темную госпожу и его величество в царстве котлов, печей, кухарок с дымящимися кастрюлями. Короткие усики над верхней губой встопорщились, он принялся отдавать резкие приказы совсем уж писклявым голосом. Нам выделили дубовый стол, накрыли белоснежной скатертью, расшитой маками. Поставили вазочку со свежесрезанными цветами, где только раздобыли поздней осенью? Лучшие тарелки с кружевным краем работы восточных мастеров были изящны, как снежинки. Сырники, сделанные на скорую руку, политые густой сметаной,

таяли во рту.

Массиро подал две крохотные чашки с дымящимся кофе. Я отпила с восхищением, отмечая свежесть бобов и легкую горчинку. Рейс с опаской принялся и, пригубив, поморщился.

— Подожди, новичкам следует добавить сахару и сливок, — сказала я, перегнувшись через стол.

Поухаживала за королем и даже размешала сахар ложечкой, как примерная официантка. Пододвинула к нему чашечку с напитком, заглянула в лицо с предвкушением школьницы первого сентября. Рейс сидел напряженно, отведя взгляд от опасно обнаженной груди на уровне его глаз. Я плюхнулась на место, покраснела, тут же прирастила к платью кружево в области декольте.

— К вашему вопросу, госпожа, — осторожно сказал король. — Естественно, я предпочитаю направиться в Айнур. Для моего королевства большая честь наладить торговые отношения с одной из четырнадцати.

Он во второй раз отпил из чашки, покатал жидкость во рту, пробуя новый вкус. Мать-волшебница, как же король хорош, когда рассеивается маска сдержанности, которую он так любит носить, и на лице проступает выражение чистого восторга! Как давно, оказывается, я не видела Рейса по-настоящему свободным от условностей. Если подумать, то с того самого райского месяца, который мы провели в охотничьем домике вдали от людских глаз.

Как хочется выпить остатки кофе прямо с его губ, перемахнуть через дубовый стол в крепкие объятия, как делала когда-то. Зарыться пальцами в густые волосы, потереться щекой о щетину, игриво куснуть за нижнюю губу и утонуть в глубоком поцелуе.

Что ты делаешь со мною, Рейс? Почему ничем не выжечь тебя из сердца, никак не отпустить?

— Госпожа, приму любое ваше решение.

— Что? — Я с трудом вынырнула из мечтательной дымки. — Прости, Рейс, задумалась. Если желаешь отправиться в Айнур, ничего не имею против. Кстати... — Я запнулась и покраснела, опустив нос в тарелку. — Послушай, совсем не обязательно сообщать в деревнях о нашем договоре. На время поездки ты волен обращаться ко мне соответственно статусу правителя, и я буду оказывать тебе должное уважение. Происходящее в стенах замка останется тайной...

Не хотелось задевать достоинство Рейсвальда. Приказывать ему в границах собственного замка было волнующей игрой, пикантной и опасной, в первую очередь для меня самой. Первоначальное рвение

заставить короля ненавидеть меня быстро сошло на нет. Давать задания, которые могли бы унижить его, больше не тянуло. Наоборот, я постоянно думала о том, как бы порадовать его, не выдавая своих чувств. Посторонним нечего быть в курсе происходящего, а мне нетрудно на время поездки в Айнур притвориться покорной подданной Рейса.

— Темная госпожа, даже королю не зазорно служить великой колдунье в расплату за лечение невесты, — заметил Рейсвальд и со значением добавил: — Вы сами сказали, что после сотворения волшебства не властны над условием. Не хотелось бы гордыней нарушить договор, тем самым поставив в опасность жизнь Катрин.

Катрин, опять она. Глупо чувствовать душашую волну ревности при упоминании этого имени, потому что никакой надежды Рейс мне не давал. У него есть любимая, король попросту делает все, чтобы оплатить долг, и ничего сверх.

Тут я помрачнела еще больше, так как вспомнила о неизвестном шпионе в собственном доме. Глупо пытаться скрыть договор, если о каждом шаге сообщают прямиком во дворец. Поимку злоумышленника стоит поставить на повестку дня и сделать это как можно скорее. Мне не хотелось, чтобы происходящее в замке доходило до чужих ушей, и тем более до дворца!

Мы вышли во двор, по дороге обсуждая, какие образцы брать с собой в деревню. На полях вокруг замка росли тыквы и высокие стебли с желтыми кочанами, наподобие кукурузы. Нам отчаянно не хватало пшеницы, тканей, утвари и различной живности. Рейс уверил меня, что обмен вполне возможен, а его забота — сделать так, чтобы сотрудничество стало выгодным обеим сторонам.

В конюшне для Рейса взнуздали его скакуна и для меня вывели лошадку, отличающуюся смирным нравом. За время, проведенное на Эйде, я научилась ездить верхом, но посадка выдавала неумелую наездницу. Вспомнила изящную Катрин, славящуюся идеальной техникой верховой езды, и в груди похолодело, но я решительно взобралась на свою Маруську, стараясь не смотреть в сторону короля.

Он и так меня не хочет, а желание защитить невесту не даст Рейсу показать насмешку. Нечего переживать. Я тронула поводья и цокнула языком, направляя Маруську в сторону тропинки, ведущей к северным деревням. Самая большая, Виркуно, находилась в четырех часах езды. К вечеру обернемся.

За лошадками ехала нагруженная товаром телега, в которой трясся Мик. Мальчишку не следовало оставлять одного в замке, поездка может

оказаться полезной и для него. Мик с любопытством глазел по сторонам и старался выслужиться, как обуянный рвением щенок. Старый кучер то и дело шикал на него, прекращая бесконечный поток болтовни.

Листья шуршали под копытами лошадей, над головой голубело не осеннему прозрачное небо. Вокруг шумел листвою лес, одетый в парадное золото.

Природа вечна в своем обновлении. Ровно семь лет назад точно такой же осенний лес принял потерянную попаданку. Заморозил первыми холодами, прогнал по канавам и буеракам, заморил голодом, испугал ночным воем волков и вышвырнул к ногам одинокого принца, погнавшегося за белым оленем.

Я не выдержала — посмотрела на короля, который, сжав поводья до побелевших костяшек, поглядывал в мою сторону. Неужели вспомнил ту нашу встречу? Может, случится чудо, он спрыгнет с коня, закружит меня в воздухе, прижмет крепко-крепко и пообещает никогда не отпускать?

Рейсвальд потер переносицу и отвернулся. Сказки не получилось, реальность и на Эйде диктуется вероломным человеческим сердцем. Короли достаются аристократкам, вечной любви не существует, и балом правит ее величество выгода.

Поздно. Я уже унеслась сознанием в прошлое, в ту самую первую встречу, которая огненным шрамом осталась на сердце, затмив даже столь знаменательное событие, как моя смерть. Впрочем, все началось с нее.

ГЛАВА 11

Не принимайте яд из лечащих рук

— Что за бред, Ирина Михайловна? Аллергия на парацетамол, ибупрофен, вазобрал, сумамигрен, аллохол, ноопепт, стугерон, пенициллин, сантоперадгин, персики, шоколад, молочное, рыбу, кофе... Да тут еще пунктов двадцать. Это шутка?

Молодой врач потряс листочком в клеточку, на котором аккуратным почерком был выведен вышеозначенный список. Поправил сползшие очки и вновь с отвращением уставился на написанное.

— Это ее мамаша мочалила меня целый час, пока я все не записала, еще и проверила раз пятнадцать.

Уставшая медсестра с тоской смотрела в запотевшее окно, за которым спал город. Третий час ночи, ей еще три комнаты обежать надо, а этот все тянет с решением.

— Говоришь, ей больно? Что я могу ей дать от боли-то, а? Только на морфий нет аллергии, все остальное запрещено. Очень удобно. Интересная штука: десятая госпитализация за два года, каждый раз в другой больнице округа... Подозрительно, не находишь?

— Да они просто стукнутые на голову, особенно мамаша.

Медсестра раздраженно вздохнула: стукнутых на голову пруд пруди в любой палате. Это молодой врач на пустом месте бучу устроил. Выписал бы анальгетик, лидокаин местный, что ли, и дело с концом. Видели таких, видели и пережили — вначале возмущаются, рыпаются, потом через годик-два больница всех обтирает под копырку. Этот тоже успокоится. А пока треплет нервы, задерживает...

— Не верю в ее аллергии, ложь, наглая и беспринципная. Ненавижу таких, им в психиатрию ложиться надо, а не к нам!

Резкие шаги в коридоре, триста двенадцатая палата справа. Кровать у окна, на которой свернулась тонкокостная бледная девушка с большими глазами. Надо же, по описанию в компьютере он представлял себе эдакую прожженную мошенницу, а эта похожа скорей на мелкую полевую мышку. Даже что-то шевельнулось в душе, вызывая сомнения. И дышит быстро-быстро, сатурация около девяносто...

— Что ж вам не спится, больная?

— Вот тут колет... — едва может говорить, голос прерывается.

Показывает на ребра. Врач достает из кармана стетоскоп, прислушивается. Чисто, свиста нет, так и есть — симулянтка.

— Морфина нет, список аллергии на препараты у вас внушительный. Терпите, больная, — победно выпрямляется врач.

— Хорошо, — по щекам текут дорожки слез, — я потерплю.

Врач ежится, возвращается в тесный темный кабинет.

Через два часа заходит вновь медсестра с той же просьбой. Больной в триста двенадцатой палате у окна плохо.

— Дай ей парацетамол, пусть успокоится.

— Аллергия же.

— Нет никакой аллергии, я сказал. Вот, смотри, вычеркиваю.

Вычеркивает так вычеркивает. Медсестра пожимает плечами и идет за лекарством.

Девочка, не глядя, берет маленький пластиковый стаканчик и профессиональным жестом одним махом проглатывает таблетку.

Медсестра подносит стакан воды:

— Все, спите, третий час ночи.

Пятнадцать тихих минут, затем топот в коридоре.

— Хрипит она, — сообщает медсестра, и молодой врач срывается с места.

Поздно.

Девочка с синим лицом задыхается, свист в легких слышно и без стетоскопа. Молодой врач застывает с выражением ужаса на лице. Ему подсказывают вколоть адреналин, и только тогда он оживает, вспоминает о нужных лекарствах. Палата заполняется народом, девушке колют синие руки. Кто-то кричит о перевозе в реанимацию.

Скрип колесиков каталки, мелькание флуоресцентных ламп на потолке, тяжелое дыхание санитаров, спешащих изо всех сил.

— Начинаем массаж сердца! Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь...

— Проверка пульса десять секунд. Пульса нет, продолжать массаж сердца.

— Один, два, три, четыре...

Сильные движения плеч, худенькое тело подпрыгивает пляшущей марионеткой.

— Эпинефрин, один миллиграмм.

— На мониторе прямая линия...

— Продолжать массаж сердца!

Молодой врач бледен. Он стоит в углу палаты, прижимая кулак ко рту.

Он думает не о худенькой девушке с большими глазами, а о том, скажет ли медсестра, кто дал Ветровой вместо морфина парацетамол? Успела ли записать в карту или можно все происшедшее спрятать от чужих глаз? И хоть бы никто не узнал, впереди целая жизнь, впереди карьера...

Я знаю, что он думает, потому что у меня уже не болит в боку от пневмоторакса, которого врач не услышал. Уже не задыхаюсь от лекарства, полученного из руки, предназначенной исцелять. Я уношусь из палаты к маме, которая покупает в круглосуточном супермаркете для меня булочки, потому что в больнице проблемную больную кормят постной овсянкой на воде. Целую на прощанье папу, спящих Варю и Матвея.

А потом я появляюсь в любимой белой толстовке, джинсах, удобных кроссовках и с ниткой жемчуга на шее в осеннем лесу Эйды.

Три дня и три ночи я сплю урывками на деревьях, подальше от желтоглазых ночных зверей, пью холодную до зубного скрежета воду из ручейков. Еда... Ничего не ем, живот свернулся в тугой комок, и тело объяла слабость, замешенная на упрямстве.

Я размышляю над тем, как меня занесло в дикий лес. Смутный сон о последней госпитализации отметаю как несущественный. Лидирует версия о том, что меня опоили и вывезли за город. Умирать не собираюсь, все надеюсь выйти к жилью, попросить набрать номер мамы.

Внутри все окаменело. Голова помнит, как во время массажа сердца треснуло два ребра, в том месте ноет, и эта фантомная боль заставляет трясти голову, чтобы избавиться от кошмаров. Думать не хочется, ноги несут слабеющее тело вперед. Кажется, тогда я была на волоске от того, чтобы умереть во второй раз.

И вдруг цокот копыт, как звонкий гонг избавления. Со всех сил кричу, несусь по направлению к лошадиному ржанию.

Застываю, не в силах скрыть изумление.

Под уздцы ведет белоснежного скакуна высокий кареглазый мужчина с синим беретом на голове, отороченным мехом. Смоляные кудри завязаны ленточкой. На сильном теле средневековая одежда — туника и лосины, но не китайская подделка, а до последней детали продуманный костюм. Настоящая вышивка серебром на синем бархате — поднявшийся на задние лапы лев. Кожаный ремень наискосок груди, за спиной колчан с луком и стрелами. И плащ с алой подбивкой, как последний штрих, развевается за плечами. Прекрасный принц, словно сошедший с иллюстрации к книге сказок.

Косплеер. Ничего, и он сойдет.

— Стой! Мне нужна помощь! У тебя сотовый с собой есть?

Немного грубо, но я три дня не видела ни одной живой души.

Молчит. Свел брови на лбу, словно озадачен моим появлением, в уголке губ полуулыбка. И ни слова.

Вываливаюсь на тропинку перед косплеером, подхожу ближе, тяну за рукав:

— Ну же, я заблудилась в лесу. Три дня ничего не ела, позвони в службу спасения!

Смотрит на мою ладонь, сжавшую его предплечье, словно это седьмое чудо света.

— Кто ты, лесная дева?

— Прекрати! — Слезы так и брызжут из глаз, впрочем, последние три дня они лились без моего контроля, почти не переставая. — Хватит притворяться!

— Как утешить тебя, дева? Кто обидел?

— Ты! Ты обидел! Достаточно мучить, пожалуйста, отвези меня к людям, хоть бы и на лошади.

Решив что-то для себя, мужчина кивает, накрывает мою ладонь своей.

— Несчастливая душа, скорей всего, вы потеряли разум от большого горя. Я отвезу к лекарю как можно быстрее. Вот, укройтесь моим плащом, ваша одежда не подходит юной деве.

Сумасшедший. Столь глубоко погружен в фантазии, что даже ради помощи не желает вынырнуть из созданного образа. Может, не стоит слепо следовать за ним? Не лучше ли поискать других, не столь шибанутых косплееров? Наверняка кто-то есть рядом... Наверняка!

С сомнением смотрю на плащ. Наверное, и вправду они устроили игру, готовились долгие месяцы, а тут я оскорбляю взор кроссовками и джинсами. Накинула на плечи тяжелую ткань, вдохнув резковатый притягательный мужской запах. Он очень красив, этот косплеер, жаль, с головой не дружит. Впрочем, на меня никогда высокие широкоплечие парни внимания не обращали.

Застежка сверкнула драгоценными камнями. Дорогая искусная безделушка, даже если это всего лишь подделка.

— Не буду мешать вашим играм. Пожалуйста, дай мне что-нибудь поесть, и я пойду искать помощи в другом месте.

Незнакомец поворачивается к седельной сумке, достает сверток из ткани, разворачивает тряпицу и протягивает одуряюще ароматный хлеб. Я вгрызаюсь в мякоть, как голодный зверь. До чего же вкусно! Ноги подгибаются, и я бы упала на выстеленную листвой тропу, но мужчина подхватывает меня на руки.

— Плохого же вы мнения обо мне, если думаете, что отпущу нездоровую девушку бродить одну в чаще.

Его близость... Может, это голод, усталость, отчаяние, но тело отзывается непонятной реакцией на горячие руки, подхватившие за талию. Я замираю пойманной птичкой, замороженно смотрю в глаза.

Не бывает таких красивых мужчин. За всю жизнь, ни на обложках журналов, ни в кадрах кино, ни на страницах книг, никогда не видела столь волевого лица, словно выточенного из мрамора.

И он тоже теряет нить разговора, засмотревшись на что-то в моих чертах. Потом, будто опомнившись, ставит на ноги и отступает на шаг.

— Как зовут вас, лесная дева?

— Ева...

Дурацкое имя, больше подходящее старушке. Мама дала его мне в честь бабушки, как старшей в семье. Как бы я хотела назваться звучной Маргаритой, Катериной или Марианной... Но я всего лишь Ева...

Он повторяет мое имя, перекатывает во рту так, что по телу проходит дрожь. Ситуация пугает меня. В ней что-то неправильное, колющее, но пока скрытое от глаз. Было бы легче, если бы незнакомец улыбнулся, представился Максимом, провел бы к своей машине и отвез домой.

Вместо этого он спрашивает:

— Откуда вы? Кто ваши родители? — и, услышав ответ, удивляется: — Никогда не слышал о подобной деревне.

— Хватит, хватит, — почти молно прекратить болезненный фарс. — Пожалуйста, мне очень плохо, перестань притворяться.

— Кем? Милая дева, всем естеством стремлюсь оказать вам посильную помощь. Рядом охотничий домик, он защищен чарами, и вы сможете передохнуть там, пока я помчусь за лекарем.

— Бред, не могу больше слышать. Прекрати! Оставь меня!

Отступаю под спасительное укрытие крон. В горле стоит ком, и опять меня накрывает ощущение удушья, как бесчисленное количество раз до этого. Все вокруг застилает дымка слез, и сквозь нее кажется, будто с кончиков пальцев течет расплавленное золото.

Краем глаза вижу, что из леса выглядывают двое мужчин, одетых попроще, тоже ведущих под уздцы лошадей.

Некрасиво шмыгаю носом, вытираю лицо рукавом. Под ногтями течет золотая вязкая жидкость, капает на землю, растворяется в листьях. Не веря, поднимаю ладонь, подношу к носу. Не обман зрения, из меня пульсацией выходит светящаяся субстанция, унося ощущение нехватки воздуха.

Как мыльный пузырь, проткнутый острой иглой, с еле слышным

хлопком лопается защитный кокон, в который я закрыла себя, оказавшись в лесу.

Смерть.

Я умерла в триста двенадцатой палате от аллергии на парацетамол из-за ошибочного суждения молодого врача. Меня никто не крал, не колол наркотиками, не бросал в лесах Подмосковья. Я просто очнулась на жухлой листве под застланным тучами небом и все это время пыталась убедить саму себя, что смогу найти путь назад.

Вот что кололо в разговоре с незнакомцем, вот что беспокоило.

Он не притворялся, не смеялся над моим несчастьем.

Красавец-мужчина, как и окружающий лес, как и воздух, которым я дышу, как и золотое свечение на кончиках пальцев — все это чужое мне порождение новой реальности, в которую закинуло оторвавшуюся от тела душу.

Евы больше нет. Меня нет.

Опять ноги подгибаются, руки дрожат, и вновь сильное тело не дает упасть. Я реву в участливо подставленное плечо, укрытое синим бархатом. Мужчина прижимает меня к себе крепко-крепко, дает выплакаться, удерживает на ногах. Хватаюсь за него, как за канат, брошенный утопающему.

Слезы превращаются в сухие рыдания, меня трясет нервная дрожь. Я все еще не могу понять, осознать происшедшее. Все ищу доказательства, что невероятная теория лжива, что передо мной не иномирнин, а переодетый заучка, перечитавший фэнтези.

Хватаюсь ладонями за его лицо, пытаюсь прочесть в глазах нечто помимо сочувствия и удивления. Малейший намек на насмешку. Перебираю серебряное шитье, жесткое на ощупь. Беру в руки ладонь с длинными пальцами, унизанную перстнями с крупными рубинами и сапфирами. Дотрагиваюсь до кожаного ремня, на котором висят ножны с кинжалом. Достāju лезвие, вглядываюсь в клеймо, на котором вязью переплелись непонятные символы, и в то же время в голове ясно вспыхивает понимание, что написано «Лив».

Мужчина настойчиво, но мягко отбирает лезвие и возвращает его на место, продолжая поддерживать меня со спины.

В сердце чернота и паника. Мне страшно, одиноко, и холодеют губы от высокой стены цунами, грозящей накрыть с головой, засосать в ненасытную утробу новой незнакомой реальности.

Пытаюсь торопливо высказать бессвязные мысли. Так в детстве проговаривала вслух страшные сны, чтобы те не сбылись:

— Я умерла, когда мама вышла купить поесть. Даже не успела попрощаться. Нужно было закричать с самого начала, когда почувствовала, что губы пухнут, но медсестра посмотрела на меня с таким презрением, что было неудобно возмущаться. А потом я не смогла позвать на помощь, скреблась в постели без звука, и это было хуже всего.

— Вы живы, Ева, я держу в руках человека из плоти и крови. Вам приснился дурной сон, в этих лесах бывает — видения туманят разум.

— Мне страшно!

— Ева, не бойтесь, Ева. Насланные кошмары рассеялись с приходом дня, вы в безопасности, под моей опекой. Не позволю ничему нарушить ваш покой...

— Ах, лучше бы ты сказал мне, что в кустах прячется оператор со скрытой камерой.

— Вам нужен отдых и сон, отогнать гнетущее безумие. Готовы ли вы отправиться со мною в охотничий домик неподалеку?

Цепляюсь еще крепче за широкие плечи. Близость горячего человека необходима, иначе сойду с ума.

— Только если пообещаешь не оставлять меня ни на секунду.

— Даю слово чести, — церемонно кивает незнакомец, не выпуская из объятий.

И тут отчаянно хочется почувствовать себя живой. Сделать что-то запретное, желанное, которое раньше никогда себе не позволила бы. Например, поцеловать невероятно красивого и благородного принца на белом коне. Что он сделает? Оттолкнет меня?

Медленно поворачиваю к себе его лицо, провожу подушечкой пальца по чисто выбритой щеке, спускаюсь вниз к чуть приоткрытому рту. Как только касаюсь, мужчина застывает, его руки каменеют на моей талии. А я, наоборот, тягучим медом тянусь вверх, к сладости его губ.

Сердце бьется в груди, как сумасшедшее. В крови бушуют страх и волнение, смешиваясь в жгучую смесь страсти. Мягкий поцелуй углубляется, в животе сворачивается спираль, как перед полетом вниз на американских горках.

Жива, определенно жива, мертвых так не трясет от близости молодого мужского тела. Да и прошлые поцелуи с соседом в подъезде ни в какое сравнение не идут с нынешним, запретным и неожиданным.

Рука незнакомца ложится на мой затылок, притягивая ближе. Язык касается нижней губы, вызывая стон наслаждения. И тут он отстраняется, смотрит затуманенными глазами, выдыхает:

— Не к лицу мужчине воспользоваться слабостью девы, подпавшей

под злые чары. Назвался защитником, следом и от самого себя буду блюсти вашу честь.

Я позволяю усадить себя на белоснежного скакуна, жующего желтую траву меж корней узловатого дуба. Мгновение — и за моей спиной вскакивает мой волшебный принц, горячо дышит на ухо. Наша встреча и его не оставила равнодушным. Я вижу это по часто бьющейся жилке на шее, по расширенным зрачкам черных глаз, по быстро вздымающейся груди.

Пусть не надеется сохранить мою честь. Он не знает, каково это — умирать девственницей, не изведав запретного плода, о котором твердят все вокруг. В этот раз окажусь умнее и не отпущу этого красавца, каким-то чудом обратившего на меня внимание. Слишком упоительно в надежном кольце его рук, слишком остро было изведать вкус его поцелуя.

Едва отъехали от места встречи, а я уже изворачиваюсь, нахожу губами его губы и улетаю в вышину наслаждения. Купаюсь в хмельном вкусе страсти. И незнакомец от неожиданности с жаром отвечает, пока, опомнившись, не отстраняет меня.

— Тише, Ева. Отдохнешь, излечишься, тогда и зацелую тебя, пока не начнешь умолять о пощаде. Сейчас же не искушай меня, не поддамся.

Трусь щекой о его шею, вырывая прерывистый вздох. Мерное покачивание, теплота бархатной ткани плаща и близость надежной мужской груди приносят умиротворение. Загоняю в самый далекий уголок сознания открытие, что я оказалась в другом мире.

Только одно остается выяснить, пока не провалюсь в сон.

— Как тебя зовут? — спрашиваю, утыкаясь носом в ложбинку чуть ниже мочки уха.

— Рейсвальд, меня зовут Рейсвальд, заколдованная дева.

ГЛАВА 12

Не раскрывайте карты раньше времени

Как сладко было провести месяц в объятиях Рейса в уединении охотничьего домика! Его свита сопровождала нас и появлялась, только чтобы пополнить припасы. Близость затянула сродни помешательству — мы не могли насытиться друг другом. Любовь вспыхнула от одного поцелуя и ярко разгорелась в огне отчаянной потребности. Рейс стал тем, что я всю жизнь искала: надежной гаванью, куда можно было возвращаться, спасаясь от невзгод. В его глазах легко было почувствовать себя центром вселенной — принц смотрел на меня как на чудо, на сбывшуюся мечту. С жадностью слушал рассказы о моей жизни, о другом мире. И ни разу, за целый месяц ни единожды не одернул меня, не приказал вести себя осторожней, не навязал свою волю. Страсть превратилась в любовь, столь глубокую, что семь лет разлуки, предательство и невеста не иссушили ее.

В тиши затерянного в лесной чаще домика мы клялись друг другу в вечной любви. Я целовала черные щекочущие ресницы, таяла в крепких объятиях. Плавилась в ощущении счастья, знакомого лишь тем, кто танцевал на краю бездны.

Клятвы о любви... Чего они стоят, если лишь одна из сторон цепляется за них до изодранного в клочки сердца? Слова, пророненные, когда смотрела в черные глаза, до сих пор жгут душу, прорастают сквозь сажу предательства зелеными ростками надежды.

Не знаю зачем, наверное, воспоминания замутили разум, но я приказала остановиться на отдых, хотя остался всего час пути. Рейсвальд спешился, поправил сбрую, подошел к телеге перебраться парой слов с извозчиком и Миком.

Я тоже привязала Маруську и застыла, не смея решиться.

Ладно, пора быть немного смелой.

— Рейс, пройдем со мной на минутку полюбоваться на осенние красоты?

Король удивленно заломил бровь, но, как всегда покорно, пошел следом, углубляясь в чащу. Под ногами хрустели ветви и шуршала листва. Грибы проклевывались тут и там алыми шляпками, усыпанными белыми пятнами. Мы шли, пока я не убедилась, что вокруг ни одной живой души. Округлая полянка, освещенная солнцем, показалась самым подходящим

местом. Тут пахло прелой листвой и мхом. Вдалеке закуковала кукушка, я по привычке начала считать и оборвала себя на середине. Хватит откладывать.

— Жди, — легко толкнула Рейса в грудь в сторону векового дуба.

С нижней ветки сорвался желудь, упал на плечо короля. Мы задрали головы, увидели серое тельце белки с пушистым хвостом, удирающей на верхушку.

Он отвернулся. Время.

С трепетом позволила личине рассосаться. Ушли зеленые выразительные глаза, открыв серые, с пушистыми ресницами. Лицо округлилось, а тело, наоборот, стало худым и угловатым, как у подростка. Исчезла пышная грудь, оставляя скромную девичью, чуть поднимающую лиф, платье свободно повисло на истончившейся талии. Волосы посветлели до русого оттенка, остались длинными и густыми, полнясь магией.

Я стала собой — Евой.

Рейсвальд молчал, прислонившись спиной к дереву, спрятав руки за спиной. Только задышал чаще, и зрачки расширились. Могла поклясться — узнал.

Мать-волшебница, какой он красивый! В ореоле косых солнечных лучей, высокий, статный, с длинными ресницами, резко очерченными скулами и волевым подбородком. Как лесное божество, выступившее из дремучей чащи.

Я не могла оторвать взгляда от его губ. И тоже тяжело дышала, не сдерживая волнения.

Показать себя настоящую значило последовать совету Маросдили — признаться Рейсу в любви. Закончить с театром одной актрисы, играющей в могущественную ведьму. Показать, что на самом деле я неприглядная попаданка, которую его величество любил на определенном отрезке своей карьеры.

— Великолепная госпожа, мне уже знаком этот образ, — мягко признался он.

Видел? Выходит, я тешила себя иллюзиями о том, что Рейсвальд в неведении относительно моей настоящей личности, а оказывается, все это время король отлично понимал, что это незадачливая бывшая приказывает чистить псарни в отместку за разрыв отношений...

— И что ты думаешь о нем? — тихо спросила, выискивая в прекрасном лице намек на эмоции, но Рейсвальд слишком хорошо их скрывал.

— Вы прекрасны в любом облике, темнейшая госпожа, вам идет и образ роковой красавицы, и скромной простушки...

На глаза навернулись слезы. Закрывает рот ладонью — спрятать подрагивающие губы. Пожалуй, я переоценила свои силы. Не подозревала, как будет больно под равнодушным взглядом. Он знал — и ничем не выдал себя. Не стал просить прощения за то, что бросил меня когда-то одну в таверне. Не принялся оправдываться. Нейтральная фраза о внешности, вот и весь разговор.

Наверное, подобным способом короли избегают некрасивых сцен, устраиваемых брошенными любовницами. Все кристально ясно: он помнит о нашем прошлом в охотничьем домике, для него это прожитая страница давно закрытой книги.

Я все поняла и не буду больше позориться.

Подумать только, я и вправду надеялась, что он образумится, упадет на одно колено и тут же признается в любви... Заговорит о том, что искал меня все эти годы, любил непрестанно...

Сколько в одном человеке хранится глупости?

Отвернулась и бросила через плечо:

— Можешь возвращаться, Рейс, я присоединюсь к вам уже в деревне.

— Почему, госпожа? — Не скрыв удивления, Рейс попытался меня остановить. — Я чем-то прогневил вас?

— Хватит! — закричала, сжав кулаки. — С меня достаточно! Убирайся, это приказ, послушавшись которого, разрушишь *условие*. Я не хочу больше слышать о том, что здесь произошло. Ни слова! Ясно?

Посмотрела на дрожащие руки, почувствовала, как закипает внутри магия, грозясь пролиться артефактом, на сей раз — последним.

Не дам эмоциям отобрать единственное, что позволяет сохранить надежду на лучшее. Магию не отдам. Буду думать о чем угодно, кроме Рейса. Что говорил Илстин?

«Дыши, дай чувствам заполнить тебя, предоставь им место в душе. А потом обрети контроль. Ты не гнев, ты не радость, ты — Эви».

Как иногда не хватает учителя! Он был способен усмирить взбушевавшие всплески магии. Одного присутствия всегда сдержанного Илстина было достаточно, чтобы увериться в возможности преодолеть любую преграду. Ничего, справлюсь и сама. Хотела доказать Илстину, что смогу — нечего сворачивать на середине пути.

Вспорхнула вверх серой пташкой, сделала круг над деревьями цвета охры и ржавчины. Издала полный отчаяния клич.

«Сколько можно, Ева, одну и ту же любовь оплакивать раз за разом?»

Крылья сами задали направление. Куда же еще, как не в Бретель, к королевскому замку? Ладно, все равно куда лететь, лишь бы голову прочистить. Свежий ветер в лицо, шум крыльев, и не думать, не думать!

Знакомая королевская спальня была пуста. Кто-то оставил окно открытым. Я залетела внутрь, прошла в гардеробную, зарылась лицом в один из парадных камзолов, расшитых золотой нитью.

Один его запах сводит с ума, полнит сердце тоской и печалью. А Рейсвальд равнодушен... Та наша встреча оставила глубокий след во мне, он же давно о ней позабыл...

Ах, если бы могла я полюбить другого. Ответить на ухаживания Ги, завязать роман с одним из эмиров южных стран — те горячи и преданы, Маро говорит — искусны во всем: от верховой езды до изысканной поэзии. Нет же, Рейсвальд, один лишь Рейсвальд, только Рейсвальд, и другой не нужен.

Решительно вышла из спальни, птичкой полетела к окну Катрин. Что делает королевская невеста с утра? Отсыпается после бала?

Катрин не спала. Ее выворачивало в услужливо подставленную служанкой бадью. С зеленым лицом, с синими кругами под глазами, она сидела на постели в белой ночной рубашке с кружевами, позволявшей рассмотреть очертания идеального тела. Окно распахнулось, я успела вспорхнуть с подоконника, прежде чем содержимое вылили во двор. Меня лишь опажнуло сильным запахом спиртного.

Нежная фиалка пьет как сапожник? Катрин таит в себе немало секретов.

Она с тихим стоном прикоснулась к голове. Затем подсела к зеркалу и принялась спешно наносить рисовую пудру, скрывая нездоровый цвет лица. Лишь немного кривилась, выдавая боль, но в целом ее лицо было бесстрастным.

Ей не удалось долго просидеть. Еще один приступ тошноты скрутил девушку. А потом я заметила вокруг стройной фигурки нечто странное. Золотые нити магии, встопорщенные, словно от статического электричества, почти незаметные неприспособленному взгляду. Над Катрин ныне довлело некое магическое заклинание. Хотя... Я ведь исцеляла ее недавно, должна бы почувствовать остатки волшебства, тогда их не было! Или Катрин обратилась к волшебникам с просьбой совсем недавно, или из нее тянет магию что-то зловредное...

Завтра обязательно упомяну на собрании об увиденном. Устранять зловредную магию — наша обязанность. Обычно, когда все четырнадцать магов выпускают волшебную энергию в мир через себя дозированными

дозами, голодные до магии существа не имеют возможности ее урвать. Самый крупный кризис последнего столетия произошел семь лет назад, когда выгорела Аривельда, за ней Чи-Линг, и оставшиеся волшебники с напором не справлялись.

Тогда в горах появились питающиеся людьми летающие ящеры, расплодились плотоядные черви, полупрозрачные паразитирующие на снах сильфы и другие магические существа, которых необходимо находить и развоплощать. Все они тянулись к людям, так как в Эйде свободная магическая энергия любит концентрироваться в человеческих тканях и волосах. Поэтому тут носят длинные волосы и женщины, и мужчины и относятся к ним осторожно. Не столь тщательно, как маги, но заговорить локон соперницы или подложить волосы под половик у порога — обыденное дело.

И то, как магия выходит из тела Катрин, очень подозрительно напоминает зловредную сеть-ловушку, расставляемую одним из магических существ.

Увидев достаточно, я поднялась в воздух и полетела в деревню. Душевные переживания уступили место насущным проблемам. По дороге вновь вспомнила о запасах на зиму, забеспокоилась о Мике, и мне удалось оставить неприятный разговор с Рейсом в прошлом.

Рейсвальд так и не понял, что именно в его словах вызвало острую реакцию ведьмы. За день в плену он уж решил, что начал понимать сложную душу колдуньи, и опять Эвитерра огорошила его.

Отчего такое чувство тягостной вины на душе, будто он щенка пнул? Что в его словах принесло столько боли?

Пресвятой Отец, он не хотел... Если бы Рейсвальд знал, как стереть с округлого милого лица выражение отчаяния! Она словно ждала от него чего-то. Знать бы — чего...

Вернувшись к телеге, король все не мог прийти в себя, вновь и вновь прокручивая странный эпизод. Может, не стоило признаваться, что увидел ее истинное лицо во время сна? Нет, колдунье лучше не лгать, не перечить, иначе нарушишь чертово условие... Нужно выполнить все. Все что угодно ради жизни Катрин.

В то же время полную правду сказать он тоже не осмелился. Разве мог признаться, что не в силах глаз отвести от истинного лица ведьмы, открывшегося во время сна? Что готов смотреть на это лицо, забыв о времени, словно окованный неведомыми чарами.

И все же, Эвитерра... Как прогнать застарелую грусть с лица

колдуньи? Не потому, что обязан, а из-за того, что она всем пытается помочь, а о себе редко задумывается. Странно, обладая почти всевластием, заботиться о приبلудном мальчишке. Рейсвальд сперва посчитал это блажью, а сегодня, наблюдая за Миком, решил для себя, что Эвитерра совершила чуть ли не подвиг.

Великие деяния не всегда одеваются в праздничные одежды, о них не трубят глашатаи во всеуслышание. Иногда о чуде говорит лишь исчезновение затравленности из глаз отдельно взятого мальчишки.

Рейсвальд слишком хорошо понимал Мика. Он сам оказался ребенком вдали от родных, в чужом королевстве на правах заложника. Выживал как мог, пока не стал одним из тех, кого уважают и опасаются. Клеймо чужака, видимо, въелось в кровь, ведь даже вернувшись в Айнур, он вечно чувствовал себя перекасти-полем, колючкой без корней, гонимой ветром по неведомому пути.

Если бы в Сарнире хоть одна живая душа взяла под крыло угловатого подростка тринадцати лет, как осмелилась Эвитерра протянуть руку помощи Мику... За один этот поступок ведьмой невозможно не восхищаться.

Рейсвальд не мог понять, чем он обидел временную госпожу, но все отчетливей понимал — сделает все возможное, чтобы такого не повторилось.

С этими мыслями он въехал в деревню, находившуюся под покровительством герцога Савьёля, отца Катрин.

Покосившиеся домишки с кривыми плетнями. Исхудавшие животные, пасущиеся на скудных пастбищах. Обнищавшие и озлобленные, плохо одетые люди.

Извозчика ведьмы знали и встретили с воодушевлением. Принялись выпрашивать новости из замка, пытаться выпросить новости о родных, живущих у ведьмы, но тот отвечал:

— Госпожа чесать языком не велела, и вы помалкивайте, если шкура дорога!

И они с почтением перешептывались, толклись у телеги, словно в ожидании. С кряхтением извозчик обернулся к Мику, тот достал холщовый мешок и принялся раздавать плотно спеленатые веревкой полотняные свертки, помеченные красной краской.

Получавшие на руки посылку вспыхивали радостью и спешили ретироваться. Никто не развернул сверток на месте, хотя Рейсвальд не отказался бы поглядеть, что передают из замка в его земли.

Деревенский староста, приметив Рейсвальда, почтительно поклонился,

за ним рухнули оземь остальные в низком поклоне. Зашептались:

— Сильна! Ведьма самого короля с поручениями посылает!

Староста показал Рейсвальду следовать за ним, а король в свою очередь сделал знак Мику. За содержимое телеги король не опасался, слишком силен был в деревенских сердцах трепет перед Эвитеррой. Ее слава расходилась рябью по озеру.

В остальном встреча прошла отвратительно. Рейсвальд гордился тем, что за первые годы правления мудрыми и тяжкими решениями смог наполнить казну, и даже издал приказ снизить налоги, дабы простым крестьянам легче дышалось. Каков смысл подобного распоряжения, если герцог Савьель воспользовался поблажкой, чтобы положить разницу в свой карман, да еще и прибавил оброк сверху, оставив людей перебиваться холодной зимой как знают?

Эвитерре не с кем вести торговлю, потому что у местных отобрали все, имевшее мало-мальскую ценность. Крестьянам нечего предложить за тыквы и желтые початки курсмета, им бы самим прокормиться.

В замке баронет Верниест говорил о беженцах, стремящихся в замок ведьмы. Рейсвальд в простоте душевной решил, что речь идет в основном о подданных Сарнира, но теперь он видел, что в землях Савьель творится неладное. В крови закипал гнев на отца невесты, скрывшего положение дел от глаз монарха, а ведь Рейсвальд расспрашивал о снижении налогов и получил ложные сведения об увеличении благосостояния крестьян.

Ложные. Сведения.

Будь это кто угодно из аристократов, король бы не задумывался о возмездии, но с будущим тестем следовало быть осторожнее. Придется начать кропотливую и долгую работу по разработке новых ограничений на дополнительное налогообложение, которые наверняка встретят изрядное противление со стороны знати. Но Рейсвальд своего добьется, так было всегда, и Савьель еще пожалеет о лжи.

Эвитерра так и не объявилась в деревне. Король все не мог выбросить из головы утреннюю размолвку с ведьмой. Ее отсутствие зудело в подсознании тревожным звоном комариных крыльев. Хоть бы дала знать, что жива и здорова, нельзя же пропадать, ничего не сообщив! С ней же может что угодно случиться, она доверчива, как слепой котенок. Пусть Эвитерра могущественная колдунья, но ведь, если верить сказаниям, и на колдунов находили управу.

Извозчик, привыкший к службе у ведьмы, невозмутимо прокомментировал, что подобное бывало и раньше, следует спокойно возвращаться домой:

— Госпожа вольна делать что вздумается, а вот нам стоит успеть до вечерней трапезы. Темнейшая крепко наказала дома ужинать, да и я порядком заскучал по стряпне Массиро. Не тот возраст, чтобы всухомятку хлеб хомячить...

В замок Рейсвальд возвращался в раздраженном настроении. Домочадцы сновали по своим делам, готовили тронный зал к трапезе, а король места себе найти не мог от беспокойства.

Эвитерра появилась ровно к ужину. Вернее, в зал вошла высокая стройная блондинка в лиловом платье. Ей учтиво кланялись горничные, спокойно восприняв перемену внешности госпожи.

Обновленная ведьма носила длинную косу до пояса, глаза имела голубые, широкие, черты лица больше напоминали девчонку, проявлявшуюся во время сна, чем роковую красавицу, коей выглядела до этого. Блондинкой ведьма была хороша! Впрочем, Рейсвальд поймал себя на том, что начал узнавать ее по особой походке и манере держать себя. Эвитерра двигалась резко, неуклюже, в ней чувствовалась порывистость открытого человека.

Рейсвальда терзало смутное подозрение, что ведьма сменила личину из-за непонятной размолвки в лесу. Король ожидал, что Эвитерра подойдет спросить о торговой сделке, но она даже не посмотрела в его сторону. Отловила Мика, увела его в сторону от суеты, усадила над учебниками, позабыв о пленнике.

Лишь во время ужина соизволила обратиться к сидящему бок о бок королю:

— Прости, что не успела присоединиться к вам. Надеюсь, поездка прошла удачно?

— Госпожа, прошу позволения написать пару писем надежным людям, которые предложат достойный обмен товарами, — обтекаемо ответил Рейсвальд, не желая чернить имя герцога Савьёля.

— Всецело полагаюсь на вашу компетентность, — безразлично заключила ведьма и переключилась на беседу с собеседником слева.

Рейсвальду полагалось радоваться передышке от внимания госпожи, но в груди ворочалось глухое раздражение.

После ужина он остался в общем зале, и так получилось, что влился в общий круг танцев. Молодые горничные норовили подхватить короля под локти, втянуть в хоровод под звуки дудочки. Стражники соревновались в искусстве пляса на руках, возникшем на юге Айнура. Король даже удивился, когда его вывели из общего круга и попросили отправиться в покои госпожи.

Как он мог забыть? Массаж...

ГЛАВА 13

Не желайте недостижимого

Еле слышимое потрескивание дров в камине, неяркий язычок пламени танцует вокруг фитилей в толстых свечах. Сладкий запах ванили наполняет комнату. Прекрасная дева перед зеркалом, с водопадом золотых волос, ниспадающим до белого мрамора пола.

Эвитерра протягивает Рейсвальду массивные стальные ножницы.

— Приступай.

Кошунство стричь подобное богатство. Отстранив ножницы, король, помедлив, тянется к гребню, пропускает гладкие пряди сквозь пальцы. Нежная шея белеет под кромкой воротника. Волосы послушны, с готовностью струятся сквозь зубья гребня. Рейсвальд осторожно перебирает их, стараясь не коснуться горячей кожи спины.

Пришло время ножниц. Щелчки лезвий — и пряди свиваются русыми змеями на блестящем мраморе. Король помогает сложить их в банки, Эвитерра завинчивает крышки. В зеркале отражаются ее холодные как лед голубые глаза, следящие за игрой пламени в камине. На Рейсвальда она не смотрит.

Тряхнув полегчавшей головой, ведьма направляется в сторону наполненной паром и пахнущей хвоей купальни. Рейсвальд отходит к окну, пытаясь обрести душевный покой. Он вслушивается в плеск воды, отгоняя нахлынувшие видения происходящего за дверью. Ему жарко, он избавляется от камзола, остается в одной тонкой рубашке.

Скрип открывающейся двери, спальню наполняет запах чистого тела. Ведьма проходит к массажному столику, ничуть не стесняясь собственной наготы. Ложится на застеленную простыней лежанку, отворачиваясь от короля. Рейсвальд клянет себя за то, что вовремя не отвел глаз, за то, что увидел больше, чем полагалось.

Против воли делает шаг в сторону массажного столика. Нехотя зачерпывает из плошки с маслом и опускает руки на тонкую спину с гладкой кожей.

Скулы сводит от желания. Стиснув зубы, проводит ладонями от шеи до поясницы лежащей девушки, разогревая спину. Ведьма издает тихий вздох наслаждения. Большие пальцы устраиваются у основания плеч, легонько надавливают до золотистого сияния над кожей. До появления

жгущих маленьких искорок, шипящих в воздухе. Размять плечи — сначала легко, едва касаясь, затем с нажимом, вдавливая гибкое тело в лежанку. Пробежаться по позвоночнику, затанцевать пальцами над крестцом, стараясь не вслушиваться в стоны облегчения ведьмы.

Магические огоньки щекочут запястья, впитываются в кожу, простреливая импульсом, доходящим до самого сердца. Наполняют кровь нервным возбуждением, превращают подушечки пальцев в более чувствительные. И шелковистость мягкой, напоенной маслом кожи рождает наслаждение, граничащее с физической болью. В глазах темнеет, реальность теряет очертания, весь мир суживается до худенькой фигурки на белой простыне. Лоб покрывается испариной, крылья носа трепещут, впитывая сводящий с ума запах разгоряченного тела. Эвитерра стонет, уткнувшись носом в изгиб локтя.

Рейсвальд зачерпывает еще немного масла из плошки. Перемещается вниз, к ногам. Берет в ладони узкую стопу, мнет пятку, перебирает тонкие пальцы. В воздухе трескаются магические искры, шипят, оставляя запах озона. Шипит сквозь зубы и король, переходя к напряженным икрам. Тонкая лодыжка с выступающими косточками льнет к рукам. Рейсвальд разминает напряженные мышцы, становящиеся все мягче под его уверенными касаниями. Подбирается все ближе к нежной коже подле колена. Охватывает коленную чашечку, делясь теплом. Выдыхает, набираясь смелости, и ведет ладони выше к округлым бедрам. Закрывает глаза, чтобы избавиться от искушения, мнет вслепую податливую упругую плоть. Сомкнутые веки не помогают, безумство сильнее его.

— Стой, Рейсвальд, — глухо просит Эвитерра.

С превеликим трудом Рейсвальд отрывает руки от горячего тела, словно оголодавший от праздничного стола, и отступает на шаг, тяжело дыша, не открывая глаз.

Слышит, как она босыми ногами спрыгивает на холодный пол. Сердце бухает в груди, в ушах шумит, и между бедер все наливается свинцовой тяжестью. Пресвятой Отец, никогда в жизни никого он не желал с подобной мощью. До помешательства, до кровавой пелены перед глазами, до свернувшихся в узел внутренностей.

Рейсвальд всегда думал о себе как о человеке чести. Сейчас именно честь удерживала его от желания броситься, ухватить стальной хваткой, подмять под себя и присвоить. Утолить дикую жажду, и чтобы она стонала от наслаждения под ним, от его размашистых стремительных движений.

На ощупь король пробрался в купальню, запер за собою дверь. Парой взмахов достиг почти болезненной разрядки, не принесшей облегчения.

Долго сидел в остывающей воде, стараясь упорядочить дыхание. Не думать, не вспоминать. Наверное, произошедшее наслано колдовством, исходящим из тела ведьмы. Оно загло кровь, заставило забыть о той, ради которой он ныне отбывает долг. Что ж, Рейсвальд будет противостоять магии до последнего, сделает все, что в его силах, и больше.

Ведьма стояла подле окна, задумавшись, одетая в длинную бежевую рубашку до пят в мелкий фиолетовый цветочек. Увидев Рейсвальда, отошла к кровати, забралась под одеяло со своей стороны. Хмурый король, переодетый в ночную одежду, устроился на противоположном краю.

Эвитерра бесшумно лежала, устремив голубые глаза в потолок. Король старался не двигаться, хотя сон не шел. Ведьма встрепенулась, повернулась к Рейсвальду и сказала:

— Завтра с утра я должна удалиться на слет. Присмотри за Миком, пожалуйста. Пусть займется чем-нибудь полезным.

— Можете не беспокоиться, госпожа. Мик под моим надзором.

— Рейсвальд?

— Да, госпожа?

— Прости за мое поведение сегодня утром. Я не должна была... реагировать столь остро. Все в прошлом.

— Я не хотел причинять вам боль, Эвитерра.

— Спасибо... — прошептала она. — Простые слова, но они много значат для меня.

Кажется, заплакала. Беззвучно, только плечи затряслись. Старалась, чтобы он не услышал.

Рейсвальд поморщился, как от ноющей зубной боли, наблюдая за скрюченной фигуркой на другой стороне кровати, затем преодолел разделявшее их расстояние и бережно обнял одной рукой вздрагивающую ведьму. Она всхлипнула, затем крепче прижалась к нему, обвила рукой за талию, уткнулась мокрым носом в грудь.

— Пожалуйста, не плачьте, Эвитерра. Вы рвете мне сердце.

Ее запах. Нельзя подпускать близко эту девушку, душа ноет от ее присутствия, и одновременно пальцы самовольно сжимаются, притягивая плачущую ведьму.

Так получилось, что, дожидаясь, пока она успокоится и ровно задышит, король, одурманенный близостью, закрыл глаза и стремительно соскользнул в объятия глубокого уютного сна.

Просыпаться, уткнувшись в плечо сладко спящего Рейсвальда, наслаждаться теплом крепкого тела было настолько упоительно, что я

сжалась в комок, прикусив губу. Приказала себе не привыкать к близости любимого человека, слишком больно будет оторвать его от себя. Во второй раз.

Рейсвальд буквально вцепился в меня во сне. Прижался всем телом, горячо дышал над ухом. Потребовалось немало усилий, чтобы поднять тяжелые руки, подсунуть вместо себя подушку и выбраться на волю.

Волосы отросли за ночь до лопаток. Тело ныло от отсутствия нормального массажа, высвободившего бы остатки магии. И поясницу тянуло неприятной пустотой. Ведьмы и колдуны чувственны не из-за развратной натуры, приписываемой нам молвой. Разрядка позволяет выпустить магию, собирающуюся в глубинных мышцах таза. Ничего не поделаешь, когда Рейс рядом, я и подумать не могу о близости с кем-то другим. Как-нибудь справлюсь, ведь от общества короля я отказаться не в силах.

Подправила внешность, вновь став блондинкой с идеальным цветом лица, розовыми щеками и голубыми глазами. Илстин на слете обязательно прокомментирует мою ветреность. Сам он ходит в одном и том же образе уже сорок лет. Еще бы!

Великий волшебник Илстин хорош настолько, что перехватывает дыхание. Он идеален от макушки до кончиков начищенных до блеска туфель. Белые длинные волосы ниспадают до поясницы, лиловые глаза в обрамлении темных ресниц высокомерно не одобряют окружающих, аристократическое лицо застыло в выражении снисходительной властности. Высокий рост, широкие плечи, королевское достоинство — вот он, Илстин.

Мой удел — никогда не быть довольной собственной внешностью, манерами, жизненными решениями. Если человека однажды отвергли, то довольно сложно принять себя таким, как есть. Я пыталась отучиться от вечного стремления угодить, но некоторые комплексы пустили слишком глубокие корни.

Ладно, поеду блондинкой, и пусть Илстин упражняется в остроумии. Если не по этому поводу, то найдет другой. Учителю не угодить никогда — вот урок, извлеченный из семи лет обучения.

Лиловое платье со смелым вырезом, расшитое серебряными цветами, черная как ночь шаль с блестками алмазной крошки. Теперь вперед, на балкон, где уже дожидается зависшая в воздухе карета без лошадей. Открыла дверцу из драконьей кости, устроилась на алом сиденье из сафьяна.

И оглянулась с тоской на спящего Рейса. Он крепко прижимал

оставленную вместо меня подушку, мышцы на спине бугрились, перекатываясь под кожей. Он хмурился, сжав в полосу рот. Знать бы, что снится королю...

Несмотря на острое разочарование, я была рада, что мы закрыли страницу прошлого. Рейсвальд попросил прощения, а у меня словно спали заржавевшие оковы на ногах. Я отпустила застаревшую обиду на короля, бросившего девушку в придорожной таверне. Как смешно, иногда одной фразы достаточно, чтобы изменить ход жизни. Сколько душевных сил уходило раньше на бессильную злость!

Было правильным решением оставить Рейса рядом. Так или иначе, мелкими шагами, мы сократим темнеющую между нами пропасть. Может, по окончании срока мне удастся смотреть на его свадьбу с тихим умилением и благодарностью за когда-то яркие чувства.

В конце концов, я не желаю королю зла. Он свободен в выборе своей любви, мне всего лишь нужно смириться с тем, что его сердце принадлежит другой девушке.

Закрyla дверь, оставшись в тишине чуть гудевшей кареты. С едва слышным тарахтением та набрала высоту и направилась на запад, где высились Арлейские горы, на территорию Вильны, закрытого королевства, где колдунов считали божествами. Там над голубым озером Лейнд высились хрустальные стены дворца Матери-волшебницы. Его обслуживали безмолвные жрецы и жрицы, укрывающие лица полотном, тщательно отбираемые из числа вильнийцев еще с детства. Они служили во дворце ровно двадцать лет, затем отпускались с богатыми дарами.

Дворец охранялся воинами в белых хламидах, проходившими долгое обучение секретному боевому искусству. В мече каждого из них хранились волосы верховного волшебника, ныне Илстина, и клинки те придавали бойцу невиданную быстроту.

Столь многочисленные предосторожности в устройстве дворца требовались потому, что в нем доживали свой век выгоревшие маги. Их охраняли подобно хрупким хрустальным сосудам, потому что, потеряв волшебную силу, маги становились беззащитней новорожденного. Выгоревшие имели шанс прожить долгие годы... при условии, что не подцепят никакую заразу. Иммунная система словно исчезала вместе с магией, даже простой насморк мог стать смертельной угрозой.

Поэтому бывшие маги жили в просторных стенах спрятанного в горах убежища, под присмотром обученной прислуги с масками на лицах. Лишь волшебники имели право заходить на территорию дворца, потому что к нам никакая зараза не липла, выжигаемая магическими потоками.

Я такой жизни, по понятным причинам, не желала. Спасибо, проходили, больше не надо. Не буду сидеть в клетке, даже белокаменной, с видом на озеро и заснеженные горные пики. Маросдиль была посвящена в мои планы, поддерживала во всем, пусть и считала блажью желание избегать жизни в обители Матери-волшебницы. Первоначально я планировала после выгорания остаться в замке Вейнер на территории Айнура, но постепенно людей в нем все прибавлялось, и теперь стало ясно, что, если останусь, слуги занесут заразу и я долго не протяну. Следует поднакопить денег, оставить Сиенне крупную сумму на содержание замка и рвануть на юг. Оккупировать остров, построить лачугу в стиле Робинзона Крузо, запастись книгами. Или отыскать другое безлюдное местечко. Уверена, меня будут навещать друзья. Маро поклялась не оставлять меня, словам подруги можно доверять.

Увижу ее, обниму — и станет легче дышать. Вместе что-нибудь придумаем.

ГЛАВА 14

Не выдавайте потаенных желаний

Карета зависла в воздухе напротив резных ворот с отворенной для гостей кованой калиткой. Со стороны, наверное, странно смотрелась площадка, нависшая над крутой пропастью, ведущая в никуда, но для летающей кареты — вполне удобная пристань. На широком сверкающем балконе, выстланном алой ковровой дорожкой, меня не встречала ни единая живая душа. Этим путем прибывали лишь маги и их приближенные. Мы не нуждаемся в пышном приветствии.

Тяжелые двери с перламутровой ручкой вели в пустую крохотную комнатку, сияющую холодной белизной, словно операционная. Тут следовало встать ровно посередине, в границах начертанного алмазами круга, развести руки, подождать, пока хлопок защелкиваемого замка отгородит от внешнего мира, и дать магии медленно потечь по пальцам, подняться ласковой волной от щиколотки до макушки. Выжечь заразу, которая, возможно, прилипла к коже или одежде.

Магия струилась полноводным потоком, послушная, как пушистый щенок. Ластилась к рукам, кружила щекоткой вокруг колен, согревала золотым сиянием. Словно говорила — не бойся, маленькая, меня еще много, черпай, сколько вздумается.

И я верила. Сердцем, где всегда ощущала послушные магические потоки, так и просящиеся на волю. Наверное, поэтому у меня было рекордное количество артефактов — не могла устоять перед просьбой полноводной реки волшебства сбросить оковы берегов, вырваться на свободу и пошалить.

Магия добралась до потолка, поплескалась солнечным сиянием и выпиталась обратно. После этого двухстворчатые ворота отворились сами собой, приглашая внутрь охраняемого оплота.

Высокий потолок, расписанный под летнее небо, с воздушной ватой облаков, летящих под дуновением невидимого ветра. Стены-окна — поразительное творение магической мощи и человеческого искусства, причудливая мозаика прозрачных льдистых стекол, перетекающих в черный мрамор пола.

Ощущение полета и простора.

Если стены невидимы, можно представить, что клетки не существует.

На другом конце зала стояла, горделиво сложив руки у пояса, седовласая высокая женщина. Голубые глаза смотрели ласково, в уголках глаз собрались морщинки, на губах играла искренняя улыбка.

Я, подхватив юбки, пробежала по вспыхивающему искрами полу прямо в объятия бывшей колдуньи.

— Аривельда!

— Ты сегодня одна из первых, Эви. — Старческие руки с мягкой тонкой кожей погладили меня по щеке, по лицу наставницы скользнуло выражение грусти. — Я ждала тебя, надеясь попросить о маленькой услуге, наедине. Ты словно прочитала мои мысли, девочка, как и всегда.

— Что случилось? Постараюсь выполнить любую просьбу.

Аривельда занимала особое место в моем сердце — чуть ли не любимой бабушки. В дни, когда я обижалась на придирки учителя, наставница гладила по голове и приговаривала, что у меня все получится. Еженедельные визиты на слет, дарующие возможность передохнуть в обществе Аривельды, были светом в окошке. Конечно, я хотела стереть грусть с ее лица.

— Я беспокоюсь за сына. В последнее время Илстин сам не свой. Он будет стараться показать тебе обратное, но материнское сердце не обмануть — он потерял надежду на то, что ты образумишься и вернешься назад.

Я смутилась и тяжело вздохнула, прикусив губу. Не хотелось расстраивать ту, что всегда была добра ко мне, даже если она ошибалась. Уверена, переживания учителя не имеют ко мне ни малейшего отношения.

— Аривельда, мое влияние на Илстина ничтожно...

— Эви, — старая ведьма прижала мою ладонь к мягкой груди, — прошу одного: что бы он ни вытворял, будь с ним поласковой.

— Я не нуждаюсь в покровительстве, матушка, — произнес холодный голос за моей спиной.

Я обернулась. Илстин во всей красе — белые волосы струятся волнами за спиной, холодные лиловые глаза сверкают бешенством, губы сжаты в плотную полоску. Фиолетовый сюртук идеально сидит на мощной фигуре, руки в перчатках опираются на тонкую трость, которую Илстин использовал в качестве волшебной палочки, направляя магические потоки. Бриджи на длинных ногах и начищенные ботинки дополняли образ английского джентльмена девятнадцатого века.

Аривельда попала в мир Эйды из викторианской Англии и сына воспитала соответственно законам и традициям достойной семьи барона Этли. В нашем мире она погибла от пневмонии, тут же была одной из выдающихся колдуний, старшей волшебницей ковена. Время ее правления

считалось золотым веком магии, а выгорание Аривельды привело к катастрофе, последствия которой мы разгребаем до сих пор.

Мать-волшебница, до сих пор при виде Илстина у меня все холодеет внутри. Год назад я вырвалась из-под его власти, но когда учитель рядом — кажется, будто я всегда буду неразумным ребенком, нуждающимся в надзоре.

— Убедительно прошу вас, матушка, ни сейчас, ни впредь не вмешиваться в мои отношения с ученицей. Тем более не стоит просить Эвитерру проявлять ко мне чувства, которых она не испытывает.

Ожидаемо, Илстин, являющийся сплошным куском гранита, ни в какой ласке не нуждается. Было неудобно разочаровывать Аривельду, но матери всегда стремятся в детях разглядеть хорошее. Например, сердце — там, где его нет.

Присела в самом изящном реверансе, на который была способна. Одной рукой приподняла юбку, завела одну ступню за другую и чуть присела в поклоне. Илстин, следуя традиции матери, считал этикет Англии эталоном социального поведения. Наравне с обучением магии меня терзали умением правильно вести беседу, достойно вкушать пищу, музицировать на пианино. Самое смешное, что в Айнуре не считалось зазорным есть руками, но в глазах Илстина перепутать вилку для рыбы с мясной было ужасным преступлением. Для него окружающий мир погряз в диком Средневековье. И если меня, человека современного, обучали терпимости, то учитель без терзаний совести упивался снобизмом.

Поприветствовав меня идеальным, просто до зубовного скрежета изящным поклоном, Илстин предложил руку в белой перчатке, чуть поморщившись при виде моих голых пальцев.

Я просунула ладошку под его локоть, и мы направились в главный зал.

— Милая Эвитерра, — притворно мягким тоном сказал он, — вижу, вы вернулись к образу, который считали неудачным еще года три назад, напрочь проигнорировав мой совет выбрать личину и придерживаться ее.

Как в воду глядела! Илстин не удержался от выговора, неприятного, потому что он был, как всегда, прав. Не могла же я объяснить учителю, что с момента инициации стремилась выглядеть как девушка, перед которой Рейсвальд не мог бы устоять. И как унижительно осознавать, что ни в одном из обликов король Айнура меня, увы, не хотел.

— Не собираюсь указывать вам, как выглядеть. Я молчал, даже когда вы ежемесячно превращались из рыжей в блондинку, в шатенку, затем в брюнетку и обратно. Пережил даже фазу с голубыми волосами, не сказав ни слова. Поймите, Эвитерра, выбранный волшебником образ должен стать

второй натурой, чтобы по утрам возвращать себе личину, не тратя ни малейших усилий. Магии всего лишь требуется беспрепятственно течь по телу тонкой пленкой, пытаться с помощью нее выправить физические габариты. Иначе это непростительная трата потоков на личные нужды. — Илстин бросил мимолетный, но весьма выразительный взгляд на пышную грудь в вырезе моего платья.

— Мне казалось, обучение закончено и мы теперь на равных, — нервно ответила я, одергивая себя, приказывая не поддаваться влиянию учителя.

— Милая Эвитерра, — Илстин остановился, накрыл рукой мою ладонь на своем локте и чуть сжал, — вы ошибаетесь. Связь между ученицей и учителем не разрывается с окончанием учебы. Я всегда буду ответственен за ваше благосостояние так же, как Ннанди присматривает за Гету, Хасан за Хафсой, Сэм за Маросдилью. По поводу же отношения на равных — буду несказанно рад увидеть, что вы повзрослели и не совершаете больше импульсивных поступков. Как только случится это знаменательное событие, вы, несомненно, заслужите мое глубочайшее уважение.

Отвернувшись, чтобы учитель не увидел удушающую волну краски, залившую лицо. Два артефакта за последнюю неделю! Король в моем плену! Да Илстин в блин меня раскатает за несдержанность. Вновь запрет в своем замке и будет опекать, как нежный зеленый росток.

И Рейс...

Ироничный взгляд черных глаз, тяжелое дыхание, горячие руки на моей спине, разминающие тело до сладкой неги в груди... В наших отношениях что-то сдвинулось, его близость — словно живительная вода для иссушенной разлукой души, я не могу от него отказаться!

Если Илстин узнает о событиях последних дней, с королем можно попрощаться. Последний артефакт на горизонте, возможность выгорания — как только учитель заподозрит правду, он отправит Рейса в Бретель, и тот будет отбывать тридцать дней, служа мне издалека в объятиях Катрин...

От одной мысли об этом меня скрутила дикая боль.

Не отдам!

Главный зал поражал пышно цветущим летом, раскинувшимся в застекленной оранжерее, буйством красок посреди заснеженных пиков гор, окружающих дворец. По стенам вились лианы, цвели влажные яркие орхидеи, гроздьями выглядывая из-за широких мясистых листьев. Обросшие зеленым мхом деревья тянулись к теряющимся в высоте потолкам. Большекрылые бабочки порхали в воздухе — голубые, черные, пестрые, норотившие сесть на плечо каждому вошедшему. Одна из них —

красавица с черным глазом на алом крыле устроилась на отвороте камзола учителя, раскрывая и закрывая крылья. Илстин бережно протянул ей палец, позволил перебраться на него и отпустил.

Я спрятала улыбку — все же у ледяного волшебника свои слабости. Илстин любил животных. Его замок давно можно назвать больницей для покалеченного зверья — от слепого орла до трехлапой лисы. Учитель трогательно заботился о тех, кого был не в силах излечить. Не считая нашего общего секрета — волшебных существ, которых мы с Илстином выхаживали в тайне от ковена магов. Наверное, и я для него была раненой зверушкой, нуждающейся в опеке.

Среди великолепия красок болтали, смакуя вино, остальные двенадцать чародеев. Маро первая обернулась, заметила меня и закричала:

— Эви пришла!

— Маросдиль!

Бросилась в объятия, пахнущие финиками и солнцем, зарылась в черные кудри, прижалась к пышной груди подруги.

— Опять блондинка? — поморщилась она. Маро предпочитала восточную красоту. Потом наклонилась к уху и прошептала: — Как твой Ваня поживает? Вы уже того?

— У тебя только одно на уме, Маро!

— Признайся, и у тебя тоже! — рассмеялась подруга, и я густо покраснела. Что поделать, если великолепная ведьма была совершенно права?

Ннанди уже переминалась сзади с ноги на ногу, дожидаясь своей очереди.

Я обернулась и повисла на более высокой волшебнице, обняв ее особенно крепко.

— Ннанди! — сказала, одним словом выражая радость и поддержку.

Она расцвела, улыбнулась широченной белозубой улыбкой, прозвенела золотыми сережками в мочках.

— Приезжай к нам, Эви, подальше от противной зимы. У нас к волшебникам относятся как следует, отдохнешь хорошенько.

Ннанди и Гету считались божествами окружающих племен. Для них выстроили дворец и ежедневно приносили к алтарю лучшие фрукты и дичь. Сильнейшие воины считали за честь обучаться у Гету, девушки же стремились стать избранными Ннанди в прядильщицы.

Я навещала их год назад и уже через неделю почувствовала себя растекшейся негой амебой, у которой даже желаний не осталось, так как расторопные слуги усердно занимались их предугадыванием. Наверное,

нужно обладать железным характером, чтобы выдержать проверку подобным обожанием.

Улыбчивая Хафса с подведенными сурьмой глазами и алыми губами перехватила меня у Ннанди для приветствия.

— Почему мне кажется, что Маросдиль слышала новость, которой со мной еще не поделились? — ревниво спросила она.

Хафса прибыла из страны специй, ярких тканей и философов — Радистана. Даже став волшебницей, она не позабыла многочисленной семьи, тетя, дядьев, двоюродных братьев и сестер. Теперь они проживают вместе с Хафсой и Хасаном, вполне успешно сводя с ума последнего. Впрочем, он терпит ради Хафсы, потому что она — золото. Другой такой доброй и участливой ведьмы на всем свете не найдешь.

— Нечего рассказывать, — попыталась я увильнуть, но, увидев в черных выразительных глазах немой укор, сдалась. — После слета рассыплю зерна, обещаю.

Рассыпать зерна значило делиться сплетнями.

— Хе-э-эй! — прошептала Хафса, подмигивая. В большой семье не без подводных течений, Хафса плавала в них, как рыба в воде. Может, подскажет, кто из моего замка сливает информацию в столицу?

Чиаки, чинно сложив руки, терпеливо дожидалась своей очереди. Она единственная из ведьм и колдунов придерживалась образа, не отличавшегося красотой. На лбу и щеках Чиаки краснело акне, черты лица строгие, плечи, слишком широкие для женщины, выделялись под кимоно. Она не признавала ничего, кроме естественного. Стремление волшебников выглядеть лучше для нее было пустым тщеславием. Магии требуется течь по телу и создавать облик, отличный от истинного? Пусть создает образ обычного человека.

— Рада приветствовать тебя, Эвитерра.

Я поклонилась, не делая попытки обнять. Чиаки не выносила чужих прикосновений. Лишь однажды она обняла меня, неожиданно сжав до хруста, выбивая воздух из легких, когда один за другим произвела три артефакта, сорвавшись к бездне после смерти возлюбленного. К слову, кажется, тот чиновник даже не подозревал о существовании ведьмы, не говоря уж о столь пламенной любви.

С тех пор Чиаки оказывала мне особое расположение, держа остальных волшебников на расстоянии. Ее считали тронутой на голову, но своей и, уважая, не трогали.

За Чиаки подошли и остальные — Хасан, Чинг, Рианнис, Фуэртес, Сэм, Хиро и Эмили.

Илстин стоял поодаль, скрестив руки на груди, со скрытой улыбкой наблюдая за собравшейся вокруг меня толпой. Безмолвно поддерживал. Его уважали, но фамильярничать с Илстином никто не смел, даже великолепная Маро.

Под сень деревьев безмолвные служанки в белом, с закрытыми масками лицами вынесли длинный стол и стулья с изогнутыми спинками. На скатерть, украшенную яркими цветами, поставили корзинки с выпечкой, графины со свежавыжатым абрикосовым соком, блюдечки с желтым мягким маслом.

Аривельда заняла почетное место во главе стола. С другой стороны расположились Чи-Линг и другие выгоревшие старики. Волшебники заняли оставшиеся места. Илстин опустилсся справа от меня, слева уселась Маро, намереваясь подслушивать перепалку между мной и учителем.

В гуще листвы чирикали мелкие юркие птички, бабочки порхали между стеклянных бокалов. Воздух наполнился запахом влажного мха и цветов. От сидящего рядом Илстина веяло прохладой.

Он встал, и тут же замолкли разговоры, волшебники отложили столовые приборы, подняв взгляд на главу ковена.

— Братья и сестры, рад приветствовать вас в двенадцатый день месяца кисвель. Приятно видеть волшебников Эйды в здравии за одним столом.

Гету поднялся, подал руку Ннанди, та застенчиво повела плечом, встала вся покрасневшая, до неприличия счастливая.

— Илстин, позволь поделиться важной новостью, которую негоже откладывать. Скажу просто, как подобает: мы ждем ребенка.

Затихшие волшебники второй волной зашумели, поздравили, зашептались, и даже учитель крепко пожал руку Гету, обнял Ннанди. Я услышала, как он прошептал:

— Сделаю все возможное и невозможное, чтобы ты выносила здорового ребенка.

Ох, Илстин, если бы ты знал, сколько в твоём обещании зависит от меня... Становится дурно от мысли, что пленением Рейса я поставила под удар Ннанди и Гету. Выбросы магии не всегда зависят от эмоций, иногда колебания энергии внутри ядра провоцируют появление артефактов. Кто знает, способна была ли я остановиться? Смогу ли предотвратить такое в следующий раз?

Волшебники не всегда решаются на потомство — слишком тяжело наблюдать за старением и смертью родных детей, не имея возможности помочь. Относительно просто защитить магией рану, но предотвратить дряхление тела никто из нас не в силах. Аривельде повезло, ее сын —

волшебник, но это первый в истории случай.

Гету и Ннанди потеряли ребенка во время катастрофы семь лет назад. Сильные колебания магического фона привели к выкидышу. Они долго горевали, еще дольше набирались смелости и ждали подходящего момента.

Смогу ли я посмотреть в глаза друзьям, боль которых я наблюдала все это время, и признаться, что они в той же опасности, которую старались избежать?

Поможет ли им знание о том, что я на грани выгорания, раз никто не в силах ничего изменить?

ГЛАВА 15

Не поддавайтесь влечению лжи

Мысли роились в голове, оглушая звоном набата. Я прослушала начало речи Илстина, перешедшего к повестке дня:

— ...поселение великанов в горах Харди на севере Сарнира насчитывает восемьдесят особей. На данный момент агрессию не проявляли.

— Это дело времени, — встрял Фуэртес. — Они всегда рано или поздно нападают на окружающие человеческие селения, вырезая поголовно население от мала до велика.

— Зловредные существа голодают по магии, оседающей в человеческом теле. Все они людоеды по определению, — согласилась Рианнис.

Рианнис вторила любому предложению мужа, поэтому мы с ней так и не сблизились. Создавалось впечатление, что, говоря с ней, общаюсь с тенью резкого Фуэртеса, которого я немного боялась.

— Что вы предлагаете? — спокойно переспросил Илстин, чуть наклоняясь вперед. — Превентивную карательную экскурсию в деревню великанов?

Илстин и Фуэртес находились по разную сторону баррикад в вопросе зловредных существ. Была бы воля Илстина, он бы оградил магические порождения от человечества, а не наоборот.

«Драконы убивают людей только под угрозой смерти. Люди же стремятся избавиться от всего неизведанного, ведомые страхом, гордостью, любопытством, жестокостью, скукой. И кто из нас чудовища?»

Именно поэтому мои артефакты охранял самый настоящий зубастый щетинистый фрикс, закутанный в кожистые крылья, которого я подкармливала остатками магии. Зловредное существо никогда ранее не служило магам, первым его неожиданно легко приручил Илстин, за ним я, под бдительным надзором учителя. Мы не разглашали эту тайну, желая понаблюдать за поведением фрикса в неволе и уж потом преподнести факты скептикам вроде Фуэртеса.

— Я бы хотела узнать больше о вопросе, прежде чем вынести решение, — тихо сказала Чиаки, и я мысленно поаплодировала рассудительной ведьме.

Илстин подал знак безмолвным слугам. Те раздвинули графины и корзинки с хлебом, освободив пространство посредине стола. Магия золотыми нитями полилась с пальцев Илстина, рисуя карту на белой скатерти. Крестик на севере Сарнира посреди коричневых пиков гряды Харди увеличился в размере, превратился в заснеженное плато, усыпанное черными квадратиками крыш, словно их разглядывал орел с вышины полета. Скорей всего, учитель делился своими воспоминаниями о деревне великанов.

Мы увидели мощные фигуры с непропорционально длинными руками и ногами, выступающими лбами, мощными подбородками. Женщины отличались ростом помельче, более плотным строением тела с внушительными плечами. Рост великанов определить с высоты было затруднительно. Они сообща строили неуклюжие домишки, находили беличьи запасы в лесах, пасли стадо рогатых горных коз, с неожиданной ловкостью прыгая по ущельям. Посреди деревни мерцала трещина, сочившаяся золотом.

— Спонтанный магический источник? — с энтузиазмом спросил Чинг. Он, как и я, никогда прежде с подобным не сталкивался.

Илстин одобритительно кивнул и добавил:

— Источник древний, поэтому деревня столь многочисленна. Видимо, после катастрофы трещина расширилась, что и привело к ее обнаружению.

— Погодите, — попросила Чиаки, поморщив лоб. — Как долго, по вашим исчислениям, о великий Илстин, проживали они подле источника?

— Если считать по древности строений, не предназначенных для иных существ, кроме великанов, деревне около двухсот лет.

— Так-так-так... — Маро кокетливо повела плечом, послала Фуэртесу улыбку, приведшую в ярость Рианнис. — Двести лет великаны мирно жили в горах, но, по вашему мнению, прямо завтра соберутся и вырежут пол-Сарнира?

— Я готова голосовать, — подвела итоги Чиаки.

С преимуществом одиннадцать против пяти деревню решили оставить в покое, под условием еженедельного наблюдения. Так как ближайшими волшебницами оказались мы с Маро, обязанности разделились между нами двумя.

Подруга подмигнула, отмечая победу. Истребление зловредных магических существ входило в компетенцию волшебников, и эту часть работы я смело могла назвать наипротивнейшей. Магические существа выглядели сказочно прекрасными. Драконы, сильфы, цветочные эльфы, словно сошедшие с иллюстрированных страниц, поражали изяществом,

светились изнутри... Убивать их не доставляло никакого удовольствия, раненые, они кричали совсем по-человечески. Илстин старался избежать кровопролития, Фуэртес, наоборот, рвался в бой, считая себя священным защитником людей.

В конце слета один из слуг, сгибаясь под тяжестью, поднес обитый кожей том с драконом на обложке. Илстин открыл закладку посередине и будничным тоном произнес:

— Обычная формальность перед прощанием. Прошу перечислить количество артефактов на счету каждого.

У меня заledenели кончики пальцев, и в груди образовался тяжелый ком. Соврать волшебникам, моей приемной семье? Неприемлемо. Ни разу не опускалась до подобного, все мои проступки были на виду.

Чиаки спокойно назвала цифру восемь, Маро непринужденно сообщила о семи, Гету и Ннанди, переглянувшись, озвучили десять. У меня же сердце билось, выстукивая проклятое тринадцать, тринадцать, тринадцать.

Как только произнесу вслух, за столом воцарится тишина, все взгляды будут направлены на меня. Вопросы посыплются пшеном из рваного мешка: почему не позвала на помощь? Как сорвалась? Что теперь будет?

И взгляд Ннанди, полный ужаса, побелевшие костяшки Гету на спинке ее стула. Не перенесу... Не смогу... Проклятые тринадцать...

Илстин смотрел в книгу, невозмутимо записывал цифру за каждым из присутствующих. Очередь неумолимо приближалась ко мне. Как легко произнести «одиннадцать». Оставить ровной поверхность озера, избегая всплесков от упавшей камнем новости. Нести в одиночестве тяжесть собственного решения, утешаясь отсрочкой.

— Эвитерра? — приподняв бровь, спросил Илстин, я обернулась и поняла, что все смотрят на меня, дожидаясь ответа.

Я прокашлялась, посмотрела на учителя, прямо в глаза:

— Тринадцать.

В новой жизни я поклялась самой себе быть смелой и честной. Соврать легко, трудней встретить лицом к лицу последствия собственных ошибок.

Илстин не успел отвернуться, и вся палитра удивления, недоверия, ужаса развернулась на его лице, сметя ледяную маску. Все произошло, в точности повторяя предвиденный кошмар: шепот голосов, уничижительная реплика Фуэртеса:

— Два за неделю, Эвитерра бьет новый рекорд!

Не нашла в себе сил ответить колкостью, ведь он был прав. За меня

вступилась Хафса:

— Отважный Фуэртес забыл произошедший три года назад срыв, а мы молчим из уважения к его семье!

Удар ниже пояса. Три года назад прекрасная Рианнис соблазнилась песнями менестреля и сбежала от мужа, оставив того в ярости. Изменница вернулась, с тех пор вела себя тише воды ниже травы, но гнев Фуэртеса поразил нас. Тот произвел летальные артефакты войны, хранившиеся в подвале дворца Матери-волшебницы, подальше от жадных человеческих рук.

И все же Ннанди заплакала...

Увидев сгорбленную фигуру высокой волшебницы-богини, я бросилась к ней и застыла, боясь прикоснуться к подрагивающим плечам.

Илстин за спиной холодно произнес:

— Эвитерра, достаточно. Вы возвращаетесь на мое попечение.

— Нет!

— Не время для игр. Благосостояние ученицы — моя ответственность, я сделаю все возможное, чтобы предотвратить ваше выгорание.

Мать-волшебница, он зачитывает мой приговор!

Я закрыла глаза и представила Рейса, скачущего чуть впереди по осеннему лесу. Косые лучи солнца падают на черные кудри, короткий плащ развеивается за плечами, искрится эфес кинжала. Он оборачивается, смотрит на меня, такой близкий и одновременно далекий. Бесконечно любимый, недостижимый...

Знала, что разлука с королем станет платой за правду...

— Учитель, не смею противиться вашей воле, пусть нет ценнее вкуса ответственности за собственную судьбу.

— О великий Илстин, — неожиданно вступилась за меня Чиаки. — Все мы понимаем, что Эвитерре будет спокойней под вашей опекой, но смею предложить отсрочить переезд. Уверена, ее в замке ждут неотложные дела.

— Я присмотрю за ней завтра, — вызвалась Маро. — Мы уже договорились о визите, и я сделаю все возможное, чтобы она не волновалась, готовя замок к отсутствию хозяйки.

— Хватит! — Илстин решительно пресек решивших вступить за меня волшебниц. — Послезавтра я сам навещу Эвитерру и присмотрю, чтобы дела были окончены в срок.

— Ннанди, — тихо позвала я, — осталось всего восемь месяцев до срока, раньше я и год тянула без единого артефакта.

Отстранив руку Гету, чернокожая красавица встала, положила ладони

на мои плечи и серьезно сказала:

— Я не виню тебя, Эвитерра. Потоки магии всколыхнулись, все ощутили это, но ты первая приняла удар на себя, как и всегда. Илстин прав, тебе нужен рядом волшебник, лучше вернуться в его замок. Не грусти, дело не в необходимости присматривать за тобой, как за неразумным ребенком. Мы все знаем, что настанет следующий раз, и тогда Илстин перехватит удар. У Великого резерв больше, ты сможешь отступить и дать ему прогнуться под волну.

Ее душевная теплота, стремление утешить — все это было слишком благородно. Я чувствовала за собой неоспоримую вину. Любовь к Рейсу, решение пленить его — не что иное, как эгоизм, на фоне которого поддержка волшебников ощущалась незаслуженной.

Впрочем, решение принято. Я попрощаюсь с королем завтра, а уже послезавтра вернусь под стальное крыло Великого.

Обернулась полюбоваться на блеск торжества, наверняка мерцающий в глазах Илстина, но, к удивлению, наткнулась на полный тревоги взгляд широко распахнутых лиловых глаз. Белые волосы трепетали от невидимого ветра, в уголке рта выступила капля крови от прокушенных губ, пальцы в белых перчатках дрожали. Никогда не видела учителя настолько разбитым, раньше любые неприятности отскакивали от него, как горох об стену. И уж тем более сейчас, когда в ведущейся между нами игре он поставил шах и мат, я ожидала от Илстина чего угодно, но только не страха.

Рывком бросилась к нему, схватила за рукав, заглянула в глаза:

— Ну что вы так... Ил, ничего не изменилось, я все так же чувствую магические потоки и контролирую их. Учитель, пожалуйста...

Словно дверь захлопнулась. Илстин сморгнул, выпрямился, будто меч проглотил. Красивое лицо закаменело, приобрело привычное, чуть высокомерное выражение человека, у ног которого весь мир.

— Слет окончен.

Не заметив моей руки на своем предплечье, развернулся, стукнул тростью о пол, учтиво поклонился волшебникам и направился прочь. Фалды фрака развевались от стремительной походки, а когда учитель покинул зал, все вздрогнули.

В груди неприятно заглодело от страха. Если испугался он, мой стальной дракон, то все, конец. Мама, как же тебя не хватает!

От тягучего молчания и тяжелых взглядов, направленных в мою сторону, неприятно тянуло под ложечкой. Карета, где я останусь одна, показалась самым привлекательным местом на свете. Поспешила попрощаться, чтобы наконец оказаться в одиночестве и обдумать размеры

произошедшей катастрофы.

Не помню, как прошла через прозрачный зал, как остановилась в алькове, отпуская магию на свободу. Только на балконе, вдохнув морозный воздух, отпустила слезы и дала им свободно течь по щекам.

Меня терзало чувство утраты. Еженедельные слеты чаще всего были приятной встречей друзей. Мы обменивались новостями под сенью тропических деревьев, подставляя лица солнечным лучам. Я с нетерпением ждала каждой среды, желая увидеть друзей.

Нельзя отрицать очевидное — беззаботные дни остались в прошлом.

Белоснежная карета зависла в воздухе за краем балкона. Со вздохом облегчения я опустилась на мягкие подушки, откинулась и прижала ладони к лицу.

Перед глазами стоял Илстин, беловолосый кусок льда — и вдруг побледневший, испуганный, с капелькой крови в уголке рта. Ужасно, просто до боли в груди хотелось его утешить. Вид учителя мучил всю дорогу. Я просто не могла думать ни о чем другом, кроме его прокушенной губы.

«Эви, он образец рациональности. Уверена, Илстин уже давно сосредоточен на вычислениях о природе магических потоков, а о тебе и думать забыл».

Самовнушение не помогало. Я прикусила нижнюю губу, просто чтобы почувствовать то, что ощущал он.

«Уже послезавтра тебе не избавиться от его общества. Выкинь из головы хоть сейчас!» — посоветовал внутренний голос.

А это правда. У меня всего лишь день, чтобы попрощаться с Рейсвальдом, привести в порядок дела в замке... Затем учитель будет постоянно рядом. Ннанди права, его присутствие на случай катастрофы незаменимо, но как же не хочется даже думать о жизни под присмотром Илстина!

«Так ты жалеешь его или недолюбливаешь?»

Я хочу быть с Рейсвальдом, но мои желания, мечты, надежды потеряли всякую значимость. Не выгореть в ближайшие восемь месяцев — вот единственная задача.

ГЛАВА 16

Не бросайте прирученных

Спальня встретила легким трепетом занавесей от вечернего ветра. Просторная комната была пуста, мрамор пола блестел, мерцали золотые шнуры, поддерживающие балдахин.

Дома! Я наконец дома!

За последний год я построила свой уголок, где была счастлива. Маленький мирок, в котором могли найти пристанище слабые. Что будет со слугами после отъезда? Как скоро нагрянут жадные до наживы охотники?

Я рухнула на кровать и тихо разрыдалась.

В то же мгновение распахнулась входная дверь и вошел Рейсвальд, словно весь день ждавший у порога моего возвращения.

— Госпожа, вы в порядке?

Я села на постели, попыталась вытереть слезы и принять невозмутимый вид, но поняла, что подобная попытка будет выглядеть жалко. Поэтому ответила правду:

— Нет, Рейс. Меня ждут крупные неприятности, но не переживай, для тебя все обернется лучшим образом.

Он остановился на полпути, словно наткнувшись на невидимую стену.

— Эвитерра, это вы наложили заклятие, вынуждающее короля процветающей страны превратиться в покорного раба. Несмотря на это обстоятельство, смею заверить вас — моя тревога искренна.

Похоже, удалось обидеть за один день еще одного дорогого мне человека.

— Рейс, прости меня. Я не в себе, говорю глупости.

— Расскажите о том, что вас тревожит, Эвитерра. Я не последний человек в Эйде, и в моих силах сделать больше, чем вы думаете.

Он преодолел разделяющее нас расстояние и присел рядом. У меня привычно потянуло в груди и ужасно захотелось прикоснуться к широкому плечу, ощутить тепло кожи.

— Кажется, совсем скоро я потеряю магическую силу, — призналась ломким голосом.

Я не хотела плакать при нем, но иногда невозможно сдержать слезы. Бывает, крепишься изо всех сил, пытаешься выглядеть серьезно, но стоит сказать хоть одно слово... И вот я уже всхлипывала, как малолетняя

девчонка, а Рейс гладил меня по голове и шептал что-то успокаивающее.

— Не бойтесь, госпожа, я позабочусь о вас, даже если вы лишитесь колдовства. Поверьте, что бы ни случилось, обеспечу вашу безопасность. Клянусь, вы не будете ни в чем нуждаться.

Я не смогла сдержать горький смешок, потому что его слова очень напоминали те, что я слышала в охотничьем домике семь лет назад. Мы оба знаем, чего стоили те обещания.

— На твою клятву можно положиться?

Рейс закаменел, его пальцы сильно сжали мое плечо.

— Слово короля!

Обмани меня дважды, Рейс... Нет, на этот раз заботу о своей судьбе оставлю в собственных руках. Хотя признаться, ужасно хотелось поверить черным глазам, особенно когда они так жгуче смотрели прямо в душу. Какие у него губы, как хочется вновь ощутить их вкус, забыть обо всем на свете!

Увы, невидимая взгляду кукушка поет песню расставания, наши часы сочтены. Сейчас или никогда!

Закрyla глаза и чуть подняла лицо, раскрываясь. Рейс сидел так близко, что я чувствовала его дыхание на щеке, то, как гулко бьется сердце под бархатным синим камзолом. Рейс пах свежестью леса и мужским мускусом — его запах дурманил голову.

Украденные поцелуи самые сладкие.

Король в моем плену, но принадлежит не мне — его ждет невеста, прекраснейшая на свете Катрин, ради которой Рейсвальд пожертвовал свободой и управлением государства на месяц.

Ни слезы, ни страх, ни любовь не смогут оправдать украденный поцелуй. Он расцветет горечью на губах, очернит сердце, добавит меры вины к и так перетянутым вниз весам в сердце.

Я открыла глаза и увидела над собой мужчину, которого влекло ко мне с невероятной силой и который боролся с собственными чувствами. Похоже, я стану уважать Рейсвальда еще больше за то, что он меня не поцеловал.

По крайней мере, невесте он верен. Жаль, семь лет назад я не удостоилась подобной чести.

У дверей мелькнули рыжие вихры и скрылись. Позвала:

— Мик!

Бочком-бочком, делая вид, будто он тут совсем ни при чем, в комнату ввалилось мое пузатое недоразумение. Что-то подсказывало — Мик тоже расперживался, услышав рыдания ведьмы.

Я возьму его с собой. Что бы то ни было, но Мику я обещала стать его ответственным взрослым и обещание должна сдержать.

— Ну же, подойди ближе, я хочу слышать, как прошел день в мое отсутствие.

— Хорошо, — буркнул Мик, разглядывая кончики туфель.

— Ладно. Покажу, как следует отвечать на этот вопрос. Я провела день на еженедельном слете волшебников, где услышала не слишком хорошие новости. Теперь твоя очередь.

— Госпожа, его величество занимался со мной борьбой, и я наставил ему синяков! — с гордостью поднял голову Мик и ощерился щербатой улыбкой, бросив полный обожания взгляд в сторону Рейса.

Борьба была национальным спортом Айнура. Кочевые племена, осевшие и построившие города на территории, простирающейся от ледяных пустошей и до гор Харди, до сих пор решали многие конфликты старой доброй схваткой по правилам — борьбе в стиле айгур. Рейсвальд, выросший в Сарнире, умел мастерски управляться с мечом и стрелами, но в айгуре поначалу его укладывал на лопатки последний из вассалов. Рейсвальд тренировался от рассвета до заката, пытаясь в перерывах управиться с заговором и закрепить власть. Он не перестал истязать себя, пока не добился идеальной физической формы и навыков, необходимых для того, чтобы вовремя поставить подножку, воспользоваться потерей равновесия и уложить противника на спину. Легендарная схватка между Рейсвальдом и Винниртом, собиравшимся отобрать трон, вышла настолько зрелищной, что ее до сих пор воспевали на праздниках. Семь раз Рейсвальд был опрокинут на лопатки и семь раз вставал, пошатываясь на ногах. Пока Виннирт не сдался, сломленный отвагой и упрямством принца.

Не может быть, чтобы подросток одержал победу над Рейсвальдом. Король поддался, чтобы порадовать рыжее недоразумение. Я послала Рейсу теплую улыбку, полную гордости. Мой герой. Это ж надо, понять стремление отверженного ребенка хоть в чем-то чувствовать себя победителем.

Рейсвальд пожал плечами, мол, ничего особенного, и приложил палец к губам, чтобы я его не выдала. Внутри поднялась теплая волна нежности. Любить короля больше — невозможно, но я каждый раз убеждаюсь, что именно он достоин преданной и горячей любви. Пусть невзаимной.

— А зуб где потерял? — заинтересовалась зияющим пространством на верхней челюсти Мика.

Рейс поморщился и потер плечо.

— Оставил в плоти учителя, видимо, в награду за урок.

— Кусаться во время борьбы? — возмутилась я. — Мик, это строго запрещено!

— У нас говорят — любой способ хорош для победы, особенно тот, которого враг не ждет!

— У нас? — рассеянно спросила, рассматривая плечо Рейса и борясь с желанием попросить его показать шрам. — Где это? В ближайшей деревне, в Виркуно?

— Может, и там, — пожал плечами Мик и ретировался за дверь, прежде чем я сообразила схватить его за шкуру и расспросить дальше.

— Стой, Мик! — крикнула вслед удаляющимся шлепкам босых ног. — Я скоро уезжаю.

— Что? — Мальчишка обернулся, на побледневшем лице выделились веснушки, взгляд сразу стал потерянным, как весной, когда он только прибил к замку.

Надо же, храбрится, хамит, а на самом деле все-таки успел привязаться ко мне, раз весть об отъезде стерла маску взрослости с его лица. Я поспешила успокоить его:

— Беру тебя с собой, так и знай. К моему сожалению, собак придется оставить, ты хорошо подумай, кому можно доверить заботу о них.

— Как оставить? Ну хоть Белуху надо с собой взять, ее ж загрызут без меня.

Представила, как заявлюсь к Илстину с невоспитанным наглым мальчишкой, который одним видом вызовет головную боль у учителя, да еще приведу в придачу любимую гончую Мика, страдающую недержанием. Великий меня прикончит, он и так на грани опасного взрыва.

— Потом обсудим, у меня нет сил с тобою спорить.

— Если Белуха остается, с ней и я, понятно? Я своих не бросаю. А вы идите на все четыре стороны!

Кажется, я скоро вскиплю чайником. Вот невозможный ребенок, разве он не понимает, что речь идет не о пустой прихоти? Мне самой никуда ехать не хочется, но на одной чаше весов Ннанди с ее ребенком, на другой челядь, за которую я несу ответственность. На двух стульях не усидеть, выбор сделан. Остается предпринять все возможное, чтобы этот мирок устоял.

Я тешила себя надеждой, что когда-нибудь смогу построить на месте замка Вейнер город будущего, где деятели культуры напишут книги о правах человека, ученые принесут научный метод в массы, политики заговорят о демократии. Все это возможно лишь в сытом обществе, способном уделять часть времени на досуг, а не на выживание. Я мечтала

собрать вокруг себя талантливых людей и дать им возможность реализовать свои идеи.

Мои мечты испарились, оставив в душе ноющее чувство пустоты... На горизонте выгорание, жалкое подобие жизни в полной изоляции от людского общества. А Мик морочит голову, ставит ультиматумы... Собака, видите ли. Не выживет без него, надо же так...

К бездне, берем к Илстину чертову собаку. Потому что я глупая-преглупая ведьма, неспособная оставить несчастное животное.

Рейсвальд молча вышел из спальни, посмотрел вслед Мику и встал рядом, плечом к плечу.

— Вы уезжаете, госпожа? — поинтересовался безразлично.

Надо же, не спросил вслух о стоявшем в воздухе главном вопросе — о связывающем нас договоре, хотя уверена, в данный момент думал именно об этом. Почему-то не хотелось говорить о том, что скоро отпущу его на свободу, что он сможет вернуться к невесте сильно раньше отведенного срока. Словно только намек на это разрежет связывающие нас узы.

Весь мир ускользал от меня, хотелось удержать рядом короля, хоть на один-единственный день.

— Уезжаю, — коротко ответила, отводя взгляд. Встрепенулась: — Понадобится твоя помощь в подготовке замка к отсутствию хозяйки. Одна я не справлюсь, просто не подумаю обо всех мелочах.

— Можете рассчитывать на меня.

— И еще одна важная вещь. — Я резко повернулась к Рейсвальду. — Завтра приезжают гости...

Он стоял слишком близко, я чуть не уткнулась грудью в бок и на мгновение потеряла равновесие. Король подхватил меня, прижал к себе, я вцепилась в его предплечье. Инстинктивно обняла, пытаюсь спрятаться от мира в надежном кольце рук, как делала когда-то. Уткнулась носом в основание шеи Рейсвальда, где быстро-быстро билась жилка. Просунула ладони вдоль боков и сомкнула на талии. Мать-волшебница, как меня тянуло к нему в эту минуту. Я забыла обо всем на свете, хотела лишь, чтобы он вечно обнимал меня, чтобы не смел отталкивать.

Так мы и стояли прижатые друг к другу. Каждый боялся сделать движение, не желая спугнуть сладкое мгновение близости. Я наслаждалась теплом, идущим от кожи, мягкостью касавшихся щеки черных локонов, сильным телом, держащим меня в объятиях.

И тут он прошептал на ухо просьбу. Несмело, через силу, словно борясь с самим собой:

— Покажите мне свое настоящее лицо, Эвитерра. Лишь на мгновение,

прошу вас, мне очень нужно.

Я с удивлением вскинула лицо, увидела темные глаза со зрачками, занявшими всю радужку. Тени под глазами углубились, челюсти плотно сжались, между бровями Рейсвальда залегла глубокая складка.

Чем его не устраивает образ златовласой красавицы, над которым в свое время я долго и тщательно работала, чтобы она напоминала помесь Мэрилин Монро с Кирой Найтли. Чувственность и элегантность в одном флаконе. Зачем Рейсвальду отказываться любоваться этим, чтобы увидеть черты простой девочки Евы? Решил сбросить наваждение и прояснить раз и навсегда, что к ведьме никакого влечения испытывать не может?

Стало обидно. Вроде не должно трогать после стольких лет, но все равно каждый раз, как ржавым гвоздем по живому.

Расцепила руки, отступила на шаг. Личину не сняла, холодным голосом приказала:

— Приступай к взятым на себя обязательствам, Рейс. У нас в распоряжении сегодняшний вечер и завтрашнее утро для наведения порядка в замке. Затем пожалуют важные гости. Если пожелаешь, сможешь купить артефакт перед моим отъездом. По крайней мере, эмир Алиим прибывает именно для этого.

Еще в карете я решила, что не буду больше ворошить прошлое. Приезд Рейса запустил в действие колеса неведомого механизма, нарушившего хрупкое равновесие моей жизни. Хватит потрясений, следует сохранить хоть крохи прежних достижений. Продажа артефактов позволит именно это — купить временное благосостояние для жителей замка. Большого не нужно.

Короля, кажется, не задела внезапная холодность. Как будто только что я не отшила его, Рейсвальд сделал шаг вперед и оказался непозволительно близко.

— Эвитерра, для меня большая честь получить из ваших рук артефакт. Не откажусь от подобной возможности, о которой мечтает каждый правитель. И все же, позвольте прояснить беспокоящий меня вопрос. Вы уходили с солнечной улыбкой, вернулись с новостями о потере магической силы. Что произошло на неведомом слете?

Невольно поддаваясь исходившим от Рейса волнам мужской силы, я отступила на шаг и уклончиво ответила:

— Боюсь, это внутренние дела волшебников, не подлежащие разглашению.

Мы старались держать правду о выгорании в тайне, потому что узнай люди о существовании дворца, полного артефактов, ему долго не

простоять. Лучший способ спрятать тайну — покрыть ее слоем неопределенности. Простому народу было неведомо количество волшебников, природа появления артефактов, пределы наших возможностей и причины смерти. Даже Рейс, король Айнура, не знал о природе магии.

— Эвитерра, если вы не доверяете слову короля, обещающего хранить тайну, то прикажите молчать. Я не смогу ослушаться, связанный договором. Так или иначе, доверьтесь мне.

Рейс... Что ты творишь? Зачем рушишь робко возведенные преграды? Я ведь не могу противостоять просьбе человека, владеющего моим сердцем...

— Хорошо же. Правда состоит в том, что, увидев у порога короля Айнура, я поддалась капризу и не сумела совладать с даром. Пленение повелителя гордого королевства оказалось моей гибелью. За прихоть я заплачу собственной свободой, что, в общем-то, справедливо. А еще меня мучает совесть за судьбу домочадцев, невиновных в порывах желаний госпожи. Рейсвальд, что ты подумаешь обо мне, если скажу, что, вернись мы на три дня назад, совершила бы вновь ту же ошибку?

Я боялась повернуться, прочитать ответ в его глазах. В первый раз я почувствовала себя полностью обнаженной перед ним, еще больше, чем если бы последовала просьбе короля и вернула себе истинный облик.

— Иногда нашими поступками руководит судьба, — тихо ответил Рейсвальд, не делая попытки подойти. — Поначалу запрашиваемая вами цена показалась капризом женщины, опьяневшей от власти. Теперь же уверен — вами не руководит забота о собственных интересах. И о том, что вы слишком строги к себе, я тоже прекрасно осведомлен. У нашей встречи была причина. Может, Пресвятой Отец с Матерью-волшебницей спланировали злоключения, предупредив этим большее несчастье... Пути богов неисповедимы. Знаю одно, Эвитерра: я ни минуты не жалею о пленении, обернувшемся для меня благом. Не корите себя и вы.

ГЛАВА 17

Не повторяйте ошибок родителей

Ах, если бы Ги был тут! Я бы с легкостью передала бразды правления в его руки и ушла бы со спокойным сердцем, зная, что оставляю замок Вейнер в руках честного и благородного человека.

Кстати, здравая идея. Уверена, Ги не откажется от титула графа Вейнер, возродит утраченное достоинство угасшего рода и с благодарностью примет на себя хлопоты о домочадцах. Он сделает это, стоит лишь попросить. Неудобно использовать привязанность любящего сердца, но в данном случае выбора нет.

Да, Ги — дитя своего времени. Не стоит ждать от него великих социальных перемен. Слуги останутся на своем месте, лишатся вольностей, позволявших при правлении госпожи, зато обретут стабильность, возможную лишь под крылом наследственного аристократа.

Решено: замок отходит Ги. Теперь остается продумать, каким образом все это проверить. И тут без продажи артефактов не обойдешься.

Рейсвальд отправился доводить до обморока Сиенну подробной описью всего замкового имущества. На его взгляд, это была необходимая часть приготовлений.

— Первое, что делают слуги во время смены господ — тянут все, что плохо лежит. Не смотрите так, темнейшая, я знаю, что вы слишком доверительно относитесь к человеческой природе. Считайте, что делаете одолжение, охраняя с трудом добытую собственность. Заботитесь о чистой совести потенциальных воров.

Король был прав: чем строже поведу себя в ближайшие пару дней, тем меньше будет паники, связанной с исчезновением ведьмы. Люди должны знать свои права и обязанности, видеть точный план действий и не плавать в неведении. Неопределенность порождает страх.

Я отправилась на поля убедиться, что урожай собирают перед зимой должным образом. Усатому Майкилу порядочно влетело. Я нервничала и слишком тряслась над незначительными деталями. Обнаружила щель в амбаре, ухабистую дорогу, которой никто не озаботился придать приличный вид, теперь в сарае валялась телега со сломанной осью. Майкил клялся, что починит все в срок, но меня бесило, что не смогу проследить за работой. Недовольство так и искрило, рабочие все ниже кланялись, клянясь

все устроить лучшим образом. Кажется, все вздохнули с облегчением, когда настала пора общего ужина.

Начищенный зал сверкал чистотой, благоухали сосновые ветви на стенах, цветных лент прибавилось. Зал перестал напоминать внушительный серый монолит, он приоделся в мишуру, словно готовился к детскому утреннику. В камине весело трещало огромное полено, перемигиваясь отблесками с сиянием свечей в канделябрах. Вокруг длинных столов смеялись и болтали мои люди, уставшие после длинного дня, готовые сытно есть, слушать музыку и танцевать.

В стекла барабанила внезапно налетевшая буря, отчего теплое пространство зала, налитое желтым светом и шумом голосов, казалось еще уютнее.

Сиенна отчиталась о проделанной работе, восторженно рассказывая о железной руке его величества, одного обхода которого хватило, чтобы обитатели замка вытянулись по струнке. Рейсвальд одним взглядом добился большего, чем я за месяц. В кабинете экономки перед ужином заперли наполненную убористым почерком тетрадь с перечнем ценного имущества.

— Госпожа, вы помните? — Сиенна ухватила меня за рукав и преданно заглянула в глаза. — Куда вы, туда и я.

Похоже, новость о моем отъезде не утаишь. Сиенна обо всем догадалась, вскоре стоит официально объявить и остальным.

Ах, как мне не хотелось расстраивать преданную экономку, старающуюся изо всех сил угодить. Мы вместе подняли этот чудесный мирок из руин.

— Ты сможешь распоряжаться замком, пока не найду достойного правителя. Мне нужно оставить Вейнер в руках того, кому я смогу доверять.

— Мик сказал, вы обещали забрать его. А как же я?

Вот кто рассказал Сиенне о новости. Беру мальчишку, беру собаку, естественно, экономка забеспокоилась о том, что ее забыли. Пришлось воспользоваться козырем, чтобы раз и навсегда заставить Сиенну отказаться от попытки последовать за мной.

— Я переезжаю к учителю, к великому Илстину. Уверена, он будет не против твоего присутствия...

— Ох нет, темнейшая, я уж лучше буду тут присматривать за замком в ваше отсутствие. Порядок держать, хозяйство вести. Вы уж простите, но учитель ваш слишком грозен для меня. Боюсь, в мышку превратит за любой проступок, уж я о нем столько наслушалась.

— Не все слухи правдивы, Сиенна. Некоторые Илстин придумывает специально, чтобы отпугнуть посетителей.

— Я уж лучше поостерегусь, госпожа. Береженого Пресвятой Отец бережет.

Рейсвальд подошел, нахмурившись, прослушал конец разговора, но ничего не сказал. Сел на свое место по правую руку от трона, на обычный резной стул, но с королевским достоинством. Человеческий гомон разом утих, только слышалось завывание ветра за стенами зала да барабанная дрожь капель дождя. Поднялись руки с чашами — выпить за нашу честь. Как будто мы женатая чета, хозяйева замка.

Я опустила глаза, впитывая тепло момента, чтобы оно грело меня долгие годы. Осмелела настолько, что взяла руку Рейсвальда в свою, скрытно, под скатертью. Он не воспротивился, так и ел, одной рукой зачерпывая суп, другой чуть поглаживая мои пальцы. Жестом на самой грани между дружеским и любовным.

И я тоже была на грани — между счастьем и отчаянием. Кто когда-нибудь переживал подобный момент на краю пропасти, поймет, отчего вкус вина казался особенно пьянящим, переливы дудочки в устах Лейли затрагивали тайные глубины души. И близость Рейса, его красивый профиль, сильная рука рядом, держащая на поверхности пучины...

Голова кружилась, желтый, зеленый, красный цвет ленточек казался особенно ярким. Сердце сжималось в такт танца. Словно заразившись каплей безумия, люди с особым задором выделяли коленца, кружились в хороводе. Громко звали в гости зиму: считалось, что, если красиво пригласить, суровая владычица снега смиростивится и не будет посылать стылую метель.

— Желаете удалиться? — тихо спросил Рейс.

Я закусила губу в преддверии предстоящего массажа. О да! Еще как желаю.

С сожалением вытащила руку из его горячей сухой ладони. Мы встали и покинули зал. Краем уха я слышала, как накал веселья повысился с нашим уходом. Будто родители вечеринку покинули, в самом деле.

Я решила не думать о будущем, наслаждаться моментом. Сегодня и завтра замок принадлежит мне, Рейс в моем распоряжении, а вкус конфеты, которую вот-вот выхватят изо рта, особенно сладок.

В купальню я зашла первая, повернувшись, поманила за собой короля. Он поначалу застыл, но, видимо, привычка доверять моим решениям пересилила. В полной пара и пены купальне наши тела еле угадывались, больше по плеску воды, чем по виду. Не собиралась посягать на близость

Рейса, просто хотела быть рядом, не оставлять его ни на минуту по ту сторону запертой двери.

Улеглась в остро пахнущую лимоном и лесом воду, погрузилась в пену так, что только вершинки грудей угадывались над поверхностью. Откинула назад голову, давая волосам свободно стелиться в ширине бассейна. И поймала на себе тяжелый взгляд короля, безотрывно смотревшего на округлые холмики, то появляющиеся, то скрывающиеся под водой. Рейс тяжело дышал, литые мышцы груди вздымались, широкие плечи тренированного бойца были напряжены.

Ладно, чтобы не вводить в искушение, повернулась на живот, подплыла к краю бассейна, положила локти на нагретые сосновые доски и уткнулась носом в предплечье.

Остро чувствовалось течение от резких движений Рейса позади. Он плескал воду в лицо и шумно отфыркивался. Чуть прикусила запястье, чтобы не дать себе повернуться, насладиться чудесным видом обнаженного тела любимого мужчины.

Вышла из бассейна, накинула халат, отжала отросшие за день длинные светлые волосы, липнущие к ногам. Проследовала к трюмо, где горничные расставили в ряд стеклянные флаконы. Услышала сзади тихие шаги босых ног: король вслед за мной покинул купальню. Поймала в большом зеркале его задумчивый и восхищенный взгляд на мое отражение.

Рейс научился мастерски управляться с ножницами. Отрезанные пряди свивались русыми кольцами на мраморных плитках, затем занимали место в стеклянных банках.

— Рейс, — я поймала его руку, замершую подле затылка, — спасибо, я бы не справилась без тебя сегодня.

— В радость быть вам полезным, госпожа. — Он нахмурился и спросил: — Сколько... Сколько осталось дней до вашего отъезда к великому чародею Илстину?

Разговор с Сиенной не укрылся от острого слуха короля. А я со всей ясностью поняла, что буду держаться за Рейса до последнего.

— Два дня, может, три, если получится выторговать.

Резко встала, откинула халатик и легла на массажный столик. Выдохнула, прикрыла глаза, стараясь скрыть, как трепетно предвкушаю прикосновения Рейсвальда. До дрожи желаю его близости, да и трехдневное воздержание сказывается, не говоря уж о недавнем купании в обществе обнаженного мужчины. Последние крохи самообладания уходили на то, чтобы не обернуться, не броситься ему на шею, зацеловать до безумия, не давая опомниться и запротестовать. А еще лучше привязать к

кровати, закрыть глаза шарфом и дать себе полностью оторваться напоследок. Всю ночь пить поцелуи, отдаваться жаркому безумию, слизывать, изгибаясь, капельки пота с груди. А потом отпустить ошалевшего от близости, полностью опустошенного, чтобы позже вспоминать о горячем нраве ведьмы...

Руки Рейса пробежались по шее, исчезли на мгновение, чтобы зачерпнуть нагретого масла, и вернулись к плечам, разминая мышцы. Я вся горела, тело стало болезненно чувствительным, магия так и искрила, накопившись за три дня. Ладони мяли и массировали спину, исторгая протяжные полные наслаждения стоны. Было стыдно, я кусала губы, приказывала себе молчать, но словно похотливый демон вселился в меня, и под прикосновениями Рейса я вся извивалась, постанывая.

Золотое сияние наполняло комнату, шипело бенгальскими огнями. Рейс весь вспотел, низко нагибаясь надо мной, его волосы мазнули по чувствительным лопаткам прохладной волной, и я вскрикнула, невольно достигнув пика наслаждения.

Мать-волшебница, он ведь нигде меня, кроме спины не трогал. Это неправильно и некрасиво, ведь наслаждение должно быть по обоюдному согласию. А так... Словно я вырвала против воли у Рейсвальда чертову разрядку.

— Стой! — Я потянулась за халатом, села на массажном столике вся пунцовая.

Рейс резко отвернулся и скрылся в купальне. Не знала, понял ли он, что произошло? По какой причине сбежал?

Танец на грани щекочет нервы, и весьма приятно, но переходить невидимую черту я была не намерена. Измена — весьма некрасивое, жальщее слово. У Рейсвальда невеста, ради которой он мне служит. У наших отношений неприглядная подоплека делового контракта. Стонала бы я от первоклассного массажа, если бы его не связывало данное слово?

Когда король появился из купальни, я уже лежала в постели в целомудренной рубашке до пят с лиловыми цветочками, почесывая за ухом шоколадную тушку разомлевшей морской свинки. Рейс бесшумно забрался под одеяло со своей стороны.

— Забыла спросить, — внезапно решила поделиться давно свербевшим вопросом. — В замке завелся шпион, докладывающий в Бретель о происходящем между нами. У тебя намного больше опыта в дворцовых интригах, вот я и подумала, может, появится идея, как его обнаружить?

— Не беспокойтесь об этом, госпожа, — ответил Рейсвальд тусклым

голосом, не поворачиваясь в мою сторону. — Шпион в замке действительно есть, и, боюсь, его подослал не кто иной, как ваш покорный слуга.

— Рейс, ты? Но зачем?

Он устало повернулся на спину, разглядывая простирающийся над нами балдахин:

— На территории моего государства поселилась новая ведьма, заняв укрепление одного из вассалов. Я был обязан проследить за происходящим, на случай, если у вас появятся намерения открыть границу Сарниру.

— Кто он? — с возмущением повернулась к лежавшему в моей постели предателю.

— Один из стражников, Гейриль.

Проверенный, надежный Гейриль? Правда, его брат воровал мои подсвечники, но Гейрилю-то я доверяла! Как он мог за моей спиной доносить Рейсвальду?

Прикрыла глаза ладонями, закачалась взад-вперед:

— Какая же я наивная дуреха! Чем дальше заходит вся эта история, тем яснее вижу, что Илстин был прав от первого и до последнего слова!

— Эвитерра...

Нет, все-таки расплакалась. Пусть поздно, замок и всех его обитателей я покину через считанные дни, но как же больно осознавать, что доверием нагло пользовались.

Вздрагивающие плечи накрыла рука Рейсвальда. Он обнял меня, придвинулся близко, погладил по голове:

— Я не могу видеть, как вы плачете, Эвитерра.

Всхлипнула, громко шмыгнув носом. Король развернул меня к себе, большими пальцами стер дорожки слез с щек. Я замерла, завороченно любуясь правильными чертами его лица, заполненными нежностью глазами, искривленными переживанием губами.

— Гейриль давно перестал посылать донесения, отговорившись верностью вам. Другого шпиона заслать так и не удалось. Но теперь, когда правитель появился собственной персоной, он согласился передать аппарат связи в мое безраздельное пользование. Я несу ответственность за королевство, Эвитерра. Королю нельзя пропадать без вести, начнется борьба за престол, а ведь Айнур только отходит от прошлого мятежа. И уверен, что в эти самые минуты зреет новый заговор. Кто-то воспользовался охотой, чтобы подстрелить Катрин. Он не успокоится, пока не сживет меня с трона.

— Ты хочешь вернуться? — спросила и тут же поправилась, утвердительно проговорив: — Ты хочешь выполнять обязанности короля, а

не следовать причудам ведьмы.

— Я знал, на что иду, когда согласился спасти Катрин. Чего стоит моя власть, если построенное за семь лет распадется за месяц. У меня есть проверенные люди, так же, как у вас.

— Мои люди служат твоими шпионами, — утирая слезы, пробормотала, невольно прижимаясь ближе к груди Рейса.

— Скорей вы их переманиваете, и теперь я понимаю чем.

Мы замолчали. Король не спешил выпускать меня из объятий, успокоительно гладил по спине, пока дыхание не выровнялось. Все-таки хорошо, что Гейриль больше мой человек, чем Рейса. Приятно.

— Как он посылает сообщения?

— Я снабдил его магическим аппаратом связи, звукофоном, работающим от ведьминских волос, благо их тут достаточно.

— Звукофон вошел в список описываемого ценного имущества? — с иронией посмотрела в наглые глаза короля.

— Ну что вы, я благоразумно его не обнаружил. Надеялся использовать после возвращения в Бейриль, чтобы быть в курсе ваших дел, благо удалось найти нового шпиона, но вы разрушили тщательно продуманные планы отъездом к учителю. Может, погодите с ним?

— Ах, если бы я могла! — удрученно сказала я и тут же насторожилась. — Имя предавшего меня негодяя!

— Сиенна, — смеясь, признался Рейсвальд. — Вы сами совершили ошибку, оставив меня с ней наедине. В девушке слишком силен пиетет перед монархом, к тому же она искренне считает меня по уши влюбленным в вас. Думаю, экономка решила побыть сводницей. Кстати, она честно отказалась от гонорара.

— Рейс, ты моя погибель, — тяжело вздохнула я и прижалась щекой к твердой груди короля, последний раз, прежде чем решительно оттолкнуть.

— Спокойной ночи, Эвитерра. Рад, что высушил ваши слезы.

— Сколько я их еще пролью после нашей разлуки, — еле слышно прошептала в подушку.

Разбудил меня едва слышный перезвон серебряных колокольчиков. Я застонала, уткнувшись носом в плечо короля. Позывные хрустального шара настойчиво тренькали — кто-то из волшебников пытался выйти на связь. Даже догадывалась кто. Вчера я разбудила Ннанди, скорей всего, она пользуется возможностью вернуть одолжение.

Рейс потер глаза, чуть приподнялся на локтях и вопросительно посмотрел на меня.

Да, виновата, во сне я чуть не залезла на него и теперь с неохотой ретировалась. Подняла ногу с бедра, высвободила ладошку, устроившуюся под боком короля, тактично сделала вид, что не заметила встопорщившееся белье. Меня тянет к Рейсвальду во сне и наяву, если во время бодрствования я могу себя контролировать, то сонную... Простите.

Король по-особенному тепло улыбнулся, заправил локон за ухо, любясь.

— Эвитерра, смотрел бы на вас и смотрел...

Мать-волшебница, я ведь во сне личину теряю. Подбежала к зеркалу, вернула образ эффектной блондинки с волосами цвета спелой пшеницы, большими голубыми глазами и розовыми припухлыми губками.

Шар трезвонил все настойчивей, напоминая о нетерпеливой собеседнице с той стороны. Выкатила треногу на середину комнаты, плюхнулась напротив и приняла вызов.

К моему удивлению, из хрустальной глубины возникло вовсе не черное лицо Ннанди с высоким головным убором, увитым бусинами. На меня смотрела Аривельда, царственно сложившая руки на коленях.

— Прости, что тревожу тебя так рано, Эви. Ты ушла со слезами на глазах, и я не могла уснуть всю ночь, думая о тебе. Решила связаться, чтобы удостовериться в твоём самочувствии... Подожди, кто лежит в твоей постели? Не может быть, наверное, старческое зрение подводит! Пусть подойдет ближе...

Скоро присутствие Рейса в замке станет тайной Полишинеля. Маро в курсе, Ннанди знает, теперь и Аривельда начнет интересоваться деталями. Нет! Происходящее между нами никого не касается, это только моя боль. Слишком личное, как открытая рана. Не позволю утолять чужое любопытство за счет моей несчастливой любви. Пусть Аривельда всегда желала мне добра, но в мою спальню нет хода ни ей, ни кому-либо другому.

— Рейсвальд, — спокойным голосом попросила, не оборачиваясь, — не мог бы ты покинуть комнату?

— С удовольствием, — быстро отозвался он. Мельком глаза успела заметить, как Рейс накинуд длинную рубаху и исчез за дверью купальни, подальше от внимательного взгляда мудрых глаз.

— Дай посмотреть, Эви, прошу... Ты не понимаешь... — И Аривельда тихо пробормотала себе под нос: — Вживую он лучше, чем на портретах...

Мне слышалось?

— Я в порядке, не переживайте, пожалуйста. — Не хотелось обижать ту, что стала в этом мире чуть ли не родной бабушкой. — Понимаю, что Илстин прав и мне будет безопасней находиться рядом с учителем.

— Эви, Эви, солнышко, теперь все встало на свои места. — Аривельда будто не слушала сбивчивого объяснения. — Я годами ломала голову, что стоит между тобой и Илом, а теперь поняла, что неправильно ставила вопрос. Не что, а кто.

Она рассмеялась глухим старческим смехом, от которого мне стало неуютно. Аривельда давно лелеяла мечту о том, что мы с Илстином будем парой. Я старалась не обращать внимания на дикую идею. В свое время мама тоже пыталась свести меня с очкастым скрипачом из третьего подъезда, который, кажется, интересовался мальчиками. Пожилым женщинам позволительно быть сводницами.

Смешно представить, что учитель испытывает ко мне какие-то чувства, кроме вечного разочарования.

— Аривельда, вы ошибаетесь. Король скоро женится на фрейлине принцессы, Катрин Савьельской. Тут он по моей прихоти и совсем ненадолго.

Бывшая ведьма пристально всмотрелась в мое лицо, стараясь разглядеть на нем, говорю ли я правду. Никогда не лгала ей и не собиралась начинать.

— Милая девочка, мне больно видеть, что ты повторяешь мою судьбу.

— О чем вы говорите?

— Разве ты не знаешь, что я долгие годы любила отца Рейсвальда, короля Биртвайльда?

Нет, я не знала. От удивления прижала руку ко рту, пытаюсь осознать происшедшее. Илстин недолюбливал Рейсвальда. За шесть лет, проведенных под крылом учителя, нам выдалось побывать при дворе у многих правителей Эйды, но ни разу в Айнуре. Я считала, что Илстин подозревает о моих чувствах к другому. Была у учителя такая особенность: знать о моих потаенных надеждах и мечтаниях. Оказывается, дело не только во мне. Его мать была связана с бывшим правителем Айнура.

— Эви, когда Илстин привел тебя во дворец Матери-волшебницы, затравленный взгляд показался знакомым. Я не раз видела его, смотрясь в зеркало в первые годы на Эйде. Другие волшебники не понимают, что значит утратить целый мир, наполненный родными людьми, культурой, воспоминаниями. Я поклялась заботиться о тебе, девочка.

Я молча кивнула. Любовь Аривельды согревала меня в то время, когда я терпела крах за крахом на магической стезе, а сердце обливалось кровью от утраты Рейсвальда.

— Милая, не пожелаю тебе любви короля. Выбери Илстина и будь счастлива.

Она не понимает. Если бы я могла выбирать, освободилась бы давным-давно от безнадежной любви, приковавшей к Рейсвальду сильнее крепких цепей. От нее нет лекарства. Я планировала провести месяц в обществе Рейса, чтобы разочароваться? Ха, провальный план. Три дня вместе — и я влюбилась еще крепче. Потому что увидела вблизи, насколько он умен, великодушен, талантлив, красив, чудесен от кончиков волос и до самых пяток.

К тому же Илстину я тоже не нужна как возможная спутница. У него свой сонм поклонниц, среди которых немало принцесс, герцогинь, аристократок. Великий волшебник не отличался постоянством, в свое время я насмотрелась жестких схваток за его внимание. Мне льстила вера Аривельды в чувства со стороны ледяного принца, но в случае Илстина не стоит поддаваться иллюзиям.

— Отношения между королем и ведьмой обречены на провал, — с сожалением сказала бывшая колдунья.

— Я знаю это, — покачала головой в ответ на жесткую правду, сказанную Аривельдой.

— Ты ничего не знаешь, Эви. Я наблюдала со стороны, как мой избранник женится на другой, как радуется, беря на руки дочку, рожденную чужачкой. Человеческое сердце склонно загораться и остывать, мы же, волшебники, любим вечно.

— Правда вечно? — заинтересовалась я не слишком радужными перспективами будущего, окрашенного тоской по Рейсу.

— С выгоранием пройдет, — хмыкнула Аривельда.

Пожала плечами, выпрямилась, стараясь казаться бесстрастной. Ну вот, хоть какая-то польза от скорой потери волшебства.

— С моей стороны поздно метаться, бабушка, — от расстройства проговорила я, по-домашнему назвав бывшую верховную колдунью.

— Мне жаль тебя, девочка.

— Я могу только позавидовать вам, Аривельда. Вы poznали взаимность, — горько сказала, отводя глаза от хрустального шара.

Аривельда поправила волосы, собранные в идеальный седой пучок, дотронулась до камей на шее, прошла по белоснежному кружеву воротника.

— Хотела приободрить тебя, а вышло, что расстроила. Сказать правду, Эви, в глубине души я крепко сердилась за то, что ты столько лет мучила моего сына.

— Скорее, он меня, — поправила, вспомнив суровые методы обучения Илстина.

— Все же, — повторила Аривельда заученную песню, — будь с ним поласковей.

ГЛАВА 18

Не скрывайте слов любви

За завтраком Мик лип ко мне, заглядывал под локоть, показывал корявые надписи, сделанные в выданном ему блокноте. Делал все возможное, чтобы удостовериться: я не передумала и возьму его с собой, как обещала.

— Хорошо написал, видно, что старался. Вот эта буковка получилась особенно ровно, видишь? — подчеркнула менее кособокою.

— Я сметливый! — с энтузиазмом провозгласил Мик. — И очень полезный.

Остальные его ровесники в замке давно писали красивым почерком, сильно отличающимся от кривых записей Мика. Конечно, у них были любящие родители, которые заботились о том, чтобы отпрыски посещали занятия, ставшие блажью госпожи.

— Будь даже глупым и бесполезным, все равно никогда бы тебя не бросила. Потому что я твой ответственный взрослый.

Конечно, примерное настроение мальчика очень радовало, но я видела скрывающуюся под ним тревожность и не хотела, чтобы Мик переживал.

— Но я послушный, умный и красивый, — насупился он.

— Конечно, — соврала, не сморгнув. — Можно тебя причесать?

Мик поразмыслил и важно кивнул. Я воспользовалась моментом и позволила магии сотворить на голове несчастья аккуратную прическу. Не скрытое патлами лицо оказалось довольно миловидным, с россыпью веснушек, курносый носом, большими голубыми глазами в обрамлении светлых ресниц и неожиданно внушительным лбом.

Мик нашел зеркало, долго в него внимательно смотрел, затем решительным жестом растрепал проделанную мною работу:

— Не надо меня исправлять, хорошо, госпожа?

И столько тоски было в этой просьбе, что я подошла, крепко обняла Мика, поцеловала в растрепанную голову и сказала:

— Хорошего тебе дня. Мик, можно тебя о чем-то попросить?

— Я к вашим услугам, — важно сказал мальчишка.

— Не говори никому о нашем отъезде. Дай мне объявить об этом самой.

— Когда?

— Сегодня за ужином. Потерпишь?

— Обещаю, — серьезно ответил Мик.

Я оглядела опустевший после набега несчастья стол и спросила у Рейса:

— Успел что-то перехватить за завтраком?

— Обо мне не беспокойтесь, госпожа, военная выправка научила есть быстро. С боем, но удалось выхватить у обжоры пару кусочков хлеба. Вам ничего не досталось, я видел, поэтому сохранил стратегические запасы.

С заговорщической улыбкой король достал из-под стола блюдечко с румяными блинчиками, заботливо укрытыми топлеными сливками и вареньем.

— Как же я люблю тебя, Рейс! — обрадовалась завтраку.

Вчера за ужином от волнения почти ничего не ела, и теперь желудок отчетливо требовал топлива. Я с предвкушением потянулась к еде и вдруг поняла, что сказала. Покраснела, как девчонка, отвела взгляд, принялась мямлить оправдание.

— Я вовсе не это хотела сказать, а поблагодарить за отважно спасенную еду...

Как подобает истинному джентльмену, Рейс ничего не сказал. Промокнул лицо салфеткой, видимо, чтобы спрятать улыбку.

В принципе только слепой не заметит крышесносящей страсти с моей стороны. У меня все чаще мелькала мысль признаться Рейсу в чувствах, как советовала Маро. Я даже знала, когда лучше всего это сделать — вечером после массажа. На прощанье.

Молча закончила трапезу, стараясь не встречаться взглядом с королем. Он поднялся, учтиво поклонился и предложил мне руку.

Любовь пузырилась во мне пьянящим шампанским. Заветные слова, выпрыгнув однажды, стремились говоритьсь вновь и вновь.

«Рейс, я люблю, когда ты меня повсюду сопровождаешь. Обожаю твои волосы, не могу отвести взгляда от губ. А какое тело под идеально сидящим камзолом! Я целый день мечтаю, как бы затащить тебя в постель. Но не думай, что это зов плоти. Я люблю тебя, Рейс!»

Дрожащей рукой обхватила короля за локоть и дала проводить себя в тронный зал. Помещение освободили от столов, оставив украшения на стенах. Вернули на место постамент, постелили алый бархат. Я села на трон, Рейс устроился у моих ног. Утренние лучи золотили пол, стертый за много веков ногами танцующих, искрились на золотой шнуровке, украшающей плечи короля. Я не могла отвести от него взгляда. Несказанные слова бурлили в груди, вспыхивая магией на кончиках

пальцев.

«Люблю тебя, Рейс и, если Аривельда права, буду любить всегда. Мне нужно запомнить этот миг, когда солнце освещает твое умиротворенное лицо. Рейс, я птицей прилетала почти каждый день полюбоваться на тебя во дворце, но никогда ты не был счастлив так, как сегодня».

Магия подала сигнал, что границы пересек посторонний. Маро любила эффектные появления — на сей раз она избрала в виде транспорта широченный ковер-самолет. Темный квадратик расчеркнул небо за стрельчатым окном, затрепетал бахромой, опустился под носом у оторопевших стражников на каменный мост.

Для дорогих гостей была поднята решетка, распахнуты ворота. Дорогу, ведущую через двор к главному входу, укрепили досками, выстелили алой дорожкой.

Маро не соизволила сойти с мягкого транспорта. Прижалась к Садату и приказала, сопроводив слова обольстительной улыбкой, чтобы ее провели к хозяйке замка. Эдгар, сбитый с толку необычными посетителями, шел впереди, за ним в метре над землей парил ковер.

Ковер этот, вышитый геометрическими узорами, при взгляде на которые начинала побаливать голова, был одним из артефактов Маро. Обычно ведьмам не нужно использовать магические предметы, так как магии хватает с избытком на любые нужды. Ковер-самолет стал для Маро предметом искусства и гордости.

Она родом из кочевого племени набтитов из Вирлемских степей. Набтитские девочки с детства обучаются плетению корзин, ковров, перегородок между комнатами. Навык передается из поколения в поколение, а изделия ценятся в окружающих странах. Маросдиль считали безрукой, ее кособокие плетенки продавались задешево не разбирающимся в тонкостях иностранцам. Все изменилось, когда к племени прибился слепой путешественник родом из Эмиратов. Набтиты считали священным долгом присматривать за инвалидами, пришельцы из дальних стран не были редкостью в их краях. Девочкой Маро очень привязалась к слепцу. Они часами просиживали вместе, постигая азы математики.

Постепенно работа над волокнами окрашенных в разные краски жгутов, до кровавых мозолей на пальцах, стала казаться Маро потраченным впустую временем. За пределом иссушенных гор и широких степей лежал бескрайний мир.

Не понимаю, как безграмотная дикарка решилась на побег совершенно одна, но после смерти слепого наставника Маро ушла в неизвестность. Она умела охотиться, находить воду, обладала гибким аналитическим умом и

верила, что справится с любой неудачей. Ее влекли Эмираты, после рассказов наставника казавшиеся волшебным местом обитания джиннов, отважных юнцов и пестрых базаров.

Однако в одну из ночей ей не повезло наткнуться на заматеревшего пустынного тигра. Маро вышла из схватки основательно подранной. Тигр остался лежать в камнях безжизненной тушей. Рана на бедре и плече загноилась. Маро три дня упрямо шла, несмотря на боль и жар. Потом еще два дня металась в бреду на грани жизни и смерти, пока магия не потекла сквозь измученное тело, выжигая заразу. Там и нашел ее Чи-Линг, инициировал и взял под свое крыло ученицей.

Этот ковер, которым гордилась бы и мастерица из набтитов, занимал в сердце Маро особое место, являясь частичкой дома и линии судьбы, которая уже никогда не исполнится. Мастерица Маросдиль канула в Лету, на ее место пришла колдунья Маро.

Садат Алиим весь в белом, с черным обручем на лбу, удерживающим длинную, до пола, куфию, соскользнул на пол. Выразил уважение мне царственным кивком и подал руку Маро. Та тряхнула кучерявой гривой, зазвеневшей бубенчиками, спрятанными в волосах. Облако лилового газа, служившее лифом и шароварами, дрогнуло, когда великолепная ведьма изящно соскользнула с замершего в воздухе ковра.

— Мир вам, милости всевышнего и его благословения, — поздоровался Садат.

— Мир тебе, почтенный эмир. Добро пожаловать, дорогая подруга.

Я встала с трона, спустилась навстречу горячим объятиям Маро. Она засмеялась, закружила меня по залу.

— Маро, вчера виделись!

— Я стараюсь увериться, что ты не пала духом. — Подруга остановилась, не выпуская моих ладоней, оглянулась и прошептала: — А еще посплетничать хочется. Вижу, Ваня у твоих ног. Это он в артефактах виноват? Наказать его?

— Сама виновата, не нужно заглядываться на помолвленных мужчин.

— Мать-волшебница, Эви! Ты еще этим заморачиваешься? Поэтому магия и бушует. Дай мне шанс, не пожалеешь! Я лучшая на свете сообщница по соблазнению мужчин. Садат вон тоже сопротивлялся, клялся, что сживет меня с белу свету, и что? — Маро откинула непослушную прядь на спину с хитрой улыбкой. — Он был обречен с самого начала. Лучше скажи, призналась Ване?

— Почти. Не думаю, что он понял, у меня просто вырвалось слово «люблю» за завтраком.

— Тогда больше не буду беспокоиться по этому поводу. Судя по тому, какие он бросает сейчас на нас взгляды, ясно — пропал твой Ваня. Дело за малым. Скажи, чем тебе помочь перед приездом Илстина?

— Я хочу оставить мой дом в надежных руках. У эмира Алиима искусные воины, смогу ли я доверить ему защиту? Не воспользуется ли он возможностью, чтобы захватить замок?

— Садат держит слово, можешь не беспокоиться. Я за него отвечаю. Хватит секретничать, Эви, мальчики не выдерживают.

— Я? Да это ты увела меня!

Стихийная сила по имени Маро уже направилась к трону, где настороженно ждал Рейсвальд. Я подошла к брошенному Садату.

С эмиром Алиимом нас связывали дружеские отношения. Я весьма уважала молодого правителя, которому удалось объединить враждующие кланы, наладить торговые отношения с Сарниром и значительно укрепить территорию, прежде раздираемую междоусобицами.

Когда-то Садат Алиим был даже помолвлен с сестрой Рейса, Сильвиной, но молодой эмир сделал все, чтобы расторгнуть эту помолвку. С тех пор его отношения с Айнуром были несколько натянутыми.

Отличие Садата от его предшественников состояло в том, что он превосходно умел вести переговоры, идти на компромисс и совершенно не страдал от главного недостатка, присущего эмирам, — излишней гордости.

Где лестью, где подкупом, где угрозами он заложил основу будущей империи.

Север Эмиратов граничил с Сарниром и с узким перешейком Айнура там, где королевство Рейса отрезало южного соседа от доступа к Алурскому морю. Юг Эмиратов сух, горист и пустынен. Каждый клочок плодородной земли на счету. Переселившись с севера, Маро облюбовала один из цветущих оазисов прямо под носом эмира Алиима, начисто отрезав плодородные земли.

Садат кипятился, пытался выгнать ведьму то кнутом, то пряником. Маро не желала ни в какую искать новую резиденцию. Ей нравились и жаркое солнце Эмиратов, и влажная тень пальм.

Тогда Алиим направился ко мне с богатыми дарами и большой свитой. Три дня провел гостем в моем замке, утомляя цветистыми речами и не переходя к сути вопроса. Когда я чуть не позеленела от обилия чужаков, Садат весьма вежливо попросил совета, как справиться с упрямой ведьмой по имени Маросдиль.

Как только он заговорил прямо, мы и подружились. Я объяснила эмиру, что от ведьмы ему не избавиться, а вот гнев Маро может дорого

обойтись. Именно я посоветовала заслать к ней математиков с новыми наработками в области алгебры. Садат удивился, но в точности последовал совету. Пока они мирились, вспыхнула страсть, с тех пор эмир Алиим не отходил от Маро, его караваны спокойно шли через ведьмин оазис, и лишь Сарнир трепыхался в панике от стремительно крепнущего южного соседа.

Садат и в прошлый приезд желал купить у меня артефакт, но мы, ведьмы, не желаем отпускать магические предметы без крайней необходимости. Кажется, она настала.

— Солнечная Эвитерра, желаю выразить вам благодарность за бесценную мудрость. — Садат прижал руку к груди и поклонился.

— Рада видеть, что первый визит в замок принес желанные плоды, смею надеяться, что и нынешний окажется полезным.

С детьми пустыни нельзя заговаривать о делах. Их необходимо сперва накормить, потешить музыкой и танцами, осыпать подарками. У меня не было на это времени, поэтому я сразу намекнула на продажу артефактов, надеясь, что благодарный Алиим не слишком возмутится нарушением традиций.

Рейс, бесшумно приблизившийся за время беседы, вклинился в разговор, холодно произнеся:

— Мир вам, эмир. Вижу, вы завсегда в гостях у темнейшей.

— Что вы. — Садат развел руками. — Не смею злоупотреблять гостеприимством волшебницы.

— Напротив, эмир, — ответила согласно законам вежливости, послав недовольный взгляд Рейсу. Еще не хватало, чтобы Алиим обиделся. — Вы всегда желанный гость в моих владениях. А теперь позвольте пригласить вас на скудную трапезу и дать отдохнуть от трудного пути.

«Скудной трапезой» назывался ломящийся от деликатесов стол, над которым со вчерашнего вечера трудился Массиро. Тут и запеченная с сухофруктами и орехами баранина, и рыба в остром красном соусе, и салат из зелени с миндалем и вареной крупой, и мясо в кунжутном соусе, и бесчисленное количество блюд, любимых эмиром. Я очень старалась устроить обед попышней, чтобы гость почувствовал себя достаточно обласканным и желанным. Ждать три дня, как в прошлый раз, пока эмир созреет для дел, я была не намерена.

— Прошу вас, госпожа, утолите мое любопытство, — прошептал Рейс, когда Маро с Садатом прошли вперед. — Много ли правителей окружающих стран посетили замок перед моим появлением?

— Немало, — пытаюсь мысленно вспомнить точную цифру, рассеянно ответила. — Около двух десятков. Большинство приходят тайно, прости, не

имею права разглашать личные дела. Не беспокойся, Рейс, — поспешила заверить, разглядев напряжение в позе правителя Айнура. — Стараюсь не вмешиваться в политическую расстановку сил, как и остальные волшебники.

— Отчего же? Прекрасно помню случай, когда артефакт позволил королю вернуть трон, — с нажимом произнес Рейс.

— Колдуны стараются держать дистанцию, но все мы люди, и личные предпочтения играют немалую роль, — быстро прошептала я. — Например, я сделаю все возможное, чтобы защитить твои интересы, подобно Маро, поддерживающей Садата.

— Позвольте прояснить: подобной чести удостоиваются все гости темнейшества или избранные по особым признакам?

Рейс по непонятной причине начал закипать, а я все не могла понять, за что спине эмира Алиима достаются взгляды, полные жгучей неприязни.

— Не вынуждай меня говорить вслух то, о чем предпочитаю промолчать, — устало осаждала Рейса.

— Признайтесь, — с пристрастием, как на допросе, продолжил выпытывать король, — сказанное за утренней трапезой правда или оборот речи?

— Не могу поверить, что очевидное укрылось от зорких глаз правителя. В отличие от тебя, Рейс, мои чувства не утихли за годы в разлуке.

Король развернул меня за плечи властным жестом, наклонился, глядя прямо в глаза, пытаясь высмотреть нечто, неподвластное пониманию.

— Эви, о чем вы тут шепчетесь? — Маро ворвалась между нами, звеня бубенцами в волосах.

— О делах давно прошедших дней, — беззаботно, с ноткой горечи произнесла я. — Позволь предложить освежающего напитка из колотого льда, лимона и мяты.

— Не откажусь! — Маро взяла меня под руку, чуть ли не насильно увела из захвата Рейса, смотрящего на меня со смесью удивления и тоски.

Для нас с Рейсом еда не представляла особого интереса после завтрака, а вот гости отдали должное роскошному угощению. Садат обещал увести у меня Массиро, а я смеялась, что потребую взамен его легендарную кухарку Кудсию.

— Кудсия, — Садат поднял к потолку указательный палец, — владеет не чем иным, как кулинарным колдовством. Она стоит троих Массиро.

— Ему равных нет, — парировала я слова эмира, известного талантом торговаться. — Впрочем, если поступит предложение, от которого

невозможно отказаться, так и быть, отпущу дорогого моему сердцу Массиро.

Завтра я покину замок, а легендарный повар достоин служить при дворе эмира.

— За проведенное в замке темнейшей время я успел оценить искусство Массиро, и он уже выразил желание проследовать в Айнур, если госпожа не будет возражать, — веско, с ноткой превосходства сказал Рейс.

Садат в растерянности смотрел на меня. Мы с бешеной скоростью исполняли деловой словесный танец, который начинался с восхваления дома и его обитателей, вел к первой незначительной сделке и лишь потом переходил к главному предмету повестки дня. Рейс вмешался и сорвал планы, умыкнув повара.

— Мудрейшая волшебница, — мягко обратился ко мне эмир Алиим, — возлюбленная посвятила меня в обстоятельства, требующие вашего присутствия в другом месте и по куда более важным делам. Посему не смею вас задерживать и не настаиваю на соблюдении традиций. Если вам будет угодно, я готов к чести лицезреть волшебные предметы.

Маро, я тебя обожаю!

Заставить эмира отбросить заморочки и перейти к сути дела всего за какую-то пару часов... Она и вправду великолепная ведьма!

— С превеликим удовольствием, эмир Алиим! — с облегчением согласилась я и поймала на себе тяжелый взгляд Рейса.

Сегодня он сам не свой, даже не знаю, что вывело из равновесия обычно спокойного, чуть насмешливого короля!

ГЛАВА 19

Не выбирайте ложные дары

Узкая лестничная клетка западной башни. Обычно я пробиралась сюда одна, как минимум раз в неделю, подпитать спящего стража артефактов. Камень ступеней почти не стерся — башня не пользовалась популярностью у прежних хозяев замка. А мне полюбилась тихая комната наверху, откуда можно было хоть целый день любоваться на живописный лес, квадраты полей, легкую дымку над озером Мрай.

За последний год башню починили, застеклили пустые глазницы окон, постелили дощатый пол. На самом верхнем этаже вдоль стен стояли стеллажи с книгами, единственное удобное кресло было повернуто к окну, рядом расположился низкий столик, куда я любила ставить чайник с крепким чаем и тихонько попивать, читая историю Эйды. А еще в углу круглой комнаты, занимающей весь этаж, стоял насест, где, перевернувшись вниз головой, сложив кожистые крылья на груди, висел персональный монстр — фрикс.

«Фриксы активны по ночам, обладают зачатками разума, питаются человеческой плотью, предпочитают воинов. Обожают вкус адреналина в крови, поэтому основательно пугают жертву перед смертью. Свинообразный нос-пятак крайне чувствителен к запахам, когти способны пропороть сталь, прицельный взгляд поджигает. Люди перед фриксами бессильны, но и для волшебников взрослая откормленная особь весьма опасна».

Это отрывок из обязательной для изучения книги «Магические существа и способы их уничтожения», который я долго и упорно зубрила под руководством Илстина. Сам учитель открыл мне глаза на совсем другую сторону фриксов.

За год до моего появления глава ковена наткнулся на целое гнездовье крылатых монстров, нападающих ночами на ближайшие деревни. Справиться с хищниками собрались все четырнадцать колдунов. Три взрослые особи дрались долго, отчаянно, выпускали леденящие душу кличи, пикируя с неба стальными молниями. Был тяжело ранен Фуэртес, который больше всех любил водоворот схватки, его аромат кружил голову фриксам. Илстин, оставшийся последним осматривать гнездовье, обнаружил еще слепого писклявого птенца и, к собственному удивлению,

вместо того чтобы на месте его добить, взял домой.

Под крылом волшебника малыш рос как на дрожжах. Близость магии, фонившей от учителя, подавляла жажду человеческой плоти. Фрикс любил носиться за Илстином, зависать на люстрах под потолком в старинном особняке, проверяя крепления на прочность. Он понимал речь, любил, когда ему чесали пузико, мог выполнять сложные поручения. А еще оказалось, что фрикс идеально подходят на роль стражей артефактов. Они отлично распознавали своих и чужих, питались гудевшей в комнате хранения магией, впадали в спокойные периоды в долгую спячку, не требуя ни еды, ни воды.

В общем, когда фрикс Илстина отложил яйцо, я забрала вылупившееся лысое чудо. Учитель помог мне приучать его к людям, подавлять заложенную натурой агрессию. В этом был весь Илстин — с ледяным спокойствием он следил за тем, чтобы я без ошибки декламировала десять способов убить фриксов, а потом с нежностью гладил огромного клыкастого монстра в подвале и баюкал на руках монстра поменьше.

Меня поражала способность учителя совмещать в себе противоположности. На вопрос об этом Илстин обычно отвечал:

— Чтобы изменить сложившиеся веками догмы, необходимо изучить их изнутри и знать лучше противника.

Илстин собирал годами доказательства возможности мирного сосуществования магических существ и волшебников, чтобы предъявить скопом железные факты, способные переубедить даже Фуэртеса.

Я восхищалась смелостью и упорством учителя, а он следил за тем, чтобы я в совершенстве выучила историю.

Раньше Эйдой правили магические существа. Люди вели жалкое существование в качестве дичи. Изредка старались обрести хоть какую-то власть над собственной судьбой, пытаясь задобрить монстров кровавыми жертвоприношениями. Все изменилось с появлением двух первых волшебников — Пресвятого Отца и Матери-волшебницы. До сих пор во многих странах им поклоняются как божествам и помнят сделанное ими добро. Они сумели дать монстрам отпор, стали первыми победителями драконов. После успешной инициации новых волшебников основали ковен и посвятили его борьбе против магических существ. Постепенно число колдунов увеличилось до четырнадцати и на этой цифре застыло.

С появлением волшебников век монстров закончился — их оттеснили к горам, болотам, в недра морей, где не было природных источников магии. Без доступа к волшебству вымерли огромные волки-оборотни, змеи с человеческими головами, летучие птицы с телами львов. Освободившиеся

от вечного ужаса люди начали строить города и основывать государства.

Илстин планировал открыть новую главу истории, где волшебники будут не истреблять монстров, а мирно сосуществовать рядом с ними.

И я решила во всем помогать учителю в исполнении его мечты. Потому что мой персональный фрикс смешно нюхал пяточком воздух, когда я приближалась, обдавал горячим дыханием и старался получить как можно больше ласки. Потому что он понимал, когда я говорила: «Ты мой хороший мальчик».

Фрикс приносил мне свежие яблоки, передавал письма учителю и был самым преданным существом на свете. Я за него буду стоять до последней капли крови. Не дам ни Фуэртесу, ни кому-либо другому причинить Милахе вред.

Маро была в курсе наших планов с учителем, остальные пока — нет.

— Заходим осторожно, по одному, не делая резких движений. Протягиваете руку вперед, тыльной стороной вверх, и даете фриксу привыкнуть к запаху. Лишь дождавшись моего сигнала, следуете внутрь. Маро первая, с ней Милаха уже знаком.

— Обожаю пупсика, — зажмурилась подруга. — Он такой миленький.

— Чшш, Маро, пусть не расслабляются. Если фрикс нападет, не будет возможности вырвать правителей из железной хватки, получится неприятный политический инцидент. Лучше покажи, как следует себя вести.

Маро магией заставила бубенцы в волосах замолчать. Фриксы любят музыку, особенно протяжную мелодию флейты, но их раздражают резкие звуки.

Я взяла подругу за руку, осторожно отворила внушительную дверь, украшенную восьмиконечной звездой. Ни один вор не решится проникнуть в охраняемую фриksom сокровищницу. Будет истерзан на месте, благо от привычки есть людей я Милаху отучила.

Полумрак, присущий библиотекам, мягкий ковер на дощатом полу. На трех подготовленных мною постаментах сверкают под стеклянными колпаками три артефакта.

Висящий в углу фрикс принялся и недовольно хрюкнул.

— Тихо, Милаха, тут все свои.

Подвела Маро к красноглазому монстру, плавно сунула ладонь ведьмы под пяточок. Милаха раскрыл крылья, сорвался с насеста, сделал круг по комнате.

— А у кого вкусняшка для хорошего мальчика?

Фрикс приземлился, с любопытством заковылял в нашу сторону, выставив вперед округлый живот и смешно раскрыв кожистые крылья. Я дала Маро в руки склянку со своей прядью.

— Можно я угощу его своими? — попросила подруга.

Я кивнула, прикусив нижнюю губу.

Маро отрезала прядь и скормила благосклонно урчавшему фриксу.

Пока он был занят, я протянула руку Садату, намереваясь следующим ввести его. Рейс дернулся, намереваясь вклиниться, но в последнее мгновение остановил себя. Молча смотрел, как крепко я сжала руку эмира, как приобняла его одной рукой за талию, чтобы фрикс воспринял запах Алиима в контексте моего.

— Повторяю: молча и медленно.

— Слушаюсь и повинуюсь, мудрейшая.

Забыла, что для Садата я авторитет и мое слово — закон.

Маро повернулась к нам, протянула эмиру одну из своих прядей. К слову сказать, отрезанные кучерявые волосы становились прямыми. Дочери набтитов смуглы и стройны, обладают чуть ли не мальчишечьим телосложением. Маро же хотелось обладать пышными формами и курчавой шевелюрой.

— Милаха, бери запах, это свой.

Пятачок коснулся руки эмира. На мгновение фрикс обнажил острые длиннющие клыки, но, нащупав искрящиеся магией пряди, осторожно слизал их раздвоенным языком и довольно захрустел.

— Не двигайтесь, — предупредила я гостей и направилась к оставшемуся за дверью Рейсу.

Он расслабился, как только наши пальцы переплелись, а рука легла на его талию. Прижал меня крепче к себе, с какой-то обреченностью. Открыл рот для вопроса, но, увидев ждущие взгляды Маро и Садата, передумал.

— Я помню, плавно и медленно, — прошептал он чуть ли не в мои губы.

По телу прошла дрожь, и я почувствовала, как подгибаются колени. Невероятно красивый Рейс нависал сверху, и я поняла: еще одно мгновение — и я его поцелую. Поэтому уткнулась в грудь, потерлась носом о камзол, делая вид, что делюсь запахом.

Провела, тесно прижимаясь, в комнату, млея от близости короля.

— М-милаха. — Я прокашлялась и велела: — Этого запомни особенно. Его не трогать ни в каком случае.

Отвинтила крышку банки и высыпала на ладонь Рейса свои русые волосы. Эх, Милаха сегодня будет пьяным от обжорства. Вон как глазки

красные, с демонским огнем, прикрыл от удовольствия и слизывает, смакует каждую волосиночку.

Поняв, что больше посетителей не будет, фрикс забрался обратно на насест, перевернулся вниз головой и захрапел, изредка открывая то один глаз, то другой. Наблюдал.

Я подвела гостей к трем мраморным постаментам с последними сотворенными артефактами. Сняла стеклянный колпак с первого. На белом мраморе черным бархатом лежала накидка, которая была на мне в первый день приезда Рейса в замок. Я встряхнула ткань — она стала невесомой и почти прозрачной.

— Артефакт защиты. Надевший сей плащ будет неуязвим для любого оружия.

Накинула ее на плечи. Накидка замерцала и словно впиталась в кожу. Я закружилась, широко расставив руки, желая показать, что артефакт нисколько не стесняет движений, и вопросительно посмотрела на мужчин.

У обоих глаза горели жадным интересом. Еще бы! Насущная задача любого правителя — остаться в живых. Рейс рассказывал о покушении, уверена, у Садата те же проблемы. Только бы не начали препираться, я еще два других не показала.

Аккуратно сложила вновь проявившуюся накидку на постамент и сняла стеклянный колпак со второго артефакта. Прозрачное перо словно светилось в полумраке комнаты, переливаясь радужным светом.

— Этот артефакт дает возможность превратиться в птицу. Незаметно перелететь куда угодно, подслушать разговоры, не предназначенные для ваших ушей.

Я и без предмета могу перевоплощаться, но следовало продемонстрировать действие. Обернулась воробышком, заметалась по комнате, чирикнула. Потом притулилась на полке так, что слилась с ней и стала почти незаметной. Вернулась обратно, водрузила перо на место.

Все, Рейс пропал. Он был загипнотизирован мягким светом, прошившим очин, веером расходящийся через бородки.

— Сколько? — хрипло спросил он. — Сколько стоит подобное чудо?

— О цене поговорим после. Сперва осмотрите третий артефакт.

Именно его я предполагала отдать Рейсвальду. Догадка зрела во мне с того самого дня, как я посетила Бретель и увидела, как кто-то тащит из Катрин магию, а значит, и жизненную силу. Интуиция кричала о том, что ключ к разгадке находится в короле.

Третий артефакт выглядел неприглядно. Простая кожаная фляга, такую носит на себе каждый воин или путешественник. Потертая от времени, с

почерневшей крышечкой, она не мерцала и не светилась.

— Этот артефакт охраняет от магического влияния.

Я не стала хвалить преимущества данного предмета, так как не желала отвлекать Садата от восторженного разглядывания накидки. Взгляд Рейса был прикован к перу. Мальчики, вы не сороки, не бросайтесь на блестящее!

Продавать сразу двоим чревато конфликтом. Я надеялась, что уважение ко мне обоих смирит их крутые нравы. Не хотелось быть свидетельницей драки за один артефакт. Этого, к счастью, не произошло. Маро благостно жмурилась, висела на плечах Садата, полностью довольная жизнью. Любой магический предмет укрепляет государство. Приведя любовника, она выиграла дважды: помогла подруге в тяжелую минуту и услужила эмиру.

Теперь предстояло предложить Садату накидку так, чтобы он ушел в полной уверенности свободы выбора, хотя на самом деле перо я собиралась оставить себе.

— Надеюсь, вашим вниманием завладел хоть один из показанных предметов. Озвучьте ваш выбор, а дабы не смущать присутствующих разговором о цене, закончить передачу предлагаю подле северного окна. Эмир Алиим, готовы ли вы начать?

— Позвольте... — начал Рейс, но я уже взяла эмира за руку и увела в дальнюю часть комнаты.

Маро быстро ориентировалась в ситуации. Она атаковала Рейса щебетанием, и тот был вынужден прекратить сопротивление.

— Ах, как вы с Эви познакомились? Она ужасно скрытная, никогда не рассказывает о поклонниках. Если бы вы знали, сколько достойнейших мужчин добивается ее благосклонности...

Наглая ложь! То есть да, я могла бы взять в любовники любого свободного государя. Отношения с ведьмой весьма выгодны, тут сложно различить, играет ли роль привлекательность магии или личных качеств. Впрочем, Маро решительно настроилась стать «сообщницей по соблазнению». Пусть ее.

Эмир вежливо ждал, пока я нашла тихое место за стеллажами.

— В знак благоволения предоставляю вам право выбирать первым, эмир Алиим.

— Почтен честию, мудрейшая. Из трех предметов, полагаю, наименее ценна для вас тряпица. Готов избавить от нее из безмерного уважения к вам, в благодарность за бесценную помощь, оказанную в прошлый визит.

Записать в блокнот слово в слово, потом заучить наизусть и использовать в следующий раз, когда захочу поторговаться! Эмир

великолепен, хотя еще в прошлый раз измучил меня так, что я сполна ощутила его умение похвалить и одновременно отстоять собственные интересы.

— Благородный эмир, я всего лишь попрошу должную защиту для дома слабой женщины в отсутствие хозяйки. Немало наслышана о ваших непревзойденных воинах, способных вручную уложить троих сарнирцев. Я вынуждена покинуть эти стены, и меня беспокоит разруха, неизбежно наступающая с отсутствием хозяина.

— Ни слова более! — с энтузиазмом ответил эмир.

Еще бы! В его голове градом сыпались сэкономленные золотые монеты. Запрошенная цена была минимальной в сравнении с безопасностью королевской, хм, области пониже спины на веки веков. Эмиру повезло — у меня не было времени пускать слухи о продаже, тщательно отбирать кандидатов. Я полагалась на слово Маро о том, что Садату можно доверять.

— Клянусь охранять вашу крепость от нападения врагов в течение пятидесяти лет. В случае моей смерти долг перейдет к сыну, а от того к внуку — и последний из Алиимов ляжет прахом ради сохранности вашего дома!

Пафосно, зато надежно. Я протянула руку в знак законности сделки. Не поторговалась, зато на душе спокойно. Теперь вечером смогу объявить о близком отъезде, не беспокоясь за судьбу домочадцев.

Ладони встретились в крепком рукопожатии. Магия вспыхнула золотом, скрепляя сделку. Теперь данное слово не нарушить, иначе Садату рассыпаться прахом, как обещано. Эмир прикрыл глаза в экстазе, наверное, представляя сытую старость. Правители Эмиратов умирали во цвете лет от клинка в спину или яда в протянутой другой руке. Садат, скорее всего, собирался жить долго.

Главное, пусть он Вейнер охраняет как следует.

Возвращаясь к Маро, Садат чуть покачивался, пьяный от восторга. Закружил ведьму, приник к ее устам в страстном поцелуе так, что она полностью обмякла в его объятиях.

Дождалась, пока парочка оторвется друг от друга, и вручила счастливому эмиру накидку. Он бережно прижал ее к груди и благодарно поклонился в мою сторону.

— Рейс, — тихо позвала я.

— К вашим услугам, — автоматически ответил тот, погруженный в свои мысли.

Я взяла его за руку, и лишь тогда король очнулся, посмотрел на меня и

спросил:

— Как мы познакомились, Эвитерра?

— Обязательно напомню, Рейс, попозже, хорошо?

На самом деле я затеяла маневр с уходом в дальний конец комнаты не ради Алиима, а чтобы дать Рейсвальду совет по поводу предстоящего выбора артефакта. Я очень волновалась, что король не прислушается к моим словам. Продавать артефакт насильно противоречит правилам, поэтому я не могла приказать ему в рамках договора. Предугадать реакцию короля Айнура на все сто процентов тоже не могла, особенно когда он смотрит на меня больным взглядом и все больше на губы.

— Ты слушаешь меня? — сжала чуть сильнее его ладонь, отвлекая от созерцания моего рта.

Он собрался. Рассеянное выражение исчезло, передо мной был вновь вежливый и чуть насмешливый Рейс.

— Вы желаете посвятить меня в информацию, не предназначенную для чужих ушей?

— Именно так! — с облегчением чуть не простонала я в ответ. Рейс молодец, правильно сориентировался, как же с ним легко! — Многие правители не уделяют должного внимания магическому влиянию. Между тем большинство услуг, заказываемых у волшебников, так или иначе касается людей, облеченных властью. Выйти из немилости, наладить мосты, помочь убедить в правоте — вот большая часть получаемых мною просьб! Продолжать далее, Рейс?

— Все понял, госпожа. К бездне, как же летать хотелось! Мечта, детская мечта, еще с тех пор, как желал видеть мать... Она часто отсутствовала, я смотрел в окно и отчаянно стремился в бархат ночи за шлейфом ее платья... — Глаза Рейса подернулись дымкой, на мгновение он замолчал, погрузившись в собственные мысли. Затем твердо спросил: — Что же могу предложить вам за честь обладать волшебной флягой?

Обожаю Рейса! Если бы уже не любила каждой клеточкой тела... Мать-волшебница, до сих пор мурашки по коже от предвкушения поцелуя. Впрочем, король осведомлен о моих чувствах, больше нет нужды скрывать восторженный взгляд. Позволив себе полюбоваться красивым лицом, скороговоркой потребовала:

— Титул графа Вейнер для Ги, то есть для Гийома Верниеста, замок и окружающие земли в его владение. Ах да, еще закрыть глаза на присутствие войск эмира Алиима в ближайшие пятьдесят лет.

— Вам столь дорог виконт Верниест? — с показным безразличием спросил Рейс.

— Он мой бывший любовник. — Я не видела смысла уклоняться от ответа. — Но забочусь не о нем, а о доверившихся мне людях.

Рейс будто горькую пилюлю проглотил. Челюсти сжались, между бровей залегла складка, и он долго не отвечал.

— Ваше прямодушие достойно восхищения, — сказал наконец. — Любой согласится за столь мизерную цену обладать волшебным предметом. Не стоит медлить при столь удивительной возможности обезопасить себя от магических покушений. И все же именно в эту минуту я крепко задумался над другим артефактом, доставшимся почти за бесценок. Вы, волшебники, никогда не дарите их, не так ли?

— Никогда, — резко ответила, пытаясь вспомнить, когда успел Рейс завладеть чужим артефактом. Я за ним довольно плотно следила последние лет пять и ничего подобного не помнила.

— Вот и я пришел к тому же выводу. Чем же заплатил я за возможность стать королем?

— Если согласен на сделку, узнаешь сей же час. После глотка из фляги любое магическое влияние покинет тебя. Только, Рейс, боюсь, это не касается нашего договора. Послушанием ты платишь цену за лечение *невесты*. В течение тридцати дней невыполнение моих приказов приведет к смерти Катрин. Так как на тебе магии нет, то и зелье не подействует на исполнение условия.

— Я все понимаю, госпожа, и мне весьма любопытно, каковы последствия приема зелья. Клянусь пожаловать Гийому Верниесту титул графа Вейнера, этот замок и близлежащие земли, а также закрыть глаза на присутствие здесь войск эмира Алиима.

Он протянул руку для пожатия, магия затанцевала золотым всполохом вокруг наших ладоней. Кстати, *этот* договор обнулится с питьем противомagического зелья. Рейс сможет отказаться от обещания подарить замок Ги, и ему за это ничего не будет. Остается полагаться на честное слово короля Айнура.

ГЛАВА 20

Не гоните неожиданных гостей

Руки поглаживали шершавый бок фляжки с плещущимся внутри неведомым зельем, за которое он отдал южную границу бывшему любовнику ведьмы и разрешил смазливому типу из Эмиратов беспрепятственно расположить его войска на своей территории.

Умно? Может, и нет, но к ногам Эвитерры хотелось сложить весь мир.

Засидевшиеся гости праздновали удачную сделку по южным обычаям — долго и пышно. Садат Алиим не сводил жадного напряженного взгляда с Эвитерры, а та будто не замечала этого или нарочно откидывала голову назад, смеясь, обнажая тонкую белую шею, предназначенную для поцелуев.

Скорей бы уселся на летучий ковер со своей кудрявой ведьмой и убрался обратно в пыльную дымку.

Но нет, эмир разошелся, осыпал цветистыми комплиментами смущенную Эвитерру, полностью на ней сосредоточившись. У его спутницы от этого розовели щеки, на что Садат не обращал ни малейшего внимания.

И Рейсвальд тоже не мог отвести глаз от хозяйки замка. И вспоминал, помимо воли, как горячая рука обвивала его за талию, вводя в башню, охраняемую перекормленной летучей мышью. Как Эвитерра прижималась к нему, подставляя губы для поцелуя, а в глазах горело желание. Шею свело от напряжения — тело ныло от жажды попробовать мягкость ее губ, а голова твердила о том, что долг чести не позволит.

Шершавая поверхность фляги холодила пальцы, обещая ответы на все вопросы. Поднял бокал, отстраняясь от происходящего, отпил терпкое вино из молодых виноградников севера. В Айнуре пили кислятину, а Рейс все же предпочитал настоявшиеся гранатовые вина Сарнира. Жизнь заложником в чужой стране навсегда оставила след, и это пленение тоже останется шрамом на сердце.

Погруженный в собственные мысли, он не заметил, как на мягкую подушку рядом опустилась пахнущая лилиями Маросдиль. Повела плечами, подчеркивая пышную грудь, потянулась у меня под носом оторвать ягодку винограда.

— Позвольте дать один совет, ваше величество, — с кокетливой

улыбкой сказала она, склонив голову к плечу. Перекинула назад непослушную гриву, усыпанную бусинами и колокольчиками, открывая белую кожу над ключицами.

— Я весь внимание, — невозмутимо произнес Рейсвальд, глядя ведьме прямо в глаза.

— Не упустите свой шанс, время почти утекло сквозь пальцы. Я вижу, как вы смотрите на нее. Действуйте — или будете всю жизнь жалеть об упущенной возможности.

Ее голос медом стелился по воздуху, откликался на мысли, которые король держал в узде, не давая ходу слабости. Маросдиль искушала, призывая сорвать с ветки плод, который сам просился в руки.

Она и вправду думает, что Рейс ждал ее благословения? Даже если его наизнанку вывернет от желания — слово короля нерушимо и дано другой.

Перечить ведьме не хотелось. Благоволение или немилость магов слишком много значат в изменчивом мире политики.

— Сердечно благодарю, великолепная. Позвольте спросить, о ком заботитесь данным советом: обо мне или о дорогой вам Эвитерре?

Маросдиль засмеялась, по южным обычаям прикрыв рот ладошкой.

— О ней, естественно! Что мне благополучие всех королей мира против улыбки подруги?

— Тогда будьте спокойны — сделаю все возможное и невозможное ради ее счастья.

Маросдиль опустила глаза и довольно кивнула, чуть улыбнувшись уголком губ и заметно повеселев.

Рейс позволил себе единственный мимолетный взгляд в сторону Эвитерры... И забыл о времени, потому что она говорила с эмиром, но смотрела на короля. Как она смотрела! Все на свете можно отдать за такой взгляд! Когда женщина светится любовью и восхищением, мужчина плавится в этом огне.

Садат Алиим цветисто благодарил хозяйку за прием. Черноволосая ведьма покинула подушку подле Рейсвальда, напоследок обдав сладким запахом цветов. Изящно прильнула к эмиру, лишь иногда бросая задумчивые взгляды из-под ресниц на айнурского владыку.

Ладонь вновь нащупала прохладную фляжку. Стандартные любезные фразы прощания заученной мелодией срывались с губ, но мысли были далеко.

Гости удобно устроились посреди заковыристого узора на мягком ковре. С еле слышным гудением тот поднялся в воздух, окутанный золотистым сиянием. Садат Алиим приобнял ведьму одной рукой, не

выпуская из рук черную ткань артефакта. Маросдиль спрятала лицо у него на плече.

Эвитерра стояла рядом, прямая как стрела, вся напряженная. Повернулась к Рейсу, как только гости скрылись из виду, и сказала:

— Знаю, тебе не терпится. Поднимемся в спальню, подальше от чужих глаз?

— Вы читаете мои мысли, госпожа.

— Мать-волшебница, как хорошо, что ты не читаешь мои!

Она ошибалась. Не искушенная в дворцовых интригах Эвитерра была вся как на ладони. Пресвятой Отец, было бы лучше, научись она хоть немного приглушать огонь желания, потому что находиться рядом с ней и сдерживаться — на грани невозможного.

Рейс изучил ее спальню как свои пять пальцев. Белый мрамор пола. Трюмо с огромным зеркалом, стеллаж с пустыми стеклянными банками — наполненные сразу же отправляются на хранение к кожекрылому монстру Милахе. Хотя в чем-то ведьма проявляет осторожность! В остальном хочется ее постоянно защищать, несмотря на магическую мощь.

Вот и сейчас она остановилась посреди комнаты и в растерянности посмотрела на короля, словно заблудившийся ребенок.

— Не знаю, что произойдет после начала действия зелья. Может, я ошибаюсь, и на тебе, Рейс, нет магического влияния. Но предчувствие противнейшее, так и ноет под ребрами. Чувствуешь?

Слова были лишними, он понимал тревогу Эвитерры. Его тоже мутило от неясного беспокойства. Провалы в памяти, налетающая, как опьянение, тяга к Катрин — за время пребывания в обществе ведьмы Рейс научился различать магический дурман особым чувством сродни тому, когда встают волосы на затылке в заброшенном доме под завывание волков.

Фляжка была странная. Вместо привычной пробки горловину закрывала блестящая металлическая крышка. Эвитерра подошла поближе, показывая, как открутить необычный колпачок.

Пресвятой Отец, Рейса в жар бросало от одного касания, от мимолетного взгляда из-под ресниц.

Не оттягивая больше, он поднес флягу к губам и одним глотком выпил пряную жидкость, пахнувшую морем и мятой. На вкус тягучий напиток был кисловатым, даже приятно освежающим, но стоило ему достичь желудка, как все тело молнией пронзила острая боль. Воздух застрял в горле, легкие запылали. Ноги подломились, как тряпичные, Рейсвальд рухнул на каменный пол. Последнее, что увидел, — бледное лицо Эвитерры перед собой, вернее не ее, а другой девушки, смутно знакомой. С

широко распахнутыми голубыми глазами, смешным носиком-кнопкой и пухлыми губами. Ева, это была Ева...

Тело Рейсвальда билось в судорогах. Прикусив до крови губу, я держала его голову, опасаясь вмешиваться в действие артефакта, чтобы не причинить вреда. Теперь магия не действовала на короля Айнура и не подействует никогда. Мой прощальный и главный подарок любимому. Со всем остальным, уверена, Рейс разберется сам, а вот магия бывает коварна, невидима и смертоносна.

И все же, видя бледность на красивом лице, заострившиеся черты, искривленный рот и содрогающееся тело, я вся сжалась внутри, не в силах сдерживать слезы. Худшие предположения оправдались — Рейс весь был опутан магией, сам того не подозревая. Та потихоньку выходила из него, причиняя невыносимые мучения.

Рейсвальд застыл восковой статуей, кожа пожелтела. С еле слышным хрустальным звоном на пол начали осыпаться... волосы. Черные, рыжие, русые пряди усеивали мраморные плиты вокруг айнурского короля. Я с ужасом наблюдала за все растущими разноцветными холмами. Они могли быть заговорены на что угодно. Сколько придворных правдами и неправдами вымогали волосы волшебников ради влияния на сюзерена? Целая толпа, не меньше, как он еще держался?

Я ведь знала, что люди охочи до волос волшебников, поэтому столь тщательно и собирала свои и ревностно хранила. Но недостаточно старалась, ведь в ворохе прядей виднелись и мои — мышинового цвета, гладкие. А еще — волосы Чиаки, Маросдили, Хасана, Фуэртеса, Чинга, Эмили... Собранные со всех концов света, напитанные магией, их прятали в одежде Рейса и заговаривали в надежде на исполнение просьбы.

А может, желали болезни, несчастного случая, неудачи в охоте... Страшно подумать!

Быстрым движением я собрала волосы и бросила в камин. По комнате поплыл отвратный запах паленой курицы. Я отворила стеклянные двери, ведущие на балкон, впуская прохладу ранних сумерек.

Со стуком по полу покатился маленький круглый предмет. Не успела заметить, что это было, так как Рейса вновь скрутило. На сей раз он открыл глаза, и я схватила его за руку, прижавшись как можно ближе.

— Мне плохо...

Он весь дрожал, на лбу застыли бисеринки пота. Рейс схватился за голову, раскачиваясь назад и вперед. Я оглянулась, пытаюсь сообразить, чем помочь. Схватила графин с водой, поднесла ко рту короля.

— Пей, Рейс, пожалуйста...

Он жадно прильнул к горлышку, судорожно пил, мучимый жаждой. Потом жестко закашлялся, захрипел, поднял ладонь, приказывая мне не приближаться.

Затем его вывернуло. Вернее, на белые плиты пола изо рта Рейса шмякнулось червеобразное радужное нечто, расправив прозрачные крылышки. Мелкие закрученные усики на передней части шевелились, словно вынюхивая что-то. Покрытое пухом тельце переливалось яркими цветами, слюда на крыльях блестела, и в целом крылатая гусеница выглядела беззащитной и красивой. Как и все магические существа.

Тяжело дыша, Рейс присел, не сводя взгляда с неведомого животного, перебирающего многочисленными ножками на полу, пытаясь сориентироваться. Не давая этой возможности, я занесла ногу, обутую в туфлю с острым каблуком, и безжалостно раздавила тварь.

— Ариндейский червь, — с отвращением протянула, убирая магией разноцветные ошметки.

— Что это такое? — прохрипел Рейс.

— Ариндейский червь подбрасывается человеку в пищу, как яд, вызывая безумную страсть к хозяину червя. Существо питается исключительно энергией хозяина до момента инициации. Хозяину необходимо находиться в прямой близости к червю... — Заученные слова вспоминались сами собой. — Как только страсть становится настоящей, ариндейский червь начинает поедать своего носителя, постепенно доводя того до истощения и смерти.

Сказав последнюю фразу, я вздрогнула и отвернулась.

— Считалось, удалось уничтожить всех особей, появившихся во время прорыва магии семь лет назад. Видимо, мы ошибались.

Рейс прикрыл глаза и тяжело вздохнул.

— Напрашивается естественный вывод: червя посадила Катрин, она является его хозяйкой, а носитель — ваш верный слуга. Тварь питалась ею, верно, госпожа? И скоро червь принял бы уже за меня, пока не выпил бы досуха.

— Именно так... Мне очень жаль, Рейс.

Я вспомнила, как видела в Бретеле Катрин и золотые нити жизненных сил, которые тянул из нее ариндейский червь. Тогда я не догадалась, в чем дело, теперь же правда была очевидна.

Некрасиво чувствовать облегчение, но ничего с собой поделать не могла — я обрадовалась, что Рейс выбрал Катрин не по своей воле. Впервые, теперь можно признаться самой себе в том, что девушка вызывала

во мне стойкое отвращение. Во-вторых, может, мои самые дерзкие мечты исполнятся и у меня будет шанс, хоть малейший шанс на взаимность...

— Напротив, госпожа, вы оказали мне неоценимую услугу. — Рейс поморщился. — Простите, голова раскалывается.

— Сейчас помогу.

По привычке я вызвала магию, чтобы забрать боль, а потом поняла бесполезность порыва. Поезд ушел, теперь Рейс к магии невосприимчив.

Мама мне часто массировала виски во время приступов мигрени. В совокупности с холодным компрессом это помогало. И сейчас руки просились прикоснуться к голове короля. Меня останавливало дикое стеснение и страх...

Теперь, когда за его плечами не стояла другая и я знала, что его сердце свободно, я до ужаса боялась сделать первый шаг. Понимала головой, что никакой логики в этом нет, король и так знает, что я от него без ума. Совсем недавно флиртвала с ним, подставляла губы для поцелуя, заставляла делать массаж.

Это все было легко, так как для холодности Рейса была железобетонная причина — любимая невеста. А сейчас я дрожала, как ботаник перед первой красавицей класса, решивший пригласить ее на свидание. Внезапно я увидела нас словно со стороны — широкоплечий мужчина, сидящий у стены, невероятно красивый даже в болезненной бледности. И я, стоящая над ним, вцепившись в складки лилового платья, нескладная заушка в вечной френдзоне.

И все же я преодолела страх. Помогла Рейсу подняться, устроила на кровати, подложив мягкие подушки под спину. Присела на самом краешке и несмело прикоснулась пальцами к напряженным мышцам над ушами.

— Скажи, пожалуйста, если тебе неприятно.

Рейс тихонько застонал. Звук его боли повернулся в груди острым ножом.

— Пожалуйста, не уходи...те. Не уходи. Кто ты?

Он распахнул глаза, подался вперед, схватил меня за плечи, пристально вглядываясь, ища в моих чертах нечто жизненно необходимое. Теперь на кровати сидел взбешенный мужчина, и я даже испугалась, услышав болезненный приказ:

— Покажи мне свое лицо, настоящее лицо!

Мне не хотелось. Я стала красавицей — тонкокостной, пышногрудой, златокудрой нимфой. Рейс испытывал ко мне желание, я сама видела, особенно в комнате артефактов. Раскрыть внешность простушки, увидеть в его глазах разочарование... Зачем?

Но он попросил, и я послушалась. Видела, как важно ему, чтобы я выполнила просьбу. Позволила текущему по коже потоку магии впитаться обратно в тело.

Руки стали тоньше, и сама я уменьшилась, став ниже ростом. Пожав плечами, застенчиво улыбнулась, словно извиняясь, что на самом деле я обычная девчонка с острым носом, пухлыми щеками и грудью первого размера.

Кажется, Рейсу это было не важно. Он схватил меня в охапку, пил взглядом мое лицо, словно не веря. И казался таким счастливым, словно солнцем поцелованный. Даже забыла, когда он в последний раз так улыбался.

— Ева, что же я наделал, Ева!

Покачала головой, вымученно улыбаясь:

— Ничего особенного вспомнить не могу, ты отличаешься примерным поведением, Рейс.

Король бледнел на глазах, счастье утекло из глаз, как вода сквозь песок, оставляя выражение паники.

— Ты осталась в таверне «Две лягушки» под присмотром Кая и Рахула. Больше я их не видел. Что с тобой случилось, Ева? Что случилось со мной?

— Тише! — Я прижала палец к губам короля. — Кто-то пересек границу владений. Сейчас сигналки доложат о личности нарушителя, дай послушать.

Руки Рейса тем временем плотно обосновались на моей талии, и он прижал меня к себе так, что мысли запутались. Рука сама поднялась к тяжелым кудрям, и я не выдержала — потерлась щекой о щетинистую щеку, вдыхая полной грудью родной запах любимого мужчины. Не встретив сопротивления, обняла за шею, уткнувшись носом во впадинку за ухом. Вечность провела бы вот так — в объятиях Рейса.

— Стой. — Я выпрямилась, пронзенная неожиданной новостью, пришедшей от сторожевой вороны на западной стороне. — Слушай внимательно: ни при каких обстоятельствах не попадайся на глаза Илстину, это мой прямой приказ, Рейс.

— Не смей уходить, Ева!

Я сбросила его ладони с талии. Сердце отчаянно стучало в преддверии неожиданного визита учителя.

— Не называй меня Евой. Кажется, мы договорились оставить эту часть нашей истории в прошлом! Помни, Рейс, наш договор все еще в силе, твое непослушание будет стоит жизни невесте. Понимаю, при данных

обстоятельствах она потеряла ценность, так и договор почти на исходе. Я уезжаю завтра, а ты возвращаешься домой. Прошу, не поминай лихом, пойми, я любила тебя.

— Любила? — ухватился он за последнее слово.

— Любила и люблю. Кажется, буду любить всегда. Нет! Молчи. — Я выставила вперед руки, пятась из комнаты. — Я ничего у тебя не прошу. Только чтобы Илстин не знал, что ты здесь. Ради моего спокойствия, пожалуйста.

Захлопнула дверь покоев, заперла магией и прижалась спиной к отполированной древесине. Рейс, ты же все делаешь, чтобы расстаться с тобою было невозможно!

Как не вовремя решил учитель навестить меня. Ему же назначили время визита на завтра. До завтрашнего дня я бы смогла подготовить замок, проститься с Рейсом, оплакать свою судьбу. Ничего этого сделать не успела, а Илстин уже явился! А значит, скоро я буду плавиться под неодобрительным взглядом и стыдиться разрухи в своих владениях. Все это я выдержу, уже проходили, но только бы он не обнаружил Рейсвальда!

Я не боялась, что Илстин причинит вред айнурскому королю, вовсе нет. Просто мне жизненно важно было эту часть своей жизни оградить от критического взора учителя. Я знала, что моя любовь слишком жалка, даже Маро не понимала до конца, почему я не соблазняю Рейса, наплевав на приличия. Им не объяснить. Не хочу оправдываться! Я прекрасно знаю, что надежда на взаимность призрачна. Люблю Рейсвальда и сделаю все возможное для его счастья, не требуя ничего взамен. Вот весь мой план.

— По правилам приличия гостя следует встречать лично! — раздался холодный голос, казалось, проникая сквозь стены.

Я приподняла юбки и понеслась со всех ног, мысленно проклиная нежданных посетителей, требующих к себе особого отношения.

Раскрасневшаяся, запыхавшаяся, вбежала в тронный зал, посреди которого стоял одетый во все белое учитель, нетерпеливо постукивающий тростью по полу, и сразу уперлась в неодобрительный взгляд, как в стеклянную стену. Остановилась, стараясь скрыть тяжелое дыхание.

Мать-волшебница, да я же внешность себе не подправила!

Лекция не замедлила настигнуть.

— Драгоценная ученица, измененная внешность — не дань тщеславию, а жизненная необходимость для каждого волшебника. Волосы хранят остатки магии, завладевший прядями обретает частицу нашей силы. То же самое произойдет с портретом волшебника, — повторил Илстин известную истину. — Художник будет тянуть из волшебника магию,

широта потока зависит от сходства с оригиналом. Поэтому, Эвитерра, мы никогда не остаемся в спальнях любовников до утра и по той же причине не разгуливаем по замку среди слуг, забыв о личине!

— Вы правы, учитель...

— Я знаю, что прав, и уверен в том, что ты прилежно выучила данные истины. И все же нарушаешь ценные советы, пренебрегая здравым смыслом!

Илстин стремительно пересек разделяющее нас расстояние, взял мое лицо в ладони и не выпускал, пока я вновь не превратилась в подобие Мэрилин Монро.

Я смотрела на него почти со страхом. Глубокие лиловые глаза, нахмуренные черные брови, сверкающая лавина белых как снег волос. Холод ладоней на щеках. Учитель даже пах по-зимнему — хвоей и талыми сосульками. Мать-волшебница, до чего он напряжен! И как неосторожно я попала в первые же минуты, вызвав его недовольство.

Илстин многое прощает, но не халатность в отношении безопасности.

Неодобрительно покачав головой, учитель отпустил меня. Знаю, внешность кинозвезды ему не по нраву, еще в прошлый раз просветилась на этот счет. Ладно, я и так решила сменить образ, раз Рейс при любой возможности просит «показать личико».

Прикрыв глаза, Илстин выдохнул, и, когда вновь заговорил, его голос стал намного мягче.

— Прости за неожиданный визит, Эвитерра. Понимаю, мой приезд оказался нежеланным, и мы начали его с фальшивой ноты. Позволь исправить первое впечатление. Я непрестанно думал о тебе с момента нашего расставания.

Он сделал паузу и внимательно на меня посмотрел, словно надеялся, будто я расколюсь, как преступник на допросе, но я ответила невозмутимым взглядом.

— Два артефакта за неделю — слишком много, чтобы быть простым совпадением. В твоём окружении появилось нечто, спровоцировавшее выброс магии. Ты слишком доверчива и не сможешь распознать опасность, поэтому я полностью в твоём распоряжении. Покажи, как ты проводишь день, к чему прилагаешь усилия. Я буду следовать за тобой безмолвной тенью. Порядки твоего дома меня не касаются. Я желаю обнаружить причину нестабильности магии и устранить ее.

Илстин, какой же ты молодец и как не вовремя! Причина срыва очевидна и в данный момент заперта в моей спальне... Хотя нет, место для Рейса не слишком удачное. Раз Илстин решил таскаться за мною везде, а

время клонится к ужину, значит, и в покои последует за мною, а там король во всей красе. Нет, нет! Срочно следует Рейса спрятать, лучше всего за пределами замка, хоть на псарне!

Бедный король проведет ночь в обществе собак, но ничего страшного — уже завтра отправится обратно с богатыми дарами. Надеюсь, со временем он меня простит.

— Учитель, я весьма благодарна вам за проявленную заботу. — Я схватила Илстина за локоть. — Позвольте оказать вам должный прием. Простите скудность обстановки, видите ли, мы не были готовы к столь знаменательным гостям.

Я закатила глаза, представив, что случится с Массиро, когда я объявлю уставшему до смерти повару, что он должен устроить еще одну богатую трапезу в честь Великого.

Тем временем в зале появилась расторопная Сиенна, которой спешно доложили о появлении Илстина. И восторженно замерла, глядя на учителя, как первоклашка на английского принца. Да, он эффектно выглядит и оказывает именно такое впечатление на непосвященных.

— Сиенна, позволь представить моего самого дорогого и единственного гостя — великого Илстина, — сказала я, искренне надеясь, что экономка умеет понимать намеки и не станет болтать о другом госте в замке. — Проследи за тем, чтобы ему отвели лучшие покои, и организуй купание, смыть дорожную пыль.

— Ни в коем случае не стоит отвлекать слуг от важных занятий. Я не нуждаюсь в отдыхе, так как пришел через портал и еще пять минут назад был в своей резиденции. Эвитерра, ты излишне раздражительна, скажи, в чем дело?

Илстин взял меня за руку, развернул к себе, пытаясь прочитать по лицу мои намерения. Он знал свою ученицу слишком хорошо, и очень редко удавалось его обмануть, но я все равно пыталась.

Не поднимая глаз, призналась:

— Мне невыносима мысль, что вы не одобрите годовой труд, вложенный в этот замок.

— Эвитерра... — Илстин помедлил, я услышала за спиной восторженный вздох Сиенны. — Я обещаю сдерживаться и не проявлять недовольства устройством твоего дома. Оно меня не касается. Прошу, не сжимай столь судорожно несчастную ткань платья, я тут, чтобы помочь тебе! Если мое предположение верно и помеху возможно устранить, то твое желание исполнится, Эвитерра. Ты останешься в замке и не будешь вынуждена терпеть мое глубоко неприятное тебе общество. Ну же,

улыбнись.

— Вы... хотите сказать, что я смогу остаться дома? — с удивлением спросила я и тут же поняла, что совершила ошибку. Поспешила исправиться: — Меня вовсе не тяготит ваше общество, учитель, наоборот, я вам очень благодарна...

— Именно поэтому ты при первой же возможности покинула мою обитель?

— Понимаете, учитель...

— Понимаю, Эвитерра. Больше всего ты ценишь свободу, а рядом со мной приходится смирять характер. Не нужно оправданий, я достаточно хорошо изучил тебя за минувшие семь лет. На данном этапе наши интересы совпадают: тесное соседство с ученицей стеснительно не только для тебя.

Илстин стукнул тростью о пол в подтверждение своих слов и прошествовал вперед, осматривая высокие своды готического зала. Я осталась в полнейшей растерянности сзади. Вот так поворот — кажется, учителя я раздражаю не меньше, чем он меня. Видимо, ему стало легче дышать в мое отсутствие. Никто не нарушает послеобеденный чай разговорами, не пристаёт с вопросами, не попадает в беду.

Совсем забыла!

Жестом подозвала Сиенну и принялась перечислять:

— Завари лучший чай, из хранящихся в жестяном сундучке. В один чайник налей шейнский чай с мятой, в другой — дусский, крепкий и черный. Вели Массиро срочно приготовить бисквиты, сконы, бутерброды с огурцом. Хлеб для последних нарезать прямоугольниками с палец толщиной. Взбить жирнейшие сливки и подать в хрустальной вазочке. Подать черничное варенье. Что же еще? Да, накрыть круглый стол у окна в голубой столовой, скатерть белоснежная, тарелки серебряные, обязательно свежие цветы!

Выдохнула. Великому будет по нраву светлая комната и соблюдение традиций его матери. Ради хорошего настроения учителя даже надену викторианское платье, отыщу невозможную шляпку с нагромождением перьев, лент и кружева.

Мне бы радоваться близкому освобождению от учителя, но почему-то было не по себе. Илстин стал моей опорой в Эйде, нерушимым камнем, за который можно уцепиться в шторм. Я могла на словах жаловаться на тиранию Великого, но на самом деле так рычит львенок на отца-льва, чтобы через мгновение спрятаться за его пышной гривой от хохочущей гиены.

Я ведь знала, что мне грозит скорое лишение магических сил. Ждала

прихода спасителя, который решит любые проблемы.

Он и появился, как всегда, холодный и сдержанный, даже предложил свою помощь. И на душе стало пусто при мысли, что он скоро уйдет.

ГЛАВА 21

Не задавайте вопросов, на которые не хотите слышать ответа

— Мик! — окликнула я рыжую вихрастую голову, мелькнувшую за портьерой.

— Чего, госпожа? — недовольно прогундосил мальчишка, нехотя выходя из укрытия.

— Мне нужна твоя помощь.

Он оживился, мигом подбежал, подставляя немытое ухо.

— Пожалуйста, выведи Рейсвальда на псарню так, чтобы новый гость оставался в неведении. Чтобы ничего не увидел. Справишься?

— Еще бы! — Мик воинственно шмыгнул носом. — Я самый умный и сильный.

— Конечно, — стараясь сохранить серьезное выражение лица, подтвердила я этот спорный факт. — Мик, я на тебя надеюсь.

Только бы Рейс не проявил излишнего любопытства в отношении незваного гостя! Я все больше задумывалась о причине, по которой Илстин избегал айнурского дворца. Если его мать любила короля и там вышла некрасивая история, то учитель может иметь зуб на Рейса.

Лучше им не встречаться.

Голубая гостиная была словно создана для Илстина. Вернее, я обставляла ее, помня о вкусах учителя — темно-синие обои, расписанные цветочным узором в золотых тонах, тяжелые бархатные портьеры, внушительная мебель с резными ножками. Окно специально расширенное, позволяющее потокам света заливать светлый ковер с голубыми и золотыми нитями.

Массиро нужно статую поставить — в кратчайшие сроки организовал послеобеденный чай высшей пробы. В гостиной высился специальный поднос в три этажа, уставленный выпечкой, свежими фруктами, завезенными неизвестно откуда, крохотными бутербродами. Тарелки из начищенного серебра, а вот чашки из тончайшего прозрачного фарфора, украшенные цветами.

Я мельком полюбовалась на себя в зеркало — кремовое платье, закрытое доверху на десятки жемчужных пуговиц, кружевной воротник. На голове произведение искусства или больного гения — широкополая

шляпка, на которой удалось уместить пушистое перо страуса, причудливо приколотый бант и небольшой натюрморт из искусственных вишен.

«Эвитерра, перестань дрожать, ты не на экзамене. Обучение в прошлом», — сказала себе.

Илстин уже ждал меня, сидя у столика и наслаждаясь видом пылающих осенью деревьев за окном. Как истинный джентльмен, встал, изящно поклонился даме, зажав трость под мышкой. Подошел, протянул руку.

Перчатки! Забыла, как всегда.

Пришлось подать не по этикету оголенную ладонь. Кожа без защиты слоя ткани оказалась невероятно чувствительной, как иначе объяснить тот факт, что холодные губы Илстина оставили на запястье обжигающий след?

Он проводил меня до столика, отодвинул стул, дождался, пока сяду, занял место напротив.

И вернулся к созерцанию вида за окном.

Я привыкла к молчаливости учителя. Еда не привлекала меня после недавней обильной трапезы, а вот от горячей чашечки чая я бы не отказалась.

Словно читая мои мысли, Илстин потянулся к чайнику. Я остановила его:

— Ухаживать за вами — моя обязанность, учитель.

— Эвитерра, позвольте мне такую малость, как нарушение этикета, который в этом мире никто не соблюдает.

Вздыхнула и позволила Илстину безошибочно выбрать для меня черный крепкий чай, мой любимый. А вот ход мыслей учителя оставался тайной за семью печатями. Он же всегда так любил викторианскую вежливость, и я специально старалась его задобрить.

Илстин осторожно поднес ко рту чашку ароматного чая. Попробовал, с наслаждением прикрыл глаза:

— Население замка превышает сотню.

— Это действительно так...

— Слышал, были случаи воровства.

Кто успел доложить? Впрочем, у Илстина свои способы добывания информации. Значит, и о Рейсе он уже узнал? Или еще нет? По крайней мере, я короля упоминать в разговоре не буду.

— Увы, не могу оправдывать нечистых на руку, но толика вины в случившемся лежит и на мне. Видите ли, учитель, я не озаботилась должным жалованьем для слуг.

— Сельма, Мари и Дауни не требуют оплаты за труды.

— Ваши слуги получают каждый год богатые дары, которые отсылают родственникам.

— Что ж, с этим поспорить не могу. Меня тревожит сам факт многочисленного населения крепости. Направляясь сюда, я надеялся увидеть подле вас несколько верных людей, но убедился в том, что тех, кому доверять нельзя, — слишком много. В замке живет фрикс. Вас не заботит, что кто-то из слуг может подняться в западную башню? Мы оба знаем, как плачевно закончится сей инцидент.

Я молча отпила горячего напитка, стараясь придумать убедительные доводы. В голову не приходило ничего, кроме правды.

— Учитель, принимая этих людей, я меньше всего думала о пользе, которую они способны принести лично мне. Я приютила их, лишенных дома и надежды на будущее, и постаралась позаботиться в меру сил. Отплатят злом или добром, это уж как подскажет им совесть. Вы не думали, учитель, для каких целей магия пробила источник через наши тела? Неужели весь смысл нашего существования — забота о собственных утехах? Почему бы не употребить магию для того, чтобы мир стал лучше.

Илстин отставил чашечку, но я остановила его, стремясь выговориться:

— Я тоже с момента расставания много размышляла о ваших словах, учитель. Волшебники с момента возникновения ковена занимались уничтожением чудовищ, похвальная цель защиты человечества. А если мы с вами поступим наоборот? — Я заглянула Илстину в глаза. — Просто выслушайте меня. Милаха уже год живет в западной башне, не причиняя никому вреда.

— Что вы хотите сказать? — устало спросил Илстин.

— Я не могу перестать думать о том, что мне бы хотелось защитить магические существа от людей.

Илстин усмехнулся и отвернулся к окну.

— Эвитерра, у нас с вами созвучное видение будущего. Одно время я даже надеялся, что эта идея имеет шанс на осуществление. На данный момент я вижу две непреодолимые преграды: первая — подле волшебника могут кормиться остаточной магией не более десятка особей магических существ; вторая — мой самый верный соратник в ближайшем будущем выгорит.

Учитель смотрел тяжелым взглядом, скрестив руки на груди. Меня окутала детская радость по поводу того, что Илстин считает меня достойной быть его соратником, и тут же накрыло отчаяние: раз Великий предчувствует скорое выгорание — именно так и будет.

Дышать, успокоиться! Я знала, что конец близок, и уже сделала все, что могла, ради обитателей замка. О Рейсе тоже позаботилась.

— Вы заберете Милаху, учитель?

— Естественно.

— Вы... сердитесь на меня?

— Я в бешенстве, Эвитерра, — спокойно ответил Илстин. — Ваша халатность вдребезги разбила только начавший зарождаться план о мирном сосуществовании волшебных тварей и людей. Не говоря уже о том, что ваша персона не последняя по важности... Хм... — прокашлялся учитель. — Я обещал не читать нотаций и не буду.

— Премного благодарна, — пробормотала в ответ.

Илстин промокнул губы салфеткой, встал подле позолоченного закатными лучами окна. До чего же он был красивый, весь в белом, платина волос играла на солнце, точеные черты лица были совершенны. Вот просто нет красивее мужчины во всей Эйде, я проверяла. Стройный, непримиримый, стремительный.

— Скоро вечер, — отметил он. — Если вас не затруднит, покажите мне свои владения, Эвитерра.

— С удовольствием, учитель.

Надеюсь, Мик воспользовался отведенным временем и сумел устранить Рейса из замка. Как же хотелось улизнуть от Илстина и провести короля. Было нечто особенное в том, как тот шептал мое настоящее имя. И странная фраза об оставшихся охранять меня соратниках... Будто не знал, что их зарезали на моих глазах через час после его отъезда сарнирские шпионы. Не буду вспоминать произошедшее, сарнирский король давно заплатил за содеянное. Илстин вытащил меня из подземелья и сменил власть, посмеившуюся замахнуться на владение волшебницей.

С чего начать экскурсию? С самой приличной части доставшейся рухляди или наоборот, вести от заброшенного западного крыла с Милахой в отстроенные покои?

Решила Милаху оставить напоследок, после сегодняшнего обжорства тот отсыпается. Илстин все равно нигде в замке не найдет причины для магического срыва, так как Рейса, надеюсь, проводили на псарню. Может, повезет, и драгоценный учитель уедет с пустыми руками уже сегодня. А значит, у меня будет шанс проститься с королем как следует. Как же хочется обнять его хоть разок!

Илстин на попадающихся по пути женщин производил неизгладимое впечатление. Если, встречая Рейса, те пытались флиртовать и хихикать, то

Илстина провожали восторженными взглядами людей, увидевших ожившее волшебство. Учителя подобное восхищение мало трогало. Человеческого общества он пытался избегать, правда в любовницах предпочитал разнообразие, но служанкам подобная участь не светила. Илстину нравились утонченные манеры аристократок.

Учитель внимательно рассматривал всех встречаемых, тем самым повергая их в предобморочное состояние. Мы обошли первый этаж замка, где находился тронный зал, оружейная, кухня, склады, подсобные помещения, полупустая библиотека, которой так и не суждено наполниться. Бывшее обеденное помещение, в котором я устроила классную комнату, Илстина заинтересовало особо.

— Все-таки решили обучать детей грамоте? Каковы успехи?

— Неплохие, — улыбнулась я.

Ребята оказались талантливые. Если бы у меня в распоряжении было больше года, то в следующем поколении государственный аппарат существенно пошатнулся бы. В конце концов, у всех политических деятелей есть секретари, имеющие много больше влияния, чем подозревают высокопоставленные особы. Сколько реформ могли бы повернуть мои воспитанники, если бы им дали шанс!

— Что ж, — пожал плечами Илстин, — идея не лишена смысла.

Похвала? От учителя? Следует ждать затмения светил и появления комет. Илстин и вправду казался более задумчивым, чем обычно. Знать бы еще, какие мысли занимают его голову.

Я скучала по Рейсу. Как быстро привыкаешь к хорошему — король в замке считанные дни, а мне уже тяжело дышать без него. Придется привыкать. Неожиданный визит Илстина спутал планы, но, поразмыслив на свежую голову, я поняла, что выбора нет — не имеет значения, желаю ли я общества учителя, он единственный, кто сможет предотвратить выгорание. Были случаи, когда ему удавалось останавливать неуправляемый поток и блокировать появление артефакта.

Как могла оттягивала экскурсию на второй этаж, но еще раз осматривать оружейную Илстин отказался. Со вздохом я повела его в комнаты стражи, слуг, затем в пустующее крыло для гостей и напоследок в мои собственные покои.

На пороге белоснежной спальни, кстати, пустующей, отчего я еле слышно с облегчением выдохнула, Илстин застыл, взглянул лишь мельком и поспешил ретироваться.

— Покажите мне фрикса, — попросил он.

Милаха не просто обрадовался учителю, это было взрывом чистого

восторга. Неуклюже прыгал и переваливался с ноги на ногу, хрюкал, пыталась подольститься, облизывал белые ладони Илстина.

— Вы видели весь мой замок, учитель. Нашли ли вы то, что искали?

— Помню, как выглядел замок, когда вы только выгнали Вейнера. Кстати, он еще бегают на четырех?

Я утвердительно кивнула.

— Вы проделали колоссальную работу, вернув голым стенам жизнь. Что касается предмета моих поисков... Я видел комнаты, Эвитерра, что, признаю, познавательно, но причина нарушения потоков магии всегда заключается в людях. Имеется ли возможность увидеть всех обитателей замка?

— В данный момент они собираются на ужин.

— Если вы не против, проследуем в трапезную?

Мои планы на вечер были иными, но я все еще надеялась, что учитель удовлетворится инспекцией и уедет. Провести последнюю ночь в одной постели с Рейсом, не опутанным любовным приворотом, вот о чем мечталось. Может, как годы назад, в пронзительной тишине ночи король нависнет надо мной, легко прикоснется к губам, спрашивая разрешения, и будет неистово любить до тех пор, пока не стану беспрестанно шептать его имя.

— О чем вы задумались, Эвитерра? Ваши щеки покраснели.

Иногда мне казалось, что Илстин умеет читать мои мысли. По крайней мере, этот невозможный человек был слишком наблюдателен.

— Вспомнила бывшего любовника.

Илстин оставил мои слова без ответа.

Зал сиял огнями сотен свечей, на стенах пестрели разноцветные ленты, обитатели замка оделись особенно празднично и уже ждали нас, непривычно тихо сидя за длинными столами. Трон пустовал, как и стул Рейса по правую руку. Илстин величественно подал мне руку, подвел к позолоченному креслу, сам заняв более скромное, и тяжелым взглядом обвел присутствующих, отчего любопытные глаза опускались, вскоре все домочадцы смотрели в тарелку. Даже Мик был непривычно тих, хотя мне очень хотелось поймать взгляд мальчишки, удостовериться, что справился с заданием.

Я осознавала, что, скорее всего, предотвратить встречу двух самых значительных в моей жизни мужчин невозможно. Слухи в уединенном замке расходятся с быстротой пожара в сухом поле. Попросить сто человек скрыть присутствие Рейса я не в состоянии. Кто-то спросит о здоровье короля, отсутствующего на трапезе, кто-то не удержится от скабрезной

шутки о новом мужчине в моей постели. Я заранее приняла подобную возможность и подготовилась достойно встретить неодобрение учителя. Моих любовников он терпел и раньше, в постельные дела не вмешивался без необходимости.

Интуиция кричала о том, что постельные дела — это одно, а король Айнура — совершенно другое. Если я хоть немного знала учителя, то могла предугадать: он будет чрезвычайно недоволен.

Ужин прошел без происшествий. Потихоньку народ оттаял, и зал наполнился гомоном человеческих голосов, детским смехом, звоном посуды. Лейли, оглянувшись на меня, вышла с дудочкой. Сиенна первой отправилась танцевать, потянув за собой старшую горничную.

Илстин сидел с невозмутимым лицом, ел очень мало, но я чувствовала, как застыло его плечо подле моего.

Продолжая все так же пристально наблюдать за танцами слуг, Илстин решительным жестом взял мою ладонь и спрятал под скатертью. Я попыталась выдернуть, но его хватка была железной.

А потом он начал бережно разминать шершавым большим пальцем глубокие мышцы между пальцами, и тут уже я застыла соляным столбом, потому что опытные руки Илстина творили нечто, выдавшее меня с головой.

Магия искрилась бенгальскими огнями под скатертью, плыла и ластилась к ладони учителя. Мой позвоночник прошила вспышка ни с чем не сравнимого наслаждения от выхода скопившейся энергии.

Я вырвала ладонь, с силой сжала кулак и прижала к груди.

— Эвитерра... — глухо сказал Илстин, его губы дрожали. — Как долго вы пренебрегали массажем?

Отвернулась и промолчала. Учитель не терпел лжи, а я не хотела опускаться до оправданий.

— Поверить не могу, — прошептал Илстин, прикрыв глаза. — По крайней мере, три дня, если не четыре. Но это значит, что... Вы не... Он упустил свой шанс... Дурак, чуть не убил вас и всех нас. Эвитерра, — решительно сказал учитель, повернувшись ко мне, — нам следует поговорить наедине. Прямо сейчас.

Смутные подозрения вылились в догадку: Илстин знал!

«Он упустил свой шанс».

Сердце сжалось от тоски, ведь учитель был прав. Шанс завоевать любовь Рейса упущен, время истекло.

— О чем тут говорить, — судорожно вздохнула, утирая набежавшие слезы.

— Сейчас... — Илстин отшвырнул стул, протянул мне руку.

Я неосознанно вложила ладонь в горячие пальцы, оказалась прижатой к стальному телу.

— Открыть портал домой... — шептал Илстин. — Нет, ее потоки слишком нестабильны, нужно остаться в замке Вейнер. Могу не успеть...

Илстин подхватил меня на руки на глазах у изумленных слуг, помчался по коридорам так, что я испуганно прижалась к его груди. Что бы ни вело учителя, я привыкла доверять его суждениям. Тем более я отчетливо чувствовала — со мной что-то не так.

Рука, которую Илстин разминал под скатертью, ощутимо ныла, словно в плотине пробилась трещина и теперь вся огромная толща воды стремилась на волю сквозь крохотную щель. И я чувствовала давление магии, всплеск, идущий из самого ядра Эйды. Огромный вспухающий гриб грядущего взрыва, неконтролируемого потока магии, готового через мгновение прошить мое безвольное тело, иссушить досуха.

Последний артефакт.

Моя погибель, мой конец.

У Ннанди не будет ребенка, волшебники начнут выгорать один за другим, и хорошо если катастрофу удастся остановить, как семь лет назад.

— Я боюсь, — призналась, прижавшись к Илстину, ничего не видя от слез, застилающих глаза.

Давление ощущалось сотней молоточков в висках, пульсирующей болью в затылке. На лбу выступил пот, во рту пересохло. Рука ныла, болела и стала почти неощутимой.

— Потерпи, маленькая, — шептал Илстин. — Что же мне делать?

Я почувствовала под спиной прохладные простыни, увидела над собой вышитые золотом складки балдахина и бледное лицо Илстина, на котором выделялись лиловые глаза, полные обреченности.

Он нависал надо мной, не прикасаясь, держась на вытянутых руках.

— Что мне делать? — прошептала из последних сил, возвращая волшебнику его собственные слова.

У Илстина задрожали губы. Он тихо сказал:

— Мужчину. Зови мужчину, любящего тебя без памяти.

Отрицательно покачала головой. Сердце проколола раскаленная игла, из уголка глаза выкатилась слеза. Мир постепенно сужался под черной пеленой, а внутри взбухала неотвратимая близость выгорания.

Я вспомнила моего короля. Рейсвальда. Любимого, но не любящего меня.

— Нет. Никого нет.

— Я сгложусь? — тихо спросил учитель, словно заранее принимая отказ.

— Нет! — И сердце пропустило удар. Темнота почти поглотила меня. Я закрыла глаза.

И ощутила на своих губах чужие холодные губы. Тяжелое тело опустилось сверху, прижимая к кровати и даря временное облегчение.

— Даже зная, что противен тебе, не могу дать выгореть, Эвитерра. Потерпи меня, прошу. Я возьму на себя поток. Это твой единственный шанс.

Потом он поцеловал меня. Что это был за поцелуй! Жадный, настойчивый, глубокий. Илстин пил мои губы, вжимался в мое тело. Его язык ласкал бережно и нежно, чтобы через мгновение впиться неистовой страстью. Как он меня хотел! Его желание пожарищем взвилось к потолку, рассеяв тьму. Он весь горел, сила обрушившейся на меня страсти смела преграды, сбила дыхание, отшибла способность думать.

Сильные пальцы рвали платье, высвобождая тело. Ласкали разгоряченную кожу, предплечье, грудь, пока потоки магии не полились вокруг золотым сверкающим озером.

— Люблю тебя, Эви, если бы ты знала, как сильно тебя люблю...

Не давая возможности ответить или оттолкнуть, Илстин вновь впился поцелуем в истерзанные губы. Волна жара прошла по телу. Краем уха я услышала стук в стекло, словно кто-то кинул камешек в окошко.

Затем Илстин вошел в меня, и я забыла обо всем. Это было горячо. Это было необходимо. Это было спасением.

ГЛАВА 22

Не летайте ночами подглядывать за соперниками

Ева вышла из покоев, оставив короля без возможности вздохнуть. Голова раскалывалась, Рейсвальд метался по комнатам ведьмы раненым зверем и вспоминал, вспоминал, вспоминал!

Нет сомнений, Эвитерра являлась девушкой, которую Рейсвальд безумно любил.

И забыл, будто той никогда не существовало, на долгие семь лет.

Ударом под дых была неутешительная правда о влиянии магии на разум. Как гнусно осознавать, что у него отобрали самое дорогое, оставили щемящее чувство потери и пустоты, с которым он жил последние годы, не понимая причины.

Мягкость ее волос, податливость губ и тонкие руки, обвивающие шею, широко распахнутые глаза, глядящие с восхищением...

Отрезать, лишние эмоции мешают разобраться. Необходимо вспомнить все с самого начала, только тогда ранящие осколки воспоминаний сложатся в ясную картину.

Вернуться к первым шагам еще мальчишки, пройти по вязи жизненного пути. Что у него отобрали? Зачем? Кому мешала любовь будущего короля к тонкой девушке с грустными глазами?

К бездне, он не может сосредоточиться. Воспоминания о том, как распахнулись высокие ворота и он ввалился с умирающей Катрин на руках, натолкнувшись на острый взгляд восседающей на троне ведьмы. Что чувствовала Ева, когда мужчина, обещавший вечную верность, готов перевернуть мир ради другой.

Какой жуткий привкус во рту от горького зелья, голова наполнена жидким свинцом.

Вступая на престол, Рейсвальд поклялся самому себе держать данное слово. Уже тогда он был предателем.

Если бы она хоть намекнула!

Рейсвальд потер ноющие виски, осознав, что в осеннем лесу, представ в настоящем облике, Эвитерра надеялась услышать пусть хлипкое, но сожаление о трусливом вероломстве.

Руки сжались в кулаки от собственного бессилия. Рейсвальд всем

существом мечтал найти виновника этого коварного трюка с его памятью, сделавшего из него отступника, и вернуть тому полную меру содеянного зла.

Из-под сапог укатилось нечто круглое, бежевого цвета. Король нагнулся, поднял с мраморной плиты костяную бусину с вязью непонятных букв. Хмыкнул и положил подле зеркала ведьмы.

А потом с силой ударил кулаком в стену, прикрытую гобеленом, не замечая разбитых в кровь костяшек. Ярость требовала выхода, Рейса корежила беспомощность.

Как он мог противостоять силам магии, если даже не подозревал, что его околдовали?

За спиной раздался шорох, Рейсвальд резко обернулся и с удивлением увидел, как часть стены отходит в сторону, открывая неведомое помещение.

Непривычно пустое, скромное. Похожее оформление жилища король видел на рисунках далекого Ниихона — и в то же время был уверен, что подобного дома нет ни у одного народа в мире.

Потому что это была комната Евы.

Она рассказывала о прежней жизни, будто словами возможно удержать канувшее в Лету призрачное прошлое. Рисовала вот этот смешной одноцветный диванчик без вышивки, колченогий стул и черную поверхность приспособления для движущихся картинок.

Рейсвальд отчаянно желал хоть на мгновение увидеть чудеса, о которых рассказывала любимая. Что ж, в этом особенность Евы — она всегда исполняла его желания.

Король провел рукой по шершавой ткани дивана. Застыл перед диковинными картинами, где были запечатлены строения другой цивилизации.

Он почувствовал себя песчинкой перед изображенной на холсте громадой чудища из металла, возвышавшегося над городом. Или вот, коробки нагроможденных друг на друга этажей, выше самой высокой башни Бретеля. После великолепия чужой культуры — что нашла Ева в его мире? В самом Рейсвальде?

Король опустился в одно из кресел и позволил себе на мгновение представить, что это жилище — его дом. На стене тикали часы без гирь, в косых лучах, проникающих сквозь тончайшую ткань занавесок, плясали пылинки. Неведомая мебель оказалась намного удобней привычной. Рейсвальд внезапно осознал, что сама Ева была в чем-то похожа на эту комнату — в ней было мало напускного, она не скрывалась под покровом лжи и в своей непохожести была абсолютно уникальной. Еще тогда, семь

лет назад, Рейсвальд крепко уяснил, что второй такой девушки в мире нет. Он собирался сделать Еву королевой. Оставил лучших людей охранять ее, в то время как сам решился на невиданное — использовать помощь колдуна в борьбе за трон.

Люди были убиты или предали. Память о Еве ушла водою сквозь песок, и лишь трон достался как насмешка над прежней мечтою.

Смутные подозрения сложились в единую картину.

Не ты ли, великий волшебник Илстин, украл воспоминания о Еве, чтобы убрать лишнего соперника?

Ева сама сказала, что волшебники слишком корыстны для безвозмездных даров. Король заплатил за артефакт, подаривший трон, и теперь подозревал чем.

Был ли обмен добровольным?

От Евы Рейсвальд не отказался бы никогда.

Власть, богатство, наследство предков ничего не стоят без Евы.

Это единственное, что осталось у Рейсвальда от матери, — воспоминание о том, каково быть безусловно любимым.

Король поднялся с кресла, прошел дальше к грубому секретеру, сделанному руками ленивого столяра, без единой завитушки. Выдвинул верхний ящик и увидел любовно завязанную кожаную папку, синюю с серебром, толстую, с выглядывающими листами. С интересом вытащил ее на свет, развязал тесемки.

Золотой огонек магии появился среди страниц, змейкой обвился вокруг запястья, и уже через мгновение Рейсвальд лежал бревном на деревянном полу, таращась в белый потолок. Листы из папки разлетелись веером по комнате, опустились на пол вокруг обездвиженного короля.

Опять магия!

Ева же сделала его неуязвимым, чары спали, ушло любовное проклятие... Или все-таки артефакт оказался с подвохом?

Король не мог пошевелить и мизинцем, лишь неглубоко дышал, чувствуя, как немеет неудобно подвернувшаяся рука. Он ощущал магию как инородный предмет, охвативший тело, и в то же время путы казались знакомыми, на них словно был родной отпечаток той, которую Рейсвальд любил.

Невосприимчивость к чарам подарила Ева, может, у ее подарка свое условие? Он защищает от чего угодно, кроме магии хозяйки. Магия Евы все так же имеет власть над королем.

Рейсвальд закрыл глаза. Теперь у него есть время подумать над следующим шагом. Ярость требовала выхода, хотелось схватить за грудки

нежданного гостя, чтобы вытрясти из него всю правду о пропавших семи годах и «подаренном» артефакте.

Только последние слова Евы не давали покоя.

«Слушай внимательно: ни при каких обстоятельствах не попадайся на глаза Илстину, это мой прямой приказ, Рейс».

Нарушить приказ значило убить Катрин. К невесте король более не испытывал никаких чувств, кроме легкой брезгливости. Ей тоже следовало предъявить счет за покушение, но в действиях Катрин угадывались следы более мудрого и взрослого противника, который надеялся через рыжеволосую красавицу избавиться от короля.

Какая по счету попытка?

Не сходится... Если неизвестный приворожил Рейсвальда к Катрин, зачем ее смертельно ранить? Была ли стрела в груди невесты короля частью другого заговора?

Слишком много вопросов, но теперь на его стороне невосприимчивость к туманящим разум чарам. Рейсвальд на долю секунды отчаянно возжелал видеть Еву по правую руку от трона. Все заговоры разбивались бы об ее силу, как брызги воды о камень. Она стала бы его островком спокойствия среди бурлящей лавы дворцовых интриг.

Невозможность двигаться сводила с ума. Солнце медленно клонилось к горизонту, а король не был способен даже моргнуть. Он слышал, как Мик зовет его. Пронзительный голос мальчишки раздавался из спальни Евы за стеной, тот голосил, как глашатай на площади, орал имя короля на разные лады и никак не успокаивался, не услышав ответа. Рейсвальд подивился упорству Мика, но тот наконец принял поражение и утих. Ответить король не мог.

Сердце отчаянно стучало, мышцы бессильно вздувались в жажде действовать.

Рейсвальд бесился от осознания того, что его Ева ныне предстает радушной хозяйкой перед беловолосым подлецом. Она даже имя учителя говорила с особой интонацией, с придыханием, выдававшим сильное чувство.

«...ни при каких обстоятельствах не попадайся на глаза Илстину...»

Если бы Рейсвальд мог, то зарычал бы от досады. Отобранные семь лет Ева провела подле другого, прилежной ученицей. Король дико, до бешенства, ревновал. Украденные семь лет! Илстин наслаждался обществом Евы, в то время как Рейсвальда непрестанно мучило глухое одиночество, которое не перекрыли ни развлечения, ни власть, ни невеста.

Посмотрим, удастся ли стереть с лица великого волшебника

прилипшее выражение высокомерия. С превеликим удовольствием Рейсвальд опробует удар правой прямо в челюсть нежданного гостя.

Сколько стоит жизнь предательницы, приворожившей короля?

Нарушив приказ, Рейсвальд обречет Катрин на смерть. Заслужила ли она? Бесспорно. И все же король не мог вынести приговор бывшей невесте.

Должен найтись выход.

Отыскать способ быть рядом, оставаясь невидимым. Развеять сомнения и докопаться до правды.

Если Ева все еще любит его, если существует хоть малейший шанс освободить ее от учителя, нужно его отыскать.

Рейс с облегчением закрыл глаза. Обездвиживающее колдовство слабело, а в голове короля созрел план.

Стертые каменные ступеньки западной башни сами ложились под ноги королю. Сквозь узкие глазницы бойниц проникали закатные лучи. Рейсвальд не замедлил шаг, даже когда сверху раздался резкий писк, на грани слышимости, царапающий и неприятный.

«Этого не трогать ни в коем случае».

Остается надеяться, что ручной монстр Евы запомнил запах короля и наказ ведьмы.

Король рисковал, намереваясь попасть в западную башню в отсутствие хозяйки. Как Рейсвальд успел почувствовать на собственном опыте — магия Евы все еще имела над ним власть, а охранные чары на артефакте могут быть похлеще наведенных на папку с портретами.

Если Милаха решит, что король представляет опасность, то от похитителя артефактов останутся лишь обглоданные кости.

Все это не имело значения, потому что Рейсвальда вело вперед воспоминание об увиденных в папке портретах.

«Она приходит в секретную комнату иного мира смотреть на самое дорогое — потерянных родных... И на меня».

Портрет Рейсвальда лежал в папке последним. Молодой король был изображен стоящим на балконе собственных покоев и смотрящим на расстилающийся внизу город. Неизвестный художник не приукрасил черты по столичной моде — на портрете была изображена горькая складка в уголке губ и нахмуренные брови. Платой Рейсвальда за корону стали бессонные ночи, и он не мог понять, откуда внутри постоянно гложащая необъяснимая тоска. Знал бы он тогда, что Ева следит за ним... Если есть хоть малейший шанс уговорить ее последовать за ним в столицу, Рейсвальд готов на все.

Не попадаться Илстину на глаза... Что ж, эту игру тоже можно выиграть, если не бояться встретиться лицом к лицу с гигантской летучей мышью с ласковым прозвищем.

Окованная железом дверь была чуть приоткрыта, словно башню навещали сегодня во второй раз. По крайней мере, Рейсвальд отчетливо помнил, что Ева тщательно закрыла дверь после раздачи артефактов. Значит, не одному королю пришла в голову гениальная идея вернуться за артефактами. И, возможно, неведомые посетители находятся там в эту самую минуту.

Стараясь двигаться бесшумно, король прислушался. Кроме ужасного визга-скрипа, ни голосов, ни шума шагов. Рейсвальд осторожно потянул дверь на себя и был сбит с ног урчащим существом, пытающимся шарить щекотным пяточком по карманам и складкам.

— Туда не лезь! — прикрикнул король, отодвигая ушастую голову от бедер.

Милаха послушно слез с Рейсвальда и, ковыляя, утопал к насесту, где взмахнул кожистыми крыльями, мгновенно наполнившими все пространство комнаты на верхнем этаже западной башни. Через мгновение монстр посапывал, свесившись с перекладины вниз головой, похрюкивая и поблескивая острыми клыками.

Посреди ковра восточной работы все так же переливалось радугой перо под стеклянным колпаком на постаменте, притягивая взгляд. Решительным шагом Рейсвальд подошел к заветному артефакту, поднял стекло, не оборачиваясь на стража за спиной. Если Милаха признает в Рейсвальде вора, короля ничто не спасет.

Прозрачное перо чуть трепетало от невидимого ветра, осыпая кожу на запястье радужными всполохами. Рейсвальд осторожно взял очин двумя пальцами, на ощупь тот был прохладен, как хрусталь. Король закрыл глаза и с невероятным чувством в груди представил себя незаметной легкой птахой.

Милаха приоткрыл красный глаз, наблюдая за метанием по комнате неуклюжего воробья. Тот припадал на одно крыло, судорожно вспархивал, чтобы врезаться в корешки книг, смешно ковылял по ковру, чтобы тут же попытаться взлететь вновь.

Хищнические инстинкты заставляли Милаху пристально следить за тщедушным пернатым тельцем. Фрикс даже подумал перекусить, но он сегодня переел магии, тело было тяжелым, и монстра клонило в долгий сон. Хозяйка расстроится, если фрикс ослушается, не погладит и не назовет хорошим мальчиком. Людей есть нельзя, даже когда они прибегают в

обличье аппетитной морской свинки с лоснящейся ореховой шерстью.

Наконец пичуга вылетела в окно, и Милаха с облегчением позволил себе заснуть, более ничем не тревожимый.

Мир глазами птицы оказался огромным, полным незнакомых запахов и звуков. Новое тело плохо слушалось Рейса, или, может, разум человека сопротивлялся заточению в тщедушном тельце с судорожно бьющимся сердечком.

В темной громаде замка весело светилось всего несколько окон. С невероятным усилием, наперекор потокам ветра, король спикировал туда, где скопление огней было наиболее ярким, рассудив, что Ева должна присутствовать на ужине.

В тронном зале царил беспорядок. Вместо привычных танцев люди разделились на группы и то шептались, то вскрикивали. Остывали нетронутые блюда, маленькие дети пронзительно ревели, забытые матерями, но самое главное, Рейсвальд усмотрел пустующий алый трон и похолодел.

Воробей залетел внутрь через открытую форточку, притаился среди толстых незажженных свечей канделябра в углу.

— Конец нашей благодетельнице-э-э... — ревела младшая повариха.

— Тише, глупый невежда! — рыкнул, подкручивая усы, Массиро. — Великий волшебник унес госпожа в руниклю, он знает, что делать!

Массиро от волнения позабыл айнурский язык, вставлял слова на ахтском и говорил с жутким акцентом, что указывало на крайнюю степень тревоги. Начиная догадываться, что таится за неведомым «руниклю», Рейсвальд взмыл к потолку и направился к форточке, надеясь, что любимая все еще в замке.

Неужели, пока он валялся обездвиженный, Илстин успел умыкнуть Еву — на день раньше, чем собирался?

Рейсвальд порхнул в ночь, пахнущую прелой травой и морозом. Поднялся в бархат темноты, судорожно работая крыльями. Он летал вокруг замка, заглядывал в окна, стремясь отыскать ту единственную, что занимала все его мысли. Пустые комнаты, спящие между вахтами стражи, лихорадочно собирающие пожитки слуги постарше, умудренные опытом, понимающие, что, когда в днище корабля разверзлась щель, пора бежать. Рейсвальд работал крыльями, отыскивая приметный балкончик на северной стороне. Спальню ведьмы.

Знакомые белые с золотом покои были ярко освещены, и взору Рейсвальда предстала Ева, его Ева на кровати, объята золотым пламенем.

Над нею навис колдун, ухвативший любимую за запястья. Король видел, как она отрицательно покачала головой и закрыла глаза, но Илстин поймал ее уста для поцелуя.

Рейсвальд вспомнил ночной кошмар, в котором неведомый враг нагоняет его с мечом наперевес, а тело отказывается слушаться, хлипкое и беспомощное. Душу заполняет страх, но пошевелиться невозможно, и остается лишь смотреть до конца, как занесенный клинок впивается в плоть, как льется алая кровь. Пробуждение выдергивает из мутного марева с тяжелой головой, потом на висках, колотящимся сердцем и сбитым дыханием.

Теперь этот кошмар настиг Рейсвальда наяву, давя ощущением неизбежной катастрофы. И увиденное было хуже, чем меч... Словно зачарованный смотрел он, застыв каменной статуей, не в силах избавиться от липкого ощущения краха всех надежд. Лютая ревность жгучим огнем прокатилась по легким косточкам птичьего тела. Король бы хотел отвернуться, но не мог, впился коготками в подоконник и смотрел на любимую в объятиях другого. Смотрел, как беловолосый колдун неистово берет на постели Еву, как потом обнимает ее, гладит нежную кожу, шепчет на ухо признания в любви. Слова перемежает поцелуями, нежными и легкими, как пух.

Сильные эмоции отрезали от птичьего тела человеческий разум. Воробей бился клювом, раз за разом таранил непреодолимую преграду.

Стук-стук клювом и коготками, шелест сминаемых крыльев, еле слышный писк бьющейся о стекло птахи.

ГЛАВА 23

Не выбирайте между велением сердца и долгом

Я проснулась от резкого стука о стекло. Вернее, нечто выдернуло меня из забытья, заставив подскочить с кровати с лихорадочно бьющимся сердцем. Тело казалось непривычно легким, во мне бурлила энергия, но в душе было пусто и горько, как после совершенной ошибки.

Та самая ошибка лежала рядом, раскинувшись на кровати с умиротворенным выражением лица. Глядя на это лицо, я непроизвольно вскрикнула и прикусила костяшки.

Никогда не видела учителя без личины.

Светлые кудри, рассылавшиеся по подушке. Аристократические черты лица потомственного правителя: ровный нос, волевой подбородок, чуть полная нижняя губа. Илстин был точной копией Рейса, я даже на мгновение поверила, что каким-то чудом король и учитель — одно лицо. Но нет, если присмотреться, разница видна — учитель чуть шире в плечах, другой масти, без поросли на груди...

Братья, они же родные братья! Аривельда была влюблена в отца Рейса, короля Биртваильда. Она сама сказала, а я не догадалась сопоставить факты.

На тумбочке подле кровати переливался и сверкал перстень, весь выточенный из бриллианта, так и искрившийся магией. Одного взгляда хватило, чтобы опознать новосотворенный артефакт.

Илстин выполнил обещание. Забрал всплеск магии, предназначенный мне, спас от выгорания ценой собственных сил.

Меня мучила благодарность, не принося облегчения, а лишь разжигая злость. Я чувствовала себя преданной, а не спасенной. Доверие к человеку, ставшему моим наставником, опорой, другом, было разрушено.

Я не хотела его любви. Или хотела?

Опять стук и слабый писк, мешающий погрузиться в пучину жалости к самой себе.

Вскочила с кровати, накинула халат на голое тело и бросилась в темноту ночи на балкон.

На мраморных плитах шебуршился окровавленный комок перьев. Узнав собственную магию, я вскрикнула:

— Рейс!

Поймала воробья в дрожащие ладони. Клюв сломан, крылья не складываются, и лишь в хвосте торчит нетронутое радужное перо. С превеликой осторожностью я опустила на колени и выдернула артефакт, стараясь не причинить боли. Птица разрослась длинной тенью, на подрагивающих руках оказался бездыханный король. Я приложила ухо к груди, слышала быстрый стук сердца.

Внутри ледяным озером позора разлилось понимание того, что Рейсвальд видел меня с учителем. В памяти пронесся обрывок вечера, вспомнила, как потянула на себя Илстина, как прижималась к горячей груди.

Зачем? Мать-волшебница, как же стыдно и горько. Будто изменила любимому, хотя нас ничто не связывает. Рейс все еще помолвлен с Катрин, на рассвете нас ждет расставание.

Слезы закапали из глаз на изорванный камзол. Король пах кровью и потом, я судорожно обнимала его, не желая отпускать.

Погладила кудрявую темную голову, провела по сломанному носу, заживляя кости, убрала кровавую дорожку над губой. Рейсвальд задышал ровнее, открыл глаза, судорожно вцепился в меня.

— Ева... Прости меня, Ева.

— Рейс, — ласково сказала я, всхлипнув, — что же ты наделал? Зачем?

— Отмени приказ, Ева, — внезапно твердо сказал он. — Мне следует поговорить с твоим наставником.

— Все, что пожелаешь, Рейс, только прошу, будь осторожней. Мне плохо от одной мысли, что могло произойти, не скажи я Милахе не трогать тебя ни в коем случае. Ты хоть понимаешь, как опасны фриксы?

— А ты понимаешь, Ева, что натворил великий волшебник? Он забрал мою память, любимая, взамен на артефакт согласия. Я не вернулся за тобой, не искал встречи, обручился с другой, потому что Илстин вырвал встречу с тобой из моего сознания.

— Нет... — Я покачала головой, пытаюсь осознать сказанное. — Что это значит, что ты говоришь?

— Я люблю тебя Ева, только тебя, и всегда любил. Но с тех пор, как нанес визит великому волшебнику, — не помнил.

— Погоди, Рейс, я ничего не понимаю, — жалобно попросила я, уперлась ладонями в его грудь. — Откуда ты узнал о заклятии? Зачем это понадобилось учителю?

— Ты напоила меня зельем, снимающим чары. Память вернулась, Ева, показав неприглядную правду. Я полностью принимаю вину и не молю о

пощаде. — Рейс опустил голову, взял мои ладони. — Я клятвопреступник. Обещал быть верным, любить вечно, хранить тебя — и не исполнил ни одно из обещаний.

Я зажала рот ладонями, не в силах осознать сказанное королем. Рейсвальд не разлюбил встреченную в лесу попаданку, бросив в придорожной таверне. Он был околдован. И я поняла бы это, если бы удосужилась поговорить с ним лицом к лицу в любой момент за последние семь лет. Почему я не осознала этого раньше? Зачем лелеяла обиду и глупую гордость? Мне легче было поверить в то, что я недостойна любви, чем за нее побороться.

Семь лет пустоты, горечи, тоски...

Не могу осознать, что учитель сотворил со мной подобное.

«Люблю, Эви, если бы ты знала, как сильно тебя люблю».

Я передернула плечами. Любовь Илстина оказалась жестокой. Неужели он хотел устранить соперника?

— Зачем он разлучил нас? — вытирая слезы со щек, спросила Рейса.

— А вы скоры на расправу, — раздался из темноты спальни холодный голос. — Пока я спал, меня обвинили, судили и вынесли приговор, не дав возможности защищаться.

Илстин выступил под свет полной луны, заливающей балкон. Мать-волшебница, вылитый Рейс, только белокурый, чуть выше и двигается резче. Внешность учителя застала врасплох короля. Рейсвальд вскочил, его рука зашарила на боку в поисках отсутствующего кинжала.

Учитель специально встал лицом к свету, давая нам обоим возможность изучить невероятно похожие на королевские черты лица. Он был без рубахи, только в свободных штанах, лунные лучи обрисовывали сильное тело. Я отвернулась, смутившись отметин, оставленных мной на белой коже учителя. Он был красив, впрочем, это я всегда знала. Красив и жесток, но неужели настолько, чтобы подлостью разлучить с любимым?

— Рейсвальд, — учитель повернулся к королю, прижимая кулак к груди, — теперь, когда спали чары, признайся, ты помнишь меня?

— Помню. — Король выглядел растерянным. — Ты приходил ко мне во снах.

Двое невероятно похожих мужчин, беловолосый и черноволосый разглядывали друг друга, стоя на расстоянии вытянутой руки.

— Ты брат мне, Рейсвальд. По матери и по отцу, родной брат. Я никогда бы не причинил тебе вреда. Наоборот, Рейсвальд, с самого рождения моим долгом было оберегать драгоценную королевскую особу от опасностей, к которым ты неустанно стремился. Стоять невидимой тенью

за твоей спиной, нарушая кодекс чести волшебников. Нам нельзя вмешиваться в политику, но ради тебя мать преступала через запреты, а за ней и я. Удобно сделать виноватым в собственной ветрености того, кто семь лет держал на расстоянии любимую, не смея приблизиться. Ради тебя. Потому что не хотел мешать твоему счастью, реши ты передумать и не жениться на Катрин. Не смей бросаться обвинениями в том, что я обманом решил заполучить ее. Если бы хотел, давно бы сделал!

— Брат? Невозможно! — Рейсвальд отрицательно покачал головой.

— Младшенькому следует объяснить, откуда появляются дети? — Илстин заломил бровь. В гневе он становился невыносимым. — Наша мать, Аривельда, простила отцу скоротечный политический брак с другой. После рождения нашей старшей сестры, Сильвины, и смерти первой жены отца был зачат я. Об этом дворе, естественно, не было известно. А когда Биртвайльд понял, что может остаться без наследника, Аривельда согласилась на роль королевы.

— Мама была ведьмой? Слухи говорили о другом... — Рейсвальд обреченно покачал головой, а я пожалела, что была не в курсе истории его матери.

— Слухи ее и сгубили, — кивнул Илстин. — Фрейлины, герцогини и графини оплели маму паутиной лжи, интригами растоптали репутацию, превратив в посмешище.

— Она изменила отцу.

— Это версия, рассказанная при дворе. На самом деле все было несколько иначе. Аривельду выжили из дворца, она была вынуждена оставить тебя в Бретеле как наследника престола, но никогда не забывала.

Рейсвальд облокотился о перила, устало потер переносицу.

— Значит, не привиделось... Она и вправду приходила ко мне ночами.

— Мама много чего ради тебя сделала, как и я. Слышать обвинения в постыдном малодушии и обмане от ближайшего родственника ниже моего достоинства. Посему откланяюсь.

Илстин поклонился, словно не стоял полуголым на ночном балконе, а находился на званом приеме у королевы Виктории.

— Стой! — резко сказал Рейсвальд, и повелительные нотки в голосе заставили моего наставника застыть на месте. — Что же стало платой за артефакт, вернувший трон?

— Плата? — презрительно переспросил Илстин. — Не все в этом мире покупается и продается, братишка. Артефакт правды создала наша мать, перед тем как выгореть, наказав передать младшему сыну. Отдав его, я исполнил долг перед нею.

Я стояла в стороне, не вмешиваясь в разговор братьев, пытаюсь разобраться в собственных чувствах. Никогда в жизни не видела я учителя столь взбешенным. Нет никакого сомнения в том, что он говорит правду. Мне вспомнилось нездоровое любопытство Аривельды в отношении Рейсвальда, замеченного в моей постели.

«Вживую он лучше, чем на портретах...»

Как и всякая любящая мать, она следила за жизнью сына издалека. Заточенная после выгорания в хрустальном дворце, она собирала портреты короля, зная, что никогда его не увидит вживую. Неудивительно, что она прильнула к хрустальному шару, пытаюсь рассмотреть Рейсвальда.

Аривельда не хотела для меня повторения собственной судьбы. Ведьмам не место среди дворцовых интриг. Мы живем эмоциями, нам жизненно важна близость надежных людей, которым можно доверять. Мы не умеем лгать, изворачиваться, лицемерить. Магия может защитить от прямой угрозы, но от человеческой злобы золотое сияние не защитит.

Неудивительно, что Аривельда просила быть поласковой с Илстином. Она знала о его любви, в то время как я считала ее слова блажью старухи, принимающей желаемое за действительное. Может, она забрала память у сына, чтобы не мучился любовью к ведьме?

Я отвернулась в ночь, тяжело дыша, стараясь отгородиться и от колкой ярости Илстина, и от собственнического взгляда Рейсвальда.

Илстина мне было безумно жаль. Словно плотину прорвало, и теперь меня заполняли доселе сдерживаемые чувства в отношении учителя. Выходит, он держал меня на расстоянии, чтобы не увести у брата? Как же это мило и благородно, так по-рыцарски... Если бы только не хотелось регулярно убить Илстина, чтобы избавиться от нападок. Только подумать, все это время он любил меня... Учителю удалось создать превратное мнение о своей персоне, благо Ил всегда справлялся с поставленными задачами. Я бы ему жизнь доверила.

Рейсвальд... Мать-волшебница, тут даже страшно дышать, чтобы не нарушить звенящее в сердце счастье. Он меня любит! Хочется прыгать, как девчонка, и кричать на весь мир, что король все-таки меня любит! Как в сказке — на нем было черное-пречерное заклятие, из-за которого он меня забыл...

Проблема в том, что за семь лет в тени нелюбви Рейса я устала. Банально устала от изматывающей безответной любви, и во внезапную верность короля не верилось. Намного привычней было видеть его равнодушие. К нему я привыкла и приняла, а вот любовь воспринималась как нечто новое, опасное, способное причинить гораздо большую боль.

К тому же мне не до личной жизни.

В ближайшие девять месяцев мне следует не устраивать личную жизнь, а затаиться где-нибудь, чтобы магия успокоилась, а Ннанди выносила малыша.

Тяжело вздохнув, я развернулась и натолкнулась на внимательный взгляд обоих мужчин. Ил смотрел с тревогой, Рейс открыл объятия. Выставила руки, отгораживаясь от обоих.

— Мне нужно побыть одной.

— Будь осторожна! — кинулся Ил.

— Позволь быть рядом! — крикнул Рейс, они заговорили одновременно, но я обернулась птицей и взмыла вверх — испить вкус ночного ветра, охладить голову.

Внутри царила усталая опустошенность, магия молчала, покорная выгоревшим эмоциям. Замок спал, в свете луны серебрилась выпавшая на скошенные поля изморозь, чернела громада леса.

Я думала об обоих. При мыслях о Рейсвальде то и дело порывалась спикировать вниз и испить вкус его поцелуя, потом вспоминала, что он еще помолвлен. И отчего-то злилась на то, что он не вернулся за мною в таверну, хотя злость давно должна была выгореть. Но нет, чувствовала, что если увижу короля, то выскажу все о вонючей темнице, где меня заковал сарнирский выродок, воспользовавшись тем, что я еще не властна над даром. Как меня пытали ради артефакта, растягивали на дыбе, загоняли иглы под ногти, и я создала от безысходности меч, разящий в цель, и меткий дротик, не умея справиться с магией. Спасибо никто на честь не посягал, так как любой физический контакт был запрещен, чтобы дестабилизировать магические потоки. Вот откуда достал меня Илстин, отмыл, успокоил, вытянул из затяжной депрессии.

А я что? Любила Рейсвальда еще сильнее, несмотря на то что сто раз должна была забыть. Ил был рядом, надежный и холодный, но я не смотрела на него как на мужчину. А теперь все, пути назад нет, и я больше не смогу видеть холодного учителя, всегда буду помнить его страстность, лихорадочные поцелуи, словно он стремился урвать любой клочок нежности.

Если не Ил отобрал у Рейсвальда память, то кто? Аривельда? Сарнирский король, как часть задуманного похищения глупой колдуньи? Кому может быть выгодно разбитое сердце бешеной ведьмы?

И как можно злиться на человека, не виновного в том, что его настигло заклинание. Как будто у людей есть защита от магии.

Еще немного покружившись под светом звезд, я, приняв

окончательное решение, спикировала вниз и вошла в белые покои уже человеком.

ГЛАВА 24

Держите себя в руках, госпожа ведьма

Впустив в спальню морозный воздух, я притворила дверь и прислушалась к тишине. Тихое дыхание Рейса я узнала бы из тысячи. Король, устав ждать, заснул в кресле, Илстина нигде не было. Сердце екнуло от досады.

Я подошла к зеркалу, уселась на низкий пуфик. Вздохнув, достала расческу с крупными зубьями и острые ножницы. Не важно, что день проехался по мне тяжелым товарным составом, волосы необходимо стричь.

Распустила тяжелую косу, позволив русым прядям вольготно рассыпаться по мрамору пола. На личину сил не было, из зеркала смотрело мое круглое простецкое личико.

— Позвольте причесать вас, госпожа.

Проснувшийся Рейсвальд стоял за моею спиной. Мы встретились взглядами в зеркале, и я отвела глаза.

— Я надеялась, что мы вернулись к обращению на «ты», — отметила, показывая на расческу.

Рейс бережно взял в руки волосы, провел гребнем по голове, даря облегчение. Я закрыла глаза и откинулась назад. Прикосновения короля все так же будили бурю эмоций. Его запах, близость, осторожные касания сводили с ума.

В тишине комнаты шуршал гребень по волосам, тихо переступал с места на место Рейс. На мгновение я почувствовала его дыхание на шее, и в ответ по позвоночнику пронеслась сладостная волна.

Расческа вернулась на поверхность трюмо, король взял в руки ножницы, а я потянулась вперед за стеклянной банкой. Пальцы нащупали круглую бусину, я поднесла ее к глазам и узнала одно из костяных украшений, что Маро любила вплетать в кудри. Видимо, слетела во время визита.

Стоп. Это Илстин побывал в спальне, а вот Маро я в покои не водила, ограничившись западной башней, парадным залом и гостевой. Что тут делает ее бусина?

— Рейс, что это? — буднично спросила короля.

— Отыскалось на полу, госпожа, а что за безделица — мне неизвестно.

Я сжала бусину в кулаке и решила разузнать до конца ее

происхождение, тем более что ярко вспомнилось, как выкатился из волос Рейса круглый предмет, стоило отпить зелья невосприимчивости к магии.

«Не буду об этом думать. Слишком больно».

— Рейс, отчего ты все еще зовешь меня госпожой?

— Ева, вы — госпожа моего сердца. Ваша власть надо мною простирается далеко за пределы договора.

— Прости, вся затея с исполнением прихотей была блажью. Мне стыдно за договор, — опустив голову, сказала я и шепотом добавила: — И стыдно за эту ночь.

— Не имею права судить вас, Ева. Страшусь одного — что никогда не простите нарушенных клятв.

— Ты слишком хорошо понимаешь меня, Рейс. Даже под действием заклятия мне казалось, что я говорю с родственной душой. Когда мы вместе, одиночество отступает за очерчиваемый тобой круг света.

— Даже под приворотом, увидев вас, не мог думать ни о ком другом.

Мы замолчали. Я подождала, пока Рейс аккуратно отстриг волшебные пряди и разместил по банкам. Затем встала, поправила на груди халат и твердо сказала:

— Не было в моей жизни ничего хуже расставания с тобой. Поверь, Рейс, есть с чем сравнивать. Отрывать тебя — кромсать живую плоть.

— Нет, Ева! — остановил меня король, понимая, куда ведет разговор. Он угадал, без труда читая мои намерения.

— Да, — со слезами на глазах призналась я. — Мы расстались семь лет назад, пора каждому из нас отправиться своей дорогой.

Рейсу не стоило знать, что принятое решение диктуется близким концом. Я конченный человек. Выгорание неминуемо — маховик вертится и желает заглотить не только меня, но и окружающих.

Бриллиантовое кольцо на тумбочке подле спящего Илстина, стоило представить его, переливалось гранями и слепило, не давало покоя. Драгоценный артефакт, сотворенный учителем, стремившимся защитить меня от выгорания. Великий Илстин необходим Эйде как воздух — на нем держится ковен волшебников, в нем надежда волшебных существ. Бриллиантовое кольцо приблизило и его на одну ступень к выгоранию, чего я не могла позволить. Потерю одной незадачливой волшебницы переживут, Эйда пошлет новую взамен, умнее и способней. А равного Илстину нет и не будет.

Хватит цепляться за сильных мужчин, перевешивать на других свои проблемы. Меня тошнит от собственной слабости.

«Ах, я люблю короля, а он меня нет. Какая трагедия!»

Закуталась в несчастную любовь, как в белое пальто, позволявшее проявлять слабость.

Но я сильная, я со всем справлюсь.

Позволила магии протечь сквозь пальцы золотым потоком. Послушным щенком полилась она, складывая пространство надвое писчим листом. Посреди спальни замерцал портал, открывая окно в спальню короля, находящуюся в столице Айнура — Бретеле.

«Так и не испробовала сладости его поцелуя», — пронеслась полная сожаления мысль, но я ее прогнала.

Рейс не отреагировал на прозрачный намек на неуместность дальнейшего пребывания в замке Вейнер. Заломил бровь, словно перед ним придворный шут, показавший неудавшийся фокус.

— Это розыгрыш? — хмыкнув, спросил он.

— Я не в духе для шуток, Рейс.

— Ева, — мягко пожурил он, — ты и вправду считаешь, что сейчас я откланяюсь и уберусь с глаз долой в весьма впечатляющий портал, как ненужная вещь? Воистину, в считанные дни ты стала принимать покорность за слабость, забывая, что перед тобой мужчина и король.

— Чего ты хочешь? — устало спросила, мечтая о передышке.

— Разве мои признания не были услышаны? Я желаю разделить с тобою жизнь, Ева.

— Место короля на троне его страны.

— К черту корону!

Никогда раньше не видела Рейса взбешенным, но тут его лицо исказила гримаса ярости. Вскочив с места, пружинистой походкой он обошел портал и встал напротив меня, крепко ухватив за плечи.

— Я люблю тебя, Ева! Пусть нас разделяют семь украденных лет, ты — мое дыхание. Я ничто без тебя. Убери портал, перестань отводить глаза, смотри на меня! Забудь о сегодняшней ночи, мне все равно, кто держал тебя в объятиях, главное, чтобы с этого момента твоим единственным мужчиной стал я.

Признание выбило из меня воздух, оставив выброшенной на берег рыбой. Сколько раз мечтала услышать от Рейса заветные слова, но когда они прозвучали вслух, мучительно придумывала весомый отказ, который заставит короля покинуть мою спальню и жизнь.

— Рейсвальд, как ты повторял неоднократно, — хрипло прошептала, повиснув в его руках тряпичной куклой и глядя исподлобья, — нерушимое слово короля дано другой. У тебя есть невеста, и пока вы официально помолвлены, признания звучат по меньшей мере фальшиво, а по большей

— бесчестно. Твой долг разобраться с Катрин и лишь потом требовать от меня каких бы то ни было обязательств.

Король побледнел, глядя на меня невидящим взглядом человека, не ожидавшего удара. Разжал сжимающие до боли пальцы и отступил на шаг, словно обжегшись.

Сожаления от жестоких слов во мне даже не шевельнулось — я не собиралась тянуть его в трясины, неумолимо засасывающую меня. Наглядный опыт показал, что Рейсвальд способен на счастье с другой. Эгоистично привязать его к ведьме, чей срок скоро выйдет.

Не давая Рейсвальду времени на раздумья, я обманным маневром прошмыгнула ему за спину и изо всех сил толкнула прямо в зев портала, который мгновенно сжался, сладко чавкнув. Волшебники сильнее обычных людей, в наших мышцах поет магия, и у короля не было ни малейшего шанса устоять.

Я осталась в белоснежной спальне совершенно одна, с ноющим от тоски сердцем. Боль манила отдаться слезам, рухнуть на колени и предаться отчаянию, но я не позволила себе подобной слабости.

Слишком много вопросов.

Выкатила на середину комнаты хрустальный шар на треноге. Села напротив него, плотно стиснув зубы и еле дыша от накатывающей волнами злости. Пальцы вертели костяную бусину, а мозг холодно продумывал серию вопросов, призванных вывести «подругу» на чистую воду.

«Маро! Хоть бы это оказалась не ты!» — подала голос неувядающая надежда.

Легко обмануть человека, желающего быть обманутым. Я хотела жить в замке-мечте, стоящем в сказочном мире, окруженная верными друзьями. Увы, предстоит разбить еще одну иллюзию.

— Маросдиль! — повелительно прошептала я и тут же увидела в хрустальном шаре кудри, увитые бубенчиками и бусинами.

Великолепная ведьма спала одна в роскошной кровати под прозрачным балдахин. Моего вызова она не ожидала, но, услышав голос, тут же расплылась в искренней улыбке.

— Эви, солнышко, — сонно прошептала она, — Ваня тебе спать не дает?

— Кое-что другое, — не своим, стальным голосом ответила я, сжимая теплую бусину. — Хотелось вернуть тебе несущественную мелочь, оставленную в волосах Рейсвальда. Узнаешь?

По тому, как встрепелась Маросдиль, как бледность залила румяное лицо, глаза забежали, а руки судорожно сжали шерстяное покрывало, я с

болью поняла: она.

В голове еще не укладывалось — зачем, но разум стремительно настроился не верить ни единому слову той, что на протяжении семи лет врал молчанием. Только подумать, Маро знала все о моей любви к Рейсвальду. Ей я жаловалась на его вероломство, на тоску. Маро утешала меня, призывала появиться перед ним в новом облике, строила со мной планы по завоеванию короля, которые я никогда не претворила в жизнь из-за гордости. Моя ближайшая подруга, надежное плечо, почти сестра.

Я не знала, что ей сказать. Не хотела выслушивать пошлые отговорки. И еще меня испугала порвавшаяся внутри струна и пошедшее рябью озеро магии глубоко внутри.

Мне нельзя нервничать из-за предательства подруги. Последует еще один выброс магии, только на сей раз Илстина не будет рядом, чтобы принять на себя потоки.

— Прощай, — прошептала я одними губами, стараясь глубоко дышать на счет «четыре».

Один-два-три-четыре, вдох, один-два-три-четыре, выдох.

— Эви, не смей уходить, ты нафантазируешь себе ужасное, хуже произошедшего! Да, я забрала воспоминания о вашей предыдущей встрече, но тебе ничто не мешало создать новые. Ты не хотела возобновить с ним отношения, хотя вам ничто не мешало.

У меня не было сил ответить. Банально раскрыть рот и сказать слово казалось непосильной задачей. Разочарование ширилось и пенилось в груди. Надеяться было не на что, но Маро удалось выбить у меня почву из-под ног. Вместо того чтобы признать свою вину, она еще смела переводить стрелки на меня? Словно я виновата в том, что мы с Рейсвальдом были разлучены?

— Пожалуйста, не уходи! — Она пригладила волосы и села ровнее перед хрусталем. Губы Маросдили дрожали, черные глаза лани полнились слезами. — Я говорю совсем не то, Эви. Все собиралась признаться, но не могла, я же трусиха, ты знаешь меня. Мне легче промолчать, чем признаться в оплошности.

Рука поднялась отключить связь, но я почему-то медлила. Сама не зная почему. Нужно было, но я не могла.

— Ты просто не понимаешь, что мы пережили семь лет назад. Потеря Аривельды, Чи-Линга — катастрофа следовала за катастрофой. Илстин зафиксировал появление новой, неинициированной ведьмы, но мы искали тебя месяц без всякого успеха. Рианнис чуть с ума не сошла, Фуэртес метался в ярости, все без толку. Мы бились над картой, стараясь отыскать

место выхода, теряя надежду, и тут Илстин заявляет о появлении айнурского принца, затем выходит прочь из зала советов, как будто мы не судьбу Эйды обсуждаем. Естественно, я последовала за ним послушать разговор. Не могла понять, что такого важного в обыденной просьбе принца заполнить власть.

Маро потеряла лоб, покрутила один из черных локонов на пальце, прикусив губу. Даже сейчас, бледная и сонная, ведьма была прекрасна. Ночная рубашка обрисовывала пышную грудь, волосы непослушной гривой спускались на белоснежное плечо.

— Илстин щелкнул пальцами, снимая защиту со шкатулки, где хранился артефакт правды, оставленный Аривельдой. Представь мое удивление, когда принц заявил, что видел похожее золотое сияние вокруг рук возлюбленной. Я вся задрожала от облегчения, поняв, что наконец мы нашли тебя, но принц заявил, что собирается сделать тебя королевой.

Маро заплакала, закрыв лицо ладонями.

— Стыдно, мне стыдно за то, что я сотворила, но, Эви, пойми, если бы Рейсвальд забрал тебя, ты бы никогда не освоила дар. Магия бы разорвала тебя изнутри, и пришлось бы в любом случае расстаться с королем. Я всего лишь хотела дать шанс закончить обучение и лишь потом выбрать собственную судьбу. Я умоляла Илстина остановить Рейсвальда, но он отказался влиять на брата. Бусина забвения всегда со мною, мой первый артефакт, ты ведь знаешь, как я стыдилась своего прошлого. В тот момент мне показалось наилучшим решением заставить принца забыть о вашей встрече. Кто же знал, что тебя уже похитил сарнирский ублюдок. Эви... Эви, ну скажи же хоть что-нибудь...

Я знала Маросдиль всего семь лет, но за это время она стала мне ближе сестры. Казалось, она делилась со мною горем и радостью, ставила мои интересы впереди своих, служила надежной опорой. Внезапно меня озарила мысль, что таким образом Маро заглаживала свою вину. Она чувствовала долг передо мной и выплачивала как могла.

Дрожащий купол готовый пролиться силы покрылся рябью и опал. Я могла понять мотивы великолепной ведьмы. По-своему она не желала зла, старалась по мере сил уменьшить причиненное горе.

Осадок остался, и он не рассосется, так как Маросдиль оказалась недостаточно отважна, чтобы признаться самой.

— У каждого человека свои слабости, — онемевшими губами ответила я бывшей подруге. — Я не могу простить, когда кто-либо навязывает свою волю, не испросив моего согласия! Я одна должна была решать, жить ли с Рейсвальдом либо стать ведьмой, и никак не ты!

— Я понимаю, — ответила Маро, удивленно хлопая глазами, похожая на сдувшуюся резиновую куклу. Она не ожидала ярости.

Собственно, чего она хотела? Чтобы правда никогда не вышла наружу? Чтобы я не узнала, кем на самом деле является драгоценная подруга?

— Эви, как доказать, что я не желала тебе зла? Артефакт должен был пасть с первым же поцелуем. Помнишь, сколько раз мы говорили об этом? Планировали пробраться в Айнур и соблазнить Ваню. Когда ты рассказала о вашем договоре, я посчитала, что конец заклęcia — дело решенное, и, не поверишь, боялась разоблачения, но также ждала его. Не могу больше с этим жить. Милая, кричи на меня, наказывай, как пожелаешь, только прошу, дай шанс...

— Нет! Не смей звать меня милой!

Руки задрожали, я с удивлением посмотрела на них. Истощение последних дней ударило по нервам, шаткий контроль над магией грозил дать сбой в любую минуту. Разговор пора было прекращать и устроить сеанс медитации. Если бы Ги был тут, позвала бы его для глубокого основательного массажа.

Внезапно послышался цокот маленьких лапок по мраморному полу, шоколадная тень прыгнула на колени. Вислоухий морской свин понюхал воздух, затем принялся старательно вылизывать пальцы, смешно привставая на задних лапках, с наслаждением прикрыв черные глазбусинки.

Я по привычке погладила мягкую шерстку, отмечая, как красиво она блестит в отсвете голубого мерцания кристалла. Свинка хорошо питалась, лезла во все щели и явно чувствовала себя комфортно.

Граф Вейнер был бесчувственным садистом, а свинка из него получилась весьма ласковая. Не только ко мне он приходил, шестым чувством унюхав грусть. Говорят, особенно свинтус жаловал Сиенну, приносил засахаренные ягоды из кладовки, словно умоляя ту о прощении.

Толстенькое тельце вольготно развалилось в складках моего халата, передние когтистые лапки осторожно цеплялись за запястья, мягкий язычок сосредоточенно вылизывал мизинец.

Меня отпустило. Ярость опала, пролившись теплыми слезами, оставив после себя щемящую пустоту.

— Маросдиль, давай оставим эту историю в прошлом, — предложила я, разглядывая шоколадную морскую свинку. — Нам встречаться каждую неделю на слетах, прикрывать спину друг друга при нападениях магических существ. Я не желаю видеть в тебе врага. На мгновение подняла глаза и с изумлением увидела в кристальном шаре настоящую

Маро — смуглую южанку со скорбными складками в уголках губ, уныло повисшими сосульками волос, сгорбленную и постаревшую. Я почему-то вспомнила, что она ни с кем из других волшебников не сблизилась, всегда оставалась чужачкой, иронично заламывающей бровь в стороне. Маро старалась отгородиться от своего прошлого дикарки, поющей у кочевой палатки, но прошлое незримой тенью следовало за ней, отгораживая от мира. Я была единственной, с кем Маро удалось наладить ниточку дружбы, может, потому, что она встретила во мне похожее одиночество дочери иного мира. Наш разлад тяжело ударит по великолепной ведьме. Тяжелее, чем по мне.

— Я каждый день стану доказывать, что мне можно доверять, пока не простишь меня, — еле дыша, скрипучим голосом уверила ведьма.

— Не стоит утруждаться, Маросдиль, лучше примени энергию в других направлениях, более продуктивных. Буду очень благодарна, если, наоборот, оставишь меня и окружающих в покое.

Я провела рукою над хрустальным шаром, убирая изображение. Свинка притихла у меня на коленях, подставила шею под ленивые почесывания. Маленькая тушка успокаивала, пока слезы стекали по щекам безобидным дождем. Мое сердце было спокойно от принятого решения. Я гордилась тем, что не дала обиде вбить кол раздора в ковен. Через пять дней я отправлюсь на слет и смогу посмотреть Маро в глаза без напускного равнодушия или злости. Слова о примирении дались тяжело, но чувство того, что принятое решение наиболее правильное, дарило глубокое удовлетворение.

Ноша на коленях заметно потяжелела, раздалась ввысь и вширь. Морская свинка вытянулась, покрылась человеческой кожей, и уже через мгновение я держала на руках заметно поправившегося и невероятно заросшего графа Вейнера. Каштановые волосы нечесаной копной свисали вокруг бородатого лица, круглый живот выдавался вперед, но самым страшным были руки и ноги с длиннющими ногтями, не стриженными целый год.

Граф ошалело смотрел на меня, по привычке двигая носом — пробовал воздух, приоткрывая желтые зубы. Я отшатнулась назад, он рухнул на четвереньки, задрал обнаженную задницу. Оглянувшись, стянула с кровати сбившуюся простыню и накинула на голого мужчину в своей спальне.

— Оденьтесь!

От звука моего голоса граф вскинулся, впился взглядом в собственные руки с искривленными ногтями. Морские свинки от неожиданности

частенько прыгают в воздух, поджимая задние лапки и вихляя задом, граф попытался проделать схожий маневр, но запутался в простыне и покатился по полу.

Я бросилась подхватить его, прежде чем несчастный вовсе потеряет разум. Сжала плечи, зашептала что-то успокаивающее:

— День такой, заклятия падают одно за другим, видимо пертурбации в ядре Эйды. Все закончилось, дышите глубоко, господин граф.

Черные глаза в обрамлении густых ресниц застыли, глядя на меня. Граф Вейнер бухнулся на колени, старательно уткнувшись носом в белый мрамор.

— Гс-спжа, — пропищал он неестественно высоким голосом.

Кустистые брови застыли домиком над черными уголками глаз. В прошлую встречу в глубине зрачков Вейнера я увидела зев голодной бездны, требующей человеческих эмоций, чтобы закрыть пустующую полость на том месте, где у других людей горел огонь любви.

Тогда граф был красив, холоден, обаятелен и казался идеально владеющим собой, несмотря на беснующихся демонов в голове. Я превратила его в свинку, действуя наобум. Илстин не обучил меня, как обуздывать человеческие страсти.

Графу в какой-то мере повезло. Если память не подводит, я заклала его следующими словами: «Принести столько радости, сколько причинил горя».

Забраться на колени ведьме, обуреваемой сильными эмоциями, стало для Вейнера счастливой звездой. Видимо, последствия моего выгорания для Эйды обернутся жуткой катастрофой, раз небольшое участие пушистого зверька засчитывается как великое деяние на благо мира. Граф оказался в нужном месте в нужное время, впрочем, его случай не единичен.

Вейнер стоял на коленях, беспомощно моргая черными глазами, полностью дезориентированный. Наклонившись, я заглянула в некогда красивое лицо. Пребывание в животной шкуре стерло все наносное: мнимую уверенность в собственных силах, внешнюю мужественность, самомнение — все те ширмы, за которыми люди привыкли прятать душевные раны. Вейнер смотрел открыто, голая глубина человеческого страдания врезалась в меня, как грузовик в сугроб.

Я стала частью страха, преследовавшего мелкого волосатого Вейнера: он боялся, что бывшие слуги, не заметив, наступят, забудут, отшвырнут. Всю жизнь граф пытался выглядеть сильным и безразличным, создавать иллюзию цельности. Заклятием я невольно бросила его в самую сердцевину страха. Вейнер познал слабость, отверженность, хрупкость, без

возможности сбежать. Попытка карать и миловать сгоряча обожгла сердце стыдом.

Наличие силы детского кулачка не дает права крушить любовно построенный песочный замок. Мы часто забываем, что признак истинного могущества — умение сдержаться.

Вернись я сейчас в тот памятный момент расправы над графом, я бы поступила иначе. Дала бы ему шанс оправдаться, выслушала бы свидетелей и лишь потом, взвесив возможные решения, перешла бы к действиям.

Мне было жаль мужчину, пребывавшего год в шкуре зверька. Он совершал жуткие поступки, но разве Эйда стала лучше от моего жестокого решения? Если плодить черствость, кому станет легче?

— Чшш, все хорошо, вы в безопасности, — сказала я трясущемуся от страха графу.

В замке пустовало немало комнат, но граф нуждался в присмотре, поэтому я проводила его в крыло стражников.

Дежурный Эдгар вскочил при виде госпожи, идущей по коридору под руку с осторожно ступающим графом, цокающим длинными когтями по полу. Тем не менее выдержка сбой не дала. Эдгар вытянулся по струнке, отдал честь. В углу дежурного на тяжелом дощатом столе горела свеча, толстый том из библиотеки был открыт на середине, придавленный для удобства металлическим яблоком. За столом притулилась собака с рваным ухом.

Мне повезло: Эдгар был предан, желал выслужиться, и я могла быть уверена, что за графом присмотрят до утра, а там уже что-нибудь придумаем.

— Подними напарника, и не спускайте с него глаз. Хорошо бы графа покормить, но Массиро не будите, у него был тяжелый день. Холодных закусок достаточно. Относитесь к графу бережно, но будьте осторожны.

— Будет сделано, госпожа, — скупой ответил Эдгар, впрочем, за время его службы я научилась доверять светловолосому молчаливому мужчине. Чутьем вышколенного служаки он устранял трудности, прежде чем те разрастались до проблем.

До спальни я добиралась с распухшей головой, совершенно разбитая прошедшим днем. При взгляде на разобранную кровать со скомканными простынями щеки заалели. Вспомнилось нависшее лицо растрепанного Ила с расширенными зрачками и то, как резко он потянулся к моим губам и пил их с жадью человека обделенного, добравшегося до вожаемого предмета и не могущего насытиться.

Потребность поговорить с ним заставила потянуться к оставленному

посреди комнаты кристаллу. Ил исчез слишком внезапно, заперев произошедшее между нами в сферу молчания.

По привычке я привела себя и комнату в порядок, прежде чем показываться учителю. Накинула личину, спрятала красные заплаканные глаза за небесной голубизной чуть удивленного взгляда Мэрилин Монро. Надела свободное лиловое платье с золотой окантовкой в греческом стиле.

Осторожно призвала магию и направила в круглый шар, призывая учителя. В голубоватой глубине показалась комната, освещенная только огнем в очаге. Учитель сидел в большом синем кресле, обитом бархатом, тоскливо смотрел на языки пламени.

Илстин резко обернулся к хрустальному шару, и я с ужасом отметила, что он все еще пребывает в истинном облике, обнаженный по пояс, одетый в мятые бриджи. Создавалось впечатление, что, вернувшись домой, Илстин не сдвинулся с кресла. Светлые волосы все еще были растрепаны моей рукой, на шее красовалось бордовое пятно. Учитель мимолетно прикоснулся к следу, оставленному моими зубами, и бросил:

— Я не нуждаюсь в жалости, Эви. Впредь прошу: лучше заботься о своих нуждах, чтобы мне не приходилось решать твои проблемы. А теперь вон.

Кристалл потемнел, оставив меня в одиночестве спальни медленно дышать на счет. Вновь он был строг и резок, только на сей раз грубые слова не сумели обмануть — внезапно я увидела за фасадом суровости мужественного человека, решившего не перекладывать на меня свои трудности. Ремарка, в другое время разозлившая бы меня, на этот раз звучала совсем по-другому. Словно удалось услышать истинный смысл его слов: «Не переживай обо мне. Считай произошедшее между нами обязанностью ответственного за тебя мужчины. Будь счастлива».

Словно в ответ моим мыслям кристалл загорелся вновь, и я разглядела в нем разгневанное лицо учителя с привычными белоснежными волосами и лиловыми глазами. Миг слабости прошел, будто уставший Ил, безнадежно глядящий в огонь, мне привиделся.

— Желаю устранить малейшее недопонимание между нами, — с нажимом сказал он в привычной холодной манере. — Зови меня при первых же признаках нестабильности, и даже раньше, если требует интуиция. Хотя каждые пять минут, я полностью к твоим услугам, Эвитерра.

Хотел этого Илстин или нет, но последние слова напомнили о жаре его поцелуев, и мне стало душно в лиловом платье. Жалость к учителю боролась с чувством самосохранения, которое настойчиво требовало

отгородиться от мужчины, настолько влекущего, насколько пугающего. Словно в приоткрытую щель я увидела на мгновение жизнь с Илстином, вернее, под его крылом, под прессом его представлений о лучших решениях моей судьбы — и рефлексивно захлопнула дверь, заперев на замок.

Как бы ни хотелось попробовать сладкий плен объятий Илстина, но с ним я не буду партнером, лишь девчонкой, чьим капризам время от времени угождают.

ГЛАВА 25

Не пренебрегайте помощью в тяжелые времена

Я проснулась с мыслью о Рейсе, с неумным желанием увидеть его сию секунду. Будто задохнусь, если не зарююсь носом во впадинку его плеча, не прижмусь к сильному боку, не оплечу тело гибкой лианой.

Ничего нового, тоска по королю частенько настигала меня на протяжении последних семи лет. Аривельда сказала, что это случается с волшебниками — истинная любовь, которая не прогорает и не слабеет, вечно царит в сердце. Если бы подобное случилось с кем-то другим, я бы посчитала это весьма романтичным, а любить так самой оказалось то ли пыткой, то ли наказанием.

Сев в кровати и обхватив голову, я подумала об учителе, надеясь, что его миновало это чувство и он испытывает ко мне лишь обычную страсть, настигающую сильных мужчин при встрече с отказавшей им женщиной. Ущемленная гордость требует побед, завидный холостяк пытается впечатлить упряму, в процессе загорается сам. Пройдет немного времени, раненое эго успокоится, благо учителю хватает женского внимания. От всего сердца хочется, чтобы он нашел другую, поговорчивей, которая влюбилась бы в него без памяти. Ил этого достоин.

Потому что если учителя накрыла похожая на мою напасть и его чувство ко мне — та самая неубиваемая любовь, то ему крупно не повезло. Он не мог найти худшего объекта. Упрямая, вспыльчивая, самостоятельная ведьма на грани выгорания, влюбленная в другого... Это могло быть смешно, если бы произошло с кем-то другим, а за учителя я готова отдать все.

Даже отказаться от короля.

В этом заключалась простая и горькая правда. Илстин для меня больше чем учитель, больше чем друг, больше чем мужчина — он стал неотъемлемой частью моей жизни, и его благополучие, хорошее душевное и физическое состояние значило неизмеримо больше моего.

Скорей всего, наш союз не сделает меня счастливой, но если Ил страдает именно из-за любви ко мне, то я сделаю все возможное, чтобы ему было чуть легче.

Осталось выяснить, можно ли вылечить учителя от болезни или

диагноз неутешителен? И каким образом я собираюсь это узнать?

«Уважаемый учитель, полюбите ли вы другую или мне не светит подобного счастья?»

За окном царил чудеснейший морозный день. Воздух был прозрачен, лес сверкал инеем, по заледеневшей бриллиантовой траве проскакала семья оленей — один самец с раскидистыми рогами и три самки чуть поодаль.

Я поспешила в теплую, наполненную паром купальню, быстро сполоснулась и помыла волосы. Подправила внешность, хотя блондинка, глядящая из зеркала, стала вызывать раздражение. Оделась потеплее и спустилась вниз провести вернувшегося накануне в человеческий облик графа.

Вейнера устроили в одной из крохотных комнатусек без окон, служивших подсобным помещением. По свидетельству Эдгара, граф панически боялся открытых пространств и сторонился людского общества. Он нервно метался всю ночь и заснул лишь под утро, после того как сгрыз мешок моркови, заготовленной на зиму. Попытка остричь его так и не увенчалась успехом.

Я смотрела на осунувшееся лицо спящего графа и задавалась вопросом, что с ним делать дальше. Ясно, что год в шоколадной шкуре нанес удар по психике бывшего владельца замка. Подобно морским свинкам, Вейнер предпочитал тесные уголки и твердые овощи. Какие еще изменения настигли несчастного, пока неясно.

Велела отыскать остальных свинок, бродивших по замку. Их принесли довольно быстро — оказалось, что детям приглянулись животные, и свинки давно обрели хозяев, потихоньку прочно заняв место домашних любимцев. О том, что они на самом деле люди и намного умнее обычных зверей, обитателям замка было известно. Интересно, животные выбрали в защитники самых слабых — детей. Наверное, потому что дети обладают мягким и преданным сердцем, стоит вспомнить, как Мик любил своих собак.

Морские свинки выстроились пестрым рядом на дощатом полу классной комнаты, три справа, три слева. Казалось, черные пуговицы глаз глядят на меня с мольбой, а маленькие лапки просительно скребут по полу. Я полностью ушла в себя, стараясь аккуратно работать с потоками. Отпустила магию и приказала ей обратить заклятие. Ил бы гордился мной, столь филигранно золотая струя поднялась из земли, потекла по позвоночнику и вылилась из пальцев на мохнатые комочки. Отмерила щедрую порцию, приговаривая про себя вежливую просьбу, обращенную к

Эйде. Аккуратно уменьшила поток, закрыла окошко, и магия покорно впиталась обратно в землю.

Шесть морских свинок с укоризной смотрели на меня снизу вверх. Что ж, я обязана была попытаться. Мои заклятия необратимы, даже для меня самой. Таково свойство магии, свинки должны принести больше добра, чем зла, и ничто другое их не спасет.

— Не получилось, — сказала, глядя на младшую девочку, Леру, пятилетку с трогательными косичками, которая держала кулачок у рта все время, пока я колдовала.

— Ну и хорошо, — заявила она, хватая наиболее упитанную белую морскую свинку с длиннющей шерстью. — Снежинке пора домой.

— Это мальчик, — сдержанно исправила я.

— Ничего подобного, Снежинка девочка, вот, смотрите, — и девчушка сунула мне под нос растопыренные лапы животного, между которыми висели два доказательства принадлежности к мужскому полу.

Прикрыв глаза, я отклонила, выставив ладонь, так как от свинки не слишком приятно пахло, и погладила девочку по голове.

— Как тебе удобней, милая. Боюсь, Снежинку не расколдовать, пока не выполнится *условие*.

— Она моя, я ее никому не отдам! — заявила Леру, прижимая белую тушку к себе. Надо сказать, от животного не было слышно ни нотки протеста.

Тяжело вздохнув, я отпустила детей, смотря вслед им с невольной улыбкой. Следует признать: когда я увидела, как нежно Леру прижимается щечкой к белой шкуре, давящая на плечи вина стала чуть легче. Да, поместить человеческий разум в тщедушное тельце было не лучшей идеей, но спустя год каждый из прихлебателей Вейнера жив, толст и довольно висит на сгибе локотков у ребятишек, покорный воле пухлых детских пальчиков.

В моем замке растет малышня, отличающаяся от грубых, познавших лишения уличных попрошаек Средневековья. За толстыми стенами и волшебной защитой царят покой и безопасность, родители сыты и уверены в будущем. У детей есть возможность проявить доброту, заколдованным свинкам повезло.

Позади меня раздался деликатный стук. Я обернулась и увидела Эдгара. Страж, скорей всего, так и не ложился с ночного дежурства, под серыми глазами залегли тени, черты лица заострились. Зная ответственный характер мужчины, нетрудно было догадаться, что он решил взять на себя присмотр за графом.

— Вейнер?

— Он желает поговорить с вами, госпожа.

— Поговорить? Рада слышать, что он пришел в себя. Боялась, к нему не вернется разум.

— Как проснулся, твердит ваше имя.

Я вышла в коридор, и мы проследовали в сторону комнат стражи.

— Так и не дает к себе прикоснуться? — поинтересовалась, стараясь подготовиться к разговору с графом.

— Сиенна нашла к нему подход. Ей разрешил все.

Эдгар говорил рублеными фразами, словно за каждое слово выставлялся счет на оплату. Я слышала от других стражников, что на прежних местах его считали странным за необъяснимую любовь к книгам. Если бы Эдгару дали выбор, он стал бы юристом или историком, но у младших сыновей частенько одна дорога, особенно если физическая мощь позволяет. В моем замке для Эдгара была открыта библиотека, и я частенько доставала ему редкие книги во время путешествий по дальним странам. Он один из тех людей, что служат не за щедрое вознаграждение, а по совести.

Граф Вейнер, остриженный, побритый, в новой одежде и с короткими аккуратными ногтями ждал меня, сгорбившись на одном из стульев в сторожевой. Рядом с ним стояла побледневшая Сиенна и устало гладила графа за ушами, приговаривая, что все хорошо и спокойно.

Мне было очень интересно, почему именно ее присутствие столь благотворно сказалось на его состоянии, но ничего спросить я не успела, потому что Вейнер грохнулся на колени, молитвенно сложив руки на груди.

— Благодарю вас, величайшая, мудрейшая, великолепнейшая госпожа Эвитерра, — чуть хриплым голосом долго молчавшего человека произнес граф. — Спасибо, что снизошли до ничтожного грешника, сократив справедливо вынесенное наказание.

«По крайней мере, разум при нем, раз способен куртуазно выражаться».

— Поднимитесь.

Вейнер вскочил быстрее вымуштрованного солдата. В черных глазах мелькнул животный страх — видимо, граф боялся открытого пространства, и все же он не посмел нарушить приказ. Явно предпочел бы держаться ближе к земле, ему было комфортней взирать с привычного ракурса снизу, но я хотела поговорить на равных.

— Граф Вейнер, — я специально использовала титул, стараясь воззвать к его аристократическим привычкам, — вы желали меня видеть?

— Чтобы поблагодарить великодушную госпожу и оказать маленькую услугу, в знак признательности за милосердие, оказанное вашему покорному слуге.

Он изменился, поняла я, пытливо наблюдая за дергаными жестами графа, за его взглядом через плечо на Сиенну, которая тут же пришла на выручку, молчаливо встав сзади, оберегая спину. Невероятным образом бывшая жертва превратилась в защитницу... Впрочем, морская свинка беспрепятственно бегала по всему замку, может, смогла каким-то образом проникнуть в сердце экономки.

Поддержка Сиенны придала графу уверенности, он выпрямился и с достоинством ждал моего ответа.

— Вы ничего не должны мне, граф. Превращение означает, что заклинание временно снято.

Он затравленно сгорбился, правильно выделив слово «временно». Сиенна прикусила нижнюю губу и ободряюще сжала руку Вейнера.

— Увы, — продолжила я. — Наложенное условие не устранено оборотом. До конца дней над вашей головой будет висеть чаша весов, отмеряющая хорошее и плохое. Стоит дурному перетянуть, шкура грызуна настигнет вас вновь.

— Смиловитесь, госпожа, — выдохнула Сиенна.

— Не в моих силах изменить содеянное, — разведя руки, призналась я в собственном бессилии.

— Он сожалеет, — потупилась экономка.

— Сожалею, — эхом повторил граф. — Госпожа Эвитерра, за последний год я довольно хорошо изучил вас, пользуясь незаметностью звериного облика. Вижу, вас мучает чувство вины за наложенное заклятие.

Губы Вейнера чуть искривились, и я вновь увидела испорченного юношу, предававшегося блуду и греху. Мгновение прошло, взгляд графа очистился, и он тихо сказал:

— Мною творились непростительные преступления, госпожа. Поверьте, я не осознавал тяжести содеянного. Скажем иначе, тогда совсем ничего не чувствовал. Наоборот, чужая боль пробуждала во мне нечто онемевшее, принося временное облегчение. Ночами меня накрывало отвращение к содеянному, которое я пытался залить вином и утехами плоти. Оглядываясь назад, надо признать, влачил я довольно жалкое существование до вашего вторжения в замок. Наверное, лучшее, что вы могли сделать для меня, — это отобрать власть над собственной судьбой. Видите ли, сам себя спасти я не мог.

Внезапное признание графа огорошило меня настолько, что я

отступила на шаг назад и опустилась без сил на услужливо поданный Эдгаром стул.

Граф снова встал передо мной на колени, на сей раз изящно, с красотой движения, заученного с детства представителем голубых кровей.

— Моя госпожа, не терзайте себя. Истинное желание каждого человеческого существа — любить и быть любимым. Сие великое благо было недоступно человеку, восседающему в тронном зале замка Вейнер год назад. Тогда любовь представлялась мне врагом, способным предательски проникнуть в душу и вогнать клинок в сердце. Я мучил тех, кого любил, пытаясь защититься от сей угрозы. Колдовством вы сняли довлеющее надо мной проклятие, спасая от худшей участи.

Во мне поднялась целая буря чувств: удивление, сочувствие, но больше всего — уважение к мужчине, способному открыто говорить о самом сокровенном, о том, что мы скрываем сами от себя. Наверное, поэтому Сиенна стояла поодаль с покрасневшими щеками, восхищенно глядя на графа из-под ресниц. Что ж, никто из нас не может устоять перед раскаивающимся грешником.

— Вы удивительный человек, граф. Что-то подсказывает мне, вам больше никогда в жизни не придется носить звериную шкуру.

— Я больше не боюсь ее, — откинув неровно стриженные волосы назад, гордо ответил граф.

— Вы хотите вернуть себе замок? Но титул отдан другому.

— Вы забываете, госпожа, что мне известно об этом. В западной башне я слышал назначенную плату за артефакт и не намерен оспаривать ваше решение. Все, чего я желаю, это выразить благодарность за оказанную мне услугу и, если позволите, просить у вас руки Сиенны.

— Сиенна сама решает, кому отдать свою руку, просить следует прямо у нее. И повторяю, граф, благодарность тут излишня.

— И все же я считаю себя обязанным предупредить вас о заговоре, прямо касающемся человека, к которому вы равнодушны. Госпожа Эвитерра, не сомневаюсь в вашей мудрости, но некоторые аспекты дворцовых интриг недоступны чужаку. Его величеству, даже с защитой зелья, не выстоять против альянса аристократов, в число которых входил и я.

— Кто? — спросила, сглотнув холодный ком в горле.

— Имя главного заговорщика неизвестно столь мелкой сошке, каковой являлся ваш покорный слуга.

— Мне нужно отправиться в Бретель, — простонала я, закрыв глаза.

— Чем быстрее, тем лучше, — согласился граф Вейнер.

— Расскажи мне больше, расскажи все, что ты знаешь! — потребовала, неосознанно схватив графа за край слишком большой рубахи с чужого плеча.

— Кроме того, что мне обещали земли и богатство за пренебрежение обязанностями по охране южной границы, больше ничего не знаю, но уверен: похожие предложения получили барон Луи, виконт Кельнер и граф Сирр.

Со словами графа мелкий кусочек мозаики, щелкнув, встал на место, заставив похолодеть сердце. Мой чернокудрый отважный король вернулся в душные застенки заговора.

Внезапно я испугалась, что больше не увижу его живым.

Стрела в сердце Катрин — была ли она случайностью или ступенькой выверенного плана? Частью паутины, сплетенной неведомой темной фигурой, стоящей за кругом света и желающей смерти тому, кого я любила.

А ведь Рейсвальд сказал мне об этом, только я не слушала, искала в его словах надежду на взаимность, вместо того чтобы проникнуться ответственностью, которую он нес на плечах. Долг правителя Айнура. Король говорил о заговоре с той же обыденной досадой, как об обязанности просматривать налоговые бумаги.

Зелье оградит Рейса от магической атаки, но яд, кинжал и стрела с зари времен обрывали нить жизни нежеланных правителей безо всякой магии.

Единственный выход — найти заговорщиков и предать трибуналу.

Ладони вспотели, я мимоходом вытерла их о платье, отдавая четкие отрывистые приказы Эдгару:

— Приготовиться к моему длительному отсутствию. Освободить казармы для воинов эмира Алиима. Укрепить оборону замка и никого не пускать.

Подозвала жестом Сиенну и уже подготовилась перечислять список заданий для экономки, как она сжала мою ладонь и попросила:

— Эви, погоди... То есть, госпожа... Как же вы одна во дворец, а? Это ж не к учителю лютому, где вас, ласточку, оберегать и лелеять будут. Вы же во дворец под личиной направитесь, а какая благородная госпожа без сопровождающих путешествует? Или служанкой прикинуться собрались?

Задумавшись над словами Сиенны, я растерянно кивнула. Под каким предлогом появиться в столице, еще не придумала, но слова экономки натолкнули на безумный план.

Накинуть личину, представиться благородной провинциалкой. Втереться в доверие во дворец и присматривать за Рейсом.

Преимущество плана — короля не убьют. Не позволю.

Недостаток плана — дворец не спокойное место, где можно переждать несколько месяцев без угрозы выгорания.

— Госпожа, — тихо позвал граф Вейнер, — мое возвращение в Бретель никого не удивит. Я расскажу об избавлении от чар, возобновлю старые знакомства и смогу ввести вас в курс последних сплетен.

Бросив быстрый взгляд на графа, Сиенна тут же добавила:

— Возьмите меня с собой, госпожа. Вы не пожалеете, слуги знают и видят недоступное ушам богатеев.

— Сиенна, минутку, — остановила я экономку, набравшую воздуха для длинной и убедительной речи. — Ты считаешь, графу можно доверять? Веришь в его раскаяние?

Девушка покраснела, что подтвердило догадки о зарождающихся чувствах. Мать-волшебница, она пристрастна, мне стоит быть осторожней, но промедление может стоить жизни Рейсу, и я вынуждена принять решение на месте!

— Не отказывайтесь от помощи графа Вейнера, госпожа. В столице живут злые-презлые люди, это мне еще матушка говорила. Они вас на завтрак сожрут, то есть скушают, уж не обижайтесь, госпожа Эвитерра. А граф, он детство там провел, знает щук столичных вдоль и поперек.

— Что ж... — Я ободряюще улыбнулась графу, который неосознанно быстро-быстро чесал за ухом. — Похоже, мы с вами направляемся в Бретель, распутывать заговор против его величества. В качестве кого вы советуете мне там появиться?

— Моей любовницы, естественно, — сухо улыбнулся в ответ граф, недовольно рассматривая непослушную руку, словно она не была его частью. — Если позволите, госпожа, советую проявлять прилюдно недовольство моим обществом, ненавязчиво искать нового покровителя. Таким образом мы расширим поле действия.

Я растерянно посмотрела на Сиенну, которая кусала губы, чтобы не рассмеяться. Графу нельзя отказать в выдумке, он вовсе не растерял навыков интригана.

Что ж, представим на мгновение, как это будет происходить... У меня появится возможность быть рядом с Рейсом и в то же время не привлекать к себе слишком много внимания. Выступить эдакой смазливой селянкой, которую приволок во дворец самовлюбленный граф. Пахнет приключением, но в то же время я рискую очень малым, а получаю многое.

— Решено. Даю вам час на сборы, а пока соберите абсолютно всех в главном зале. Не явившихся по каким-либо причинам выдворить из замка,

без возможности возвратиться.

Хватит откладывать, я собралась сообщить обитателям об отъезде, новом хозяине и скором появлении воинов в белых бурнусах. Оставляя насиженное место оказалось невероятно тяжело. Я привязалась не к серым камням древней кладки, а к людям, населяющим стены. Единственным утешением была мысль, что для их будущего я сделала все возможное.

После сухой речи, содержавшей голые факты, я замолчала, разглядывая море лиц, ставших родными. Кто-то еле сдерживал слезы, другие старались не поднимать головы, рассматривая пол. Третьи определенно нервничали, так как неожиданный сбор отвлек от насущных дел. Матери отвлекались на непослушных детей, то и дело шикая и притягивая непосед за воротник.

Режущая под ребрами тревога отпустила: все в порядке, я могу отправиться во дворец со спокойной совестью, потому что увидела главное — никто из моих людей не боялся. Зал не наполнился животным страхом брошенных на произвол судьбы незащитных существ. Домочадцы были уверены в своем сытом и безопасном будущем, доверившись обещаниям эксцентричной госпожи. Этого я добивалась, отнюдь не любви и благодарности, о нет, не для этого я привечала в замке страждущих. Я желала для них лучшей доли, чем полное страданий существование в жестоком Средневековье.

Через час я глядела на графа, успевшего подровнять шевелюру, побриться и вновь превратиться в лощеного хлыща, встретившего меня год назад высокомерной усмешкой. Лишь подрагивающие уши напоминали о его недавнем прошлом.

— Вы идеально выглядите, госпожа Эвитерра. Ваш вкус безупречен.

Еще бы! На эксперименты времени не было, и я наскоро накинула на себя образ милой деревенской девушки с русой косой до пояса, краснеющими щечками и бездонными голубыми глазами, вечно распахнутыми в немом удивлении. Чрезвычайно пышная грудь натягивала ткань традиционного платья в пол, носимого девицами на выданье. Все во мне кричало о наивности, глупости, готовности прямо сейчас отдать любовь и девичью честь в первые попавшиеся руки. Я выглядела созревшим яблоком на дереве, алеющей ягодкой на кусте. Пресыщенные дворцовые интриганы не смогли бы передо мной устоять. Просто ради земного удовольствия совратить и бросить.

— И все же, позвольте заметить, появляться во дворце стоит в более подходящем одеянии, — глубоко поклонившись, отметил граф. — Поверьте, свою любовницу я бы разрядил в пух и прах, дабы подчеркнуть

ее красоту и тем самым поднять собственный статус.

Верное замечание. Платье в пол заменил модный в столице корсет с пышной юбкой. Грудь еле умещалась в глубоком декольте и вздымалась белыми полушариями, притягивающими взгляд.

— Эвитерра, ну же! — подбодрил граф. — Больше блеска, прочь чувство меры. Вы должны сверкать!

Покорно добавила безвкусных крупных камней на шею и длинные подвески в уши. Как ни странно, я все еще смотрелась сущей крестьянкой, скованной неудобным платьем, ссутулившейся под весом побрякушек. Даже румянец чуть померк на жизнерадостных щеках. Что ж, еще лучше — теперь глупышку с пышным телом еще и требуется спасать.

Чем лучше наживка, тем крупнее добыча. Запах жертвы притягивает хищников в человеческом обличье. Тренируя затравленный взгляд в зеркале, я понимала, что привлеку к себе внимание жадных до крови гиен. Кто окажется самой жестокой фрейлиной во дворце? Кто не откажет себе в удовольствии закрыть рот сопротивляющейся малышке? Скоро узнаю на собственном опыте, только беречься нужно будет им, а не мне!

ГЛАВА 26

Первые впечатления обманчивы

Мысль отправиться в Бретель пришла легко и естественно, словно я обдумывала ее долгие годы, мечтая о шансе стать деятельным актером завораживающего действия. Так же уверенно, ни минуты не сомневаясь, я позвала Мика с собой.

Мальчишка только начал доверять мне. От внимания и одобрения взрослого человека во взгляде паренька появилась уверенность, а в походке вальяжность. Он больше не напоминал дикого взъерошенного сорванца, которого мы с Рейсом обнаружили всего неделю назад. Самое тяжелое еще впереди, брошенные дети проверяют взрослых на прочность, и для этого Мик должен быть рядом. Тем более что многие аристократы держат при себе пажей примерно возраста моего воспитанника. Он выделяться не будет, я уверена.

Правда, внешность у мальчишки довольно приметная, но изменить ее, увы, весьма затратное дело. На детях заклинания держатся плохо и недолго, впрочем, иллюзию внешности и на взрослом удержать можно всего пару часов, да и то при прямом визуальном контакте. Дело в том, что силовые потоки магии любят замыкаться на предмете. Будь то артефакт или зверек, если посмотреть магическим зрением — виден светящийся шар переплетенных золотых нитей. Иллюзия же течет по настоящей внешности, а это возможно только в случае волшебников. Мы служим краном, через который магия Эйды изливается на поверхность. Часть потока мы пропускаем по своей коже и благодаря этому можем выглядеть как угодно.

Но шанс того, что Рейс увидит Мика, стремится к нулю. Короли и пажи редко пересекаются. Вероятней всего, на аудиенцию к монарху попадет Вейнер, а его свита, то есть Сиенна, я и ребенок, останется там, где полагается быть слугам — подальше от глаз аристократов.

С легким сердцем я создала портал, искрящийся синими всполохами посреди тронного зала. Граф Вейнер, одетый во все черное, невероятно стройный и обаятельный, обернулся ко мне и слегка поклонился, по нашей договоренности — в последний раз. Во дворце он будет вести себя со мной менее почтительно, вернее, будет обращаться с деревенщиной, как последняя сволочь.

Лишний вес, набранный за время звериного облика, он растерял

вместе с остатками колдовства, вернув прежнее изящество движений воина.

Сиенна дружески пожала мою руку, еле сдерживая улыбку. Ей отводилась роль ревнивой горничной, мечтающей заполучить хозяина. Другой рукой я держала теплую шершавую ладонь Мика. Ему предстояло быть собой и не привлекать лишнего внимания.

Мальчишке и вовсе не понадобилось времени для раздумий. Столица! Дворец! Приключения! Да он даже переодеваться не отлучился, все терся подле меня, опасаясь, что его забудут и он пропустит столь важное событие.

Я кивнула.

В тот же миг Вейнер бросился ко мне, схватил за талию и швырнул в зев портала. Я шлепнулась на грубые доски, покатилась вперед, отбивая локти и пронзительно вереща. За мной полетела Сиенна, неуклюже рухнув плечом на мое бедро. Сверху свалился внушительной тушкой Мик, выбивая из легких глухой стон. Граф упал на куча-малу последним.

— Стоять! — рыкнул грозного вида страж в начищенной кирасе, указывая острием копья в грудь графа.

Запах лаванды, которой прокладывали мебель, ударил в ноздри. На расписном потолке малого приемного зала маячил пухлый ангелок, изображенный рукой мастера Лингроува, протягивал букет цветов бледной девушке, чем-то напоминающей меня в истинном облике. То же круглое лицо, тощая фигура. И сердце защемило — заказывая картину, Рейс подсознательно помнил меня.

Я забарахталась, изображая панику, острие копья пропоролло бархатный камзол графа.

— Да как ты смеешь! — властным тоном с ледяными нотками истинного гордеца прошипел Вейнер.

Тонкое древко дрогнуло, стражник отступил. Послышался топот множества ног, нас подняли, помогли отряхнуться. Мик с Сиенной по привычке жались ко мне, испуганные столпотворением. Я ткнула экономку локтем в бок, напоминая о ее роли. Она тут же отступила, послав в мою сторону презрительный взгляд. Умница.

Видимо, привлеченная шумом, в комнату вплыла дородная дама в светлом парике и дорогом платье со множеством украшений, несколько не красившими их обладательницу. Герцогиня Уинн, ближайшая наперсница самой принцессы, первая по влиятельности после сестры Рейса женщина во дворце.

— Граф Вейнер? — с сомнением спросила она у смахивающего

пылинки с обшлага графа и тут же подала знак страже убрать оружие.

Вейнер дотронулся пальцами до прорехи в камзоле, послал убийственный взгляд в сторону побледневшего служака и тут же обаятельно улыбнулся герцогине. Склонился в глубоком поклоне и галантно поцеловал пухлую, перевитую венками кисть герцогини, задержавшись лишь на мгновение дольше положенного. Она не смогла сдержать восторженного вздоха.

— Рада видеть вас среди живых, — чуть дрожащим голосом заметила она. — В прошлом году прошла весьма достойная панихида в вашу память. Прошу заметить, с запуском салюта, привезенного из провинции Джи-Шоу.

— Почтен оказанной честью, — произнес граф. Ирония в его голосе была почти незаметна. Почти.

— Жаль, что ваши земли постигла столь печальная судьба, граф. Мое искреннее сочувствие. Предлагаю любую поддержку в составлении прошения о компенсации. Вижу, путешествие во дворец прошло довольно жестко... — Герцогиня неодобрительно поджала губы. — Впрочем, его величество постигла та же участь. Увы, бешеная ведьма известна крутым нравом, но приструнить ее не является возможным.

О да! Что поделать, признаю прискорбную привычку: неугодных я буквально выбрасывала прочь с моих владений, чтобы другим неповадно было. Поэтому и самой пришлось отправляться в Бретель кувырком.

— Довольствуюсь тем, что попал во дворец живым и повторной панихиды не потребуется.

— А вы шутник, граф. — Герцогиня игриво махнула сложенным веером в сторону Вейнера. Жест несомненно означал что-то на секретном дворцовом языке, судя по победно блеснувшим глазам графа.

За спиной герцогини появился молодой запыхавшийся паренек в пышной шапочке дворцового пажа.

— П-простите, пожалуйста, его сиятельство требуют к его величеству.

— Не смею задерживать, — сухо произнесла герцогиня.

Граф отправился за посланником, и взгляды присутствующих переместились на его безмолвных сопровождающих. Я рассматривала замысловатый рисунок на ковре, Мик неуклюже переступал с ноги на ногу, Сиенна осознанно старалась не смотреть в мою сторону, скромно скрестив руки под передником, как подобает служанке.

— Подойди сюда, милочка, — потребовала герцогиня, видимо движимая любопытством по поводу моего статуса. Граф предусмотрительно «забыл» меня представить, тем самым изначально

продемонстрировав пренебрежение к любовнице.

Несмело, крохотными шажками я приблизилась к грузной женщине, сияющей драгоценностями, как новогодняя елка.

— Как тебя зовут? — спросила она довольно бесцеремонно, начиная осознавать по неуклюжей походке, что благородным происхождением тут и не пахнет.

— М-меня Либби кличут, ваш-сиятельство, — проблеяла я высоким голосом, и герцогиня в страхе отшатнулась, осознав, что говорит с простой деревенщиной, облаченной в дорогое платье. Иными словами, со шлюхой обыкновенной. Даже находиться в одной комнате с подобной было позорно, а потому герцогиня мигом ретировалась, пробормотав под нос об отвратительных манерах мужчин, таскающих за собой всякую шваль.

Из гостиной нашу компанию перевели в одно из подсобных помещений, где мы томились минут двадцать. Затем усталая девушка с нездоровым цветом лица вызвалась проводить нас в выделенные для графа покои.

— Тебе там делать нечего, — бесцеремонно обратилась она к Мику. — Марш на конюшню, место пажей на сеновале.

Мик расцвел, поднял шляпу в шутовском поклоне в мою сторону и убежал. Я с досадой поджала губы, но служанка не обратила внимания на дурачества мальчишки, пристально осматривая нас: Сиенну с одобрением, меня — с неприкрытой завистью.

Я послала голос вдогонку рыжему: «Будь осторожен и обязательно разыщи нас вечером».

Тот кивнул, не оборачиваясь, хоть в этом соблюдая конспирацию. Все-таки брать Мика с собой было опасно, он слишком молод, чтобы хранить секреты...

Болезненная служанка привела нас в просторные покои, явно необжитые, с пыльным ковром на деревянном полу, креслами, укрытыми полотном, и широкой кроватью с голым матрасом.

— Убираться тут твоя обязанность, не забудь забрать новое белье из прачечной, кувшин для омовения наполняется в ванной, — нудно перечисляла она, обращаясь к Сиенне. — Выделить горничную не могу, у нас и так все сбились с ног в преддверии бала. Кстати, следи, чтобы шлюшка не попадалась на глаза благородным, ее сиятельство была в негодовании, все уши нам прожужжала держать ее подальше.

— Сама разберусь, как тут все устроено, — сварливым голосом ответила Сиенна. — Чай привычная графа обслуживать. А она, — экономка указала в мою сторону, — пусть сама разбирается, я за нее отвечать не

собираюсь.

Поняв, что между нами раздор и у Сиенны можно пожить сплетнями, горничная оживилась, и ее глаза зажглись. Придвинувшись к экономке, она зашептала, поглядывая на меня. Сиенна что-то пробурчала в ответ, обе захихикали. Я отвернулась, скрывая довольную улыбку. Так быстро завести связи с дворцовой прислугой мы и не надеялись. Выбранный образ оказался крайне удачным.

Мои плечи подрагивали от смеха, но горничной показалось, что я плачу от обиды.

— Нечего в постель к благородным лезть! — заявила она, прежде чем покинуть комнату.

Сиенна незаметно подмигнула мне и поспешила заняться уборкой спальни. Нужно было вытереть пыль, застелить постель. Вещей, правда, у графа не было совсем. Видимо, потерю одежды требовалось занести в обращенную к королю жалобу вместе с прочим списком предметов, похищенных злобной ведьмой.

Я отправилась осматривать смежные помещения. Гардеробная оказалась довольно темной и тесной. Ванная выглядела недавно отремонтированной по последним разработкам, с краном, из которого текла проточная вода — правда, холодная, в ванну все равно приходилось таскать кипяток для купания, но все же прогресс, начавшийся с приходом к власти Рейсвальда, чувствовался и здесь.

Даже комната для прислуги выглядела довольно прилично. Крошечная, там помещались только две кровати, зато спать не на полу и отдельно от дворцовых слуг.

Отыскав метлу, я принялась помогать Сиенне убирать покои.

— Госпожа, как же можно, — шепотом укорила она, но я заверила, что за нами могут наблюдать круглосуточно и стоит соблюдать обговоренные заранее правила поведения.

Граф вернулся спустя пару часов, в новой одежде, донельзя довольный.

— Меня пригласили на бал в честь возвращения короля, а тебя, моя голубка, — сказал он, целуя мою замызганную работой ладошку, — я возьму на празднование в тесном кругу после окончания бала. Там и публика веселее, и вино льется рекой. Самое место похвастаться красоткой, привезенной из владений ведьмы.

— М-мне... — Нужно успокоиться, губы все же дрожали от смеха. — Велели на люди не показываться, вашблагородие.

— Для тебя я Дилан, голубка. Ну-ка повтори скорее, хочу услышать

свое имя из прекраснейших губ на свете.

— Не м-могу, вашблагородие.

Граф наклонился ко мне и зашептал на ухо:

— Госпожа, мне удалось поговорить с некоторыми из старых знакомых. Во дворце творится нечто неладное, но пока они боятся рассказывать детали. Я пока не стал прощупывать глубже, надеюсь, сегодня удастся вытянуть подробности.

— Как Рейс?

— Томится тоской, прекраснейшая. Мне устроили приватный допрос о вашем состоянии. Не беспокойтесь, я отвлек его бесконечными жалобами за отнятые владения, и мою аудиенцию сократили до минимума.

— Граф, я восхищаюсь вашей смекалкой. Поверьте, благодарность ведьмы многого стоит.

— Я давно осознал, что вас стоит иметь в друзьях. Умоляю, госпожа, зовите меня Дилан.

— Согласна, нам следует вести себя как близкие люди даже наедине.

— Вы оказываете мне огромную честь.

— Зови меня Эвитеррой, Дилан. Кстати, расскажи-ка, каким образом потомственный граф решил просить у меня руки простой экономки?

Сиенна застлала постель графа, не смея приблизиться к нам. На всякий случай она бросала едкие взгляды на слишком близко стоящую парочку. Кстати, ревности в ее взгляде не было. Экономка с полным принятием отнеслась к задуманному спектаклю. Она слишком хорошо понимала, как сильно я люблю Рейса, а также была уверена в непоколебимой преданности графа. Последнее представляло для меня загадку.

— Не составило труда понять, что именно Сиенна привела вас в замок и стала причиной моего проклятия. — Граф улыбнулся уголком губ. — Сперва я ненавидел ее. Затем решил завоевать симпатию, надеясь вымолить прощение, тем самым разрушив чары. Как часто бывает в таких случаях, чем больше я узнавал ее привычки и характер, тем сильнее жаждал ее общества. Облик зверя позволил засыпать у ее груди, слышать потаенные мысли, сказанные безмолвному существу на ухо. Ваш урок, Эвитерра, научил меня ценить человеческое тепло. Граф Вейнер не мог позволить себе любить и быть любимым, а я могу.

Тяжело вздохнув, я отступила, отвернувшись, не давая графу рассмотреть выражение моего лица. А думала я, как всегда, о Рейсе. В отличие от графа, с легкостью расставшегося с титулом и привилегиями, как с тягостной ношей, Рейсвальд не сможет перестать быть королем. Даже

если сумею оградить его от заговора, у наших отношений нет будущего.

А потом опять огоньком в груди загорелась надежда: даже без совместного будущего, пусть он будет счастлив! Пусть моя любовь станет его золотым щитом от невзгод!

За окном стремительно темнело, графа следовало приготовить к балу. Кстати, после аудиенции у короля в покои Вейнера пожаловал портной, снял мерки и вскоре доставил костюм, севший на Дилана как влитой.

Граф поправлял шитый золотом обшлаг и откровенно любовался собой, когда в дверь постучали. Я отошла вглубь комнаты, стараясь устроиться в незаметном уголке. Сиенна оправила передник и, оглянувшись на Вейнера, направилась к двери.

Вытянувшись стрункой, на пороге стоял высокий худощавый паж лет шестнадцати.

— Некая Либби удостоена аудиенции у ее высочества! — заявил он ломающимся голосом подростка. — Сейчас!

— Простите? — пролепетала Сиенна.

— Вы ошиблись, — не оборачиваясь, отрезал граф, поправляя воротник. Ее высочество, скорее всего, желала видеть меня.

— Простите, ваше сиятельство, ошибки быть не может. Принцесса желает видеть вашу спутницу, Либби. Желательно без промедлений.

Изображая крайнюю степень страха, я перебирала в руках складки платья, затравленно смотря на графа, хотя внутри все гудело от нервного возбуждения — зацепило! Выбранный образ привлек внимание принцессы, сестры Рейса, знать бы еще, чем именно...

Граф открыл рот, намереваясь вызвать в провожатые, но я послала голос на расстоянии: «Не будем отпугивать хищников».

— У меня нет времени провожать Либби, бал на носу. — Граф послушно отвернулся к зеркалу, продолжая прихорашиваться. — Передайте ее высочеству от меня нижайший поклон и заверения в вечной преданности.

— Будет сделано, ваше сиятельство.

Мои губы дрожали, голубые глаза наполнились слезами от обиды, и к двери я потащилась ссутулившись, полный позор для любой дворянки. Либби не была из благородных, она не умела скрывать мысли или вести себя с достоинством.

Паж смотрел на меня со смесью подросткового вожделения и презрения. Он сполна оценил расстановку сил и понял, что граф для меня не защитник. В тесном коридоре этот юнец, пахнувший немывтыми подмышками, попытался прижать меня к стене, и между нами завязалась

небольшая потасовка.

Я заревела, принялась царапаться и пинаться, защищая «девичью честь».

— Что тебе, жалко, да? Подумаешь, не убудет.

Он брезгливо вытер влажные губы, которыми за мгновение до этого пытался дотянуться до моей шеи.

К горлу подступила волна тошноты. Я готовилась к липкому интересу, но, видимо, меня избаловало уважительное отношение окружающих мужчин. Уважали они силу, а сейчас, в шкуре бесправной шлюхи, меня грубо унизили.

— Нет никакой принцессы, да? Ты меня выманить хотел?

— Отчего же, ее высочество ждет тебя. Как раз предстанешь перед ней во всей красе, поймет, с кем имеет дело. Да и графу своему скоро надоешь, будешь сама бегать за мной и просить милости. Только кому ты нужна!

ГЛАВА 27

Не доверяйте фрейлинам

Сестра Рейсвальда ждала меня в персиковой комнате. Она была уже готова к балу, облаченная в вельветовое коралловое платье с серебряной отделкой. Если принять во внимание возраст, а по моим расчетам Сильвине было около сорока, она смотрелась настоящей красавицей с гладкой кожей, длинными ресницами, красиво уложенными светлыми локонами. Как у актрис Голливуда, ее возраст терялся в блеске драгоценных камней, скрывался стройностью талии и гладкостью шеи. Лишь руки, предатели любой женщины, выдавали истончившейся кожей, что Сильвина ровесница герцогини Уинн.

— В-ваше высочество, — проямлила я, приседая в глубоком реверансе и чуть не оступившись от поддельного волнения. На самом деле мне было весело, и я наслаждалась каждой минутой. Иногда нужно немного лицедейства, чтобы почувствовать себя настоящей.

— Ее никто не видел? — нервно спросила Сильвина мелодичным переливчатым голосом. Дождавшись отрицательного ответа от пажа, повернулась ко мне: — Я слышала, ты прислуживала ведьме. Какая она?

— Я не-не... — проямлила я, собираясь с мыслями, а потом брякнула первое, что в голову пришло: — Т-терпеть ее не могу, ваше высочество, вы уж простите меня.

— Вот как! — Она запрокинула голову и счастливо улыбнулась. — Отчего же?

— Бешеная она, как пить дать, на голову стукнутая, видит Единый. Я сбежала, ваш-высочество, только пятки сверкали. За его сиятельством увязалась, уж как его умоляла, чтоб взял.

— А ты забавная, — повернув голову чуть набок, отметила принцесса, рассматривая меня, как невиданную зверушку. — Фрейлины двуличны и никогда не говорят то, что думают. Для них будет уроком, если я тебя приближу. Ох, какая забавная шутка, уверена, Рейсвальд будет в ярости. Поделом ему за то, что Катрин опозорена до конца жизни разорванной помолвкой.

Сердце замерло на миг, затем забилося в груди раненой птичкой. Он сдержал обещание, больше между нами не стоит призрак его любимой невесты. Рейсвальд свободен как ветер...

Я хлопала глазами, ожидая дальнейших указаний от принцессы, но она, кажется, забыла обо мне. Села у изящного перламутрового столика и принялась что-то сосредоточенно писать. Тикали часы, пылинки танцевали в лучах уходящего солнца, я стояла еле дыша, настроенная проверить, как долго Сильвина будет меня игнорировать.

Принцесса тщательно выводила буквы, сохраняя стройную осанку. Тяжелые сережки с рубинами чуть звенели при наклоне головы, и я не могла не отметить, как изящно двигается принцесса. Почему она до сих пор одна? Есть ли в ней фатальный изъян или Рейсвальд попросту не озаботился поиском подходящего мужа? Принцесс выдают замуж рано и по политическим соображениям. Следовало получше расспросить Рейса о семье, пока он был в моем распоряжении. До чего же славно было проводить дни в его обществе! И мысли убежали к королю, как всегда случалось в любую свободную минутку.

Голос принцессы вырвал меня из воспоминаний о Рейсвальде — я представляла его в полной пара купальне, вальяжно плывущего во всей красоте мощной фигуры...

— Вот, — она развернулась, протягивая причудливо сложенный конверт без печати, — передай это моей фрейлине Катрин Савьельской. Только смотри не открывай!

Если бы Сильвина и вправду желала, чтобы посыльный не любопытствовал, капнула бы сургучом, услужливо лежавшим на полочке. Это была проверка, самая простейшая, и я намеревалась выдержать, несмотря на то что прочесть послание принцессы хотелось.

Сделав неуклюжий реверанс, вызвавший снисходительную улыбочку Сильвины, я направилась к двери.

В коридоре остановилась выровнять дыхание, обмахиваясь конвертом. В комнатах принцессы топили слишком усердно, воздух был спертый и сухой, как она только выдерживает? Остро захотелось домой, в замок, где пахнет сосновыми шишками и сахарными крендельками...

Заметив справа движение, я подняла глаза и увидела недавнего провожатого, долговязого пажа.

— У меня поручение от принцессы, не мешай, — предупредила его на всякий случай.

— Куда надо? Я покажу, — коротко ответил он и потер покрытую прыщами щеку.

Я назвала имя Катрин, паж кивнул, показал жестом следовать за ним. Мы шли молча, я даже удивилась тому, что парень не предпринимает новых попыток вылить на меня ушат гадостей. Может, я его недооценила?

Побушевал немного и утих, надо же.

Мы шли долго, видимо, комната бывшей королевской невесты находилась в другом крыле дворца. Следовало сойти вниз на один пролет, проследовать по крытой галерее и повернуть налево. Засмотревшись на столицу, сверкающую разноцветными островерхими крышами, я налетела на костлявую спину пажа, пропускавшего нагруженную служанку, и уткнулась носом прямо в подмышку.

Он пах чистотой с ноткой пряного мужского запаха, в который хотелось укутаться, прижаться всем телом и никогда не отпустить. Я так и сделала, почти рефлекторно, от чистого облегчения, потому что в абсолютно чужом дворце встретила родную душу.

— Ил...

Он замер, осознав, что я прижимаюсь к нему сзади, аккуратно отцепил мои ладони, незаметно отстранился, опустив голову и прошептал:

— Эви, я всего лишь буду незаметным наблюдателем в тени, обещаю не мешать, что бы ты ни задумала. Не гони меня.

— Ил... Как ты узнал, что я тут?

Он потянул меня за руку в неприметную нишу за тяжелой гардиной, повернувшись так, чтобы со стороны казалось, что он зажимает девушку в углу.

— Рейсвальд вызвал Маросдиль и потребовал ковер-самолет, чтобы помчаться к тебе. К моему изумлению, она тут же отдала свое любимое детище.

— Тот самый ковер, на котором она отказалась возить меня, потому что я могу его запачкать?

— Видимо, она готова на все, чтобы загладить свою вину. Маро рассказала о заклятии забвения. Эви, мне жаль, что в этом была причина холодности Рейсвальда. Поверь, я не знал.

— Я верю... Ил, рассказывай дальше, мне интересно, может ли Рейс пользоваться чужой магией.

— Твоих рук дело? — Усмешка Илстина на прыщавом лице выглядела неуместно, но я давно научилась не обращать внимания на внешность. — Артефакт отказался носить Рейсвальда. Угадай, что он сделал потом?

— Обратился к тебе? — Я прикусила губу. Представила, как тяжело было Рейсу просить помощи у старшего брата — волшебника и соперника.

— Посулил полсокровищницы за портал к тебе, было весьма приятно отвергнуть любое вознаграждение. Попытка провалилась — порталы лопаются, стоит его величеству коснуться потоков. Кстати, он не оставил попыток увидеть тебя и намеревается отправиться в замок Вейнер после

бала.

— Ты так и не сказал, как выследил меня.

— Эви, мне не составило труда провести бывшую ученицу и, обнаружив твое отсутствие, просчитать ход твоих мыслей. Ты всегда стремишься к Рейсвальду. Не бойся, не буду мешать вашему романтическому воссоединению. Я занял место невоспитанного грубияна, посмеявшегося поднять на тебя руку, чтобы быть рядом на случай выгорания.

— Ил, я во дворце, потому что за спиной Рейсвальда зреет заговор. Ты не представляешь, как я рада тебя видеть! И маскировка у тебя чудесная, даже на магическом зрении личина едва мерцает. Идеально замкнутые линии, красота!

— Зато ты фонишь, как голодный фрикс. Эви, нужно аккуратней обращаться с частотой цвета и не преувеличивать пропорции тела.

Мы на мгновение замолчали, осознав, что наши отношения безвозвратно изменились. Я больше не могла обращаться на «вы» к человеку, с которым провела очень жаркую и волнующую ночь. И почему-то мне было важно оградить Ила от планов в отношении Рейса. Наверное, потому что Ил ревновал и упоминание о брате причиняло ему боль.

По совету учителя я поправила потоки, с облегчением заметив, что сил на удержание личины уходит намного меньше.

— Что ты сделал с пажом?

— Следует признаться, кое-чему учусь у тебя, Эви. Превратил его в смазливую девицу и отправил в провинцию. Пусть познает на собственном опыте, каково терпеть неудобные приставания.

Я спрятала довольную улыбку у него на груди. Маленький жест защиты со стороны учителя теплым медом растекся вокруг сердца. Он дышал осторожно, даже не шевелился, боясь спугнуть неожиданную легкость общения. Словно заржавевший жернов сдвинулся, открывая дорогу прозрачной реке.

Я посвятила Ила в догадки графа Вейнера по поводу зреющего переворота и объяснила причину нашего маскарада.

— Надеюсь выглядеть настолько глупой, чтобы подле меня не боялись говорить о серьезных вещах.

— Рейсвальд что-нибудь подозревает о заговоре?

— Естественно. Правда, боюсь, они доберутся до него прежде, чем Рейс успеет принять меры.

— Ты успела что-то выяснить?

— За пару часов? Абсолютно ничего. У меня нет опыта в дворцовых интригах, я полагаюсь на Дилана в вычислении предателей. Моя часть

плана — избавиться от них.

— Вижу, ты зовешь графа по имени, — поджал губы Илстин.

— Естественно, он изображает моего любовника.

— Прости, не хотел спрашивать. Не имею права вмешиваться в твою личную жизнь.

— Ты стал ее частью, Ил. Нам следует поговорить, но не сейчас.

Он медленно взял мою ладонь и легонько сжал, глядя прямо в глаза. В простом жесте было столько нежности, тоски, страсти, что мое сердце тревожно сжалось. Я не подозревала в своем холодном, высокомерном учителе столь глубоких чувств. Потребовалась невероятная выдержка, чтобы вытерпеть и не попытаться вырвать ладонь из его рук. Я боялась прикосновений Илстина, боялась зарождающегося в груди отклика, боялась того, насколько легче любить волшебника, а не его брата.

Ннанди и Гету, Хафса и Хасан, Рианнис и Фуэртес — пары волшебников отличались покоем, счастьем, гармонией. Неутихающая любовь, схожие интересы, общее дело. Одиночки выгорали намного быстрее, потому что в замкнутой паре потоки магии партнеров переплетались, даря стабильность.

Эйда требует волшебников парами — так повелось с тех пор, как Пресвятой Отец и Мать-волшебница основали ковен. Не всем везет найти партнера по сердцу среди четырнадцати членов ковена, но если есть малейшее влечение — им не пренебрегают.

Нет большей благодати, чем возлюбленный-колдун.

Илстин неотрывно смотрел на мои губы, я же прижалась к стене алькова и со стыдом отвела глаза.

Отказаться от любви к Рейсвальду... Любви, которая жгла сердце семь лет, пересилила боль предательства, ревность к другой, горечь равнодушия. Любви, у которой нет будущего, которая сгорит вместе с моей магией или задохнется в пыльных коридорах дворца. Мне не стать королевой, ему не лишиться венца.

Я не в силах отказаться от любви.

— Проведи меня к покоям Катрин, пожалуйста.

— Я к твоим услугам, — покорно согласился Илстин, отстраняясь. Лишь на мгновение подернулась рябью личина, выдавая крайнюю степень волнения мага. — Помни об этом. Всегда.

Ил шел чуть впереди, я спешила за его размашистым шагом сзади, чуть склонив голову. Встреченные слуги провожали нас любопытными взглядами, но никто не остановился для вопросов. Всех занимал предстоящий бал, на котором я не собиралась появляться. Может, взглянуть

одним глазком, только чтобы увидеть Рейса...

Мы подошли к тяжелой двери в покои Катрин. Ил отступил в тень, я же подняла кулак и с уверенностью постучала.

Опозоренная разрывом или нет, Катрин выглядела великолепно. Ей шла томная хрупкость и прозрачность кожи вместе с румянцем, вернувшимся на щеки после гибели паразита. Она выглядела выздоравливающей от туберкулеза больной, спасшейся от смертельной опасности. Зеленые глаза горели страстью отверженной женщины, рыжие волосы непокорной волной спускались на спину, тонкий стан облегало роскошное платье.

Я неуклюже поклонилась и протянула письмо. Увидев печать принцессы, Катрин понятливо кивнула, забрала конверт, показав следовать за ней.

— Открывала? — спросила она через плечо, направляясь к массивному стеллажу.

— Ни в коем случае, миледи! — Я опять присела в книксене.

Комната Катрин была обставлена так, чтобы оттенять красоту хозяйки: кровать и стеллаж из темного дерева цвета насыщенного шоколада, в покрывале и занавесках зелень дубовой листвы. Стройная девушка, деловито открывающая некую коробочку, смотрелась лесной феей. От бывшей невесты Рейса глаз было не отвести. А может, мне на ухо шептала ревность, когда я вспоминала поцелуи любимого с рыжеволосой красавицей.

Катрин извлекла нечто, напоминающее пишущую машинку. В щель сверху засунула конверт от принцессы. Потом, оглядываясь, незаметно опустила следом прядь моих волос. Нет, я не ошибалась, мышинового цвета пряди никому другому принадлежать не могли и светились моим, особенным оттенком золота. Откуда бывшая невеста их достала?

Раздался щелчок, и Катрин довольно кивнула.

— Не открывала, исполнительная. Так ее высочеству и передам, она будет довольна.

Катрин разорвала бумагу конверта, достала сложенный листок, вчиталась в строки. Не удержавшись, я решила тоже любопытствовать содержимым письма. Оставила иллюзию себя безмолвно стоять, сложив руки на животе, сама же пташкой взлетела за спину бывшей невесты.

«Дорогая фрейлина! Отдаю это недоразумение, присланное из владений некой ведьмы, на твое попечение. Желаю, чтобы она выглядела прилично к балу, а ночью была готова к следующему

испытанию. Кстати, ее определили в покои к графу Вейнеру, сделай с этим что-нибудь».

Ниже медленно проявлялись строки, открывавшиеся только сейчас, под влиянием магии моих волос:

«Надеюсь видеть явные доказательства твоего желания вернуть благоволение повелительницы, С.».

Лицо Катрин изменилось: ноздри расширились от сдерживаемого гнева, глаза сузились. Я шмыгнула обратно, принялась бессмысленно рассматривать пол.

— Милая девушка, — сказала наконец Катрин сахарным тоном, — тебе повезло завоевать расположение ее высочества. Она желает, чтобы я выделила тебе кое-что из моего гардероба.

— Не смею, миледи, — сообщила я голосом бездумной овцы.

Я начинала понимать, зачем ее высочеству было играть с Либби. Моим присутствием она наказывала не только брата, но и Катрин...

Хотя... В чем провинилась Катрин? Сильвина сама сказала, что она жертва разорванной помолвки, но в строчках, написанных магическими чернилами, сквозило неудовольствие. Винит ли принцесса Катрин в разрыве помолвки? Знала ли Сильвина о черве?

Сколько вопросов, почему-то мне показалось, что я нащупала нечто существенное.

Катрин исчезла в гардеробной, я же стояла не шевелясь, там, где оставили, и обдумывала услышанное. Принцесса не любит магию, но пишет магическими чернилами. Рейса приворожили при помощи волшебного существа. Связаны ли эти события?

Нельзя забывать о том, что ночью меня ждет следующее испытание. Первым, как я поняла, было отнести письмо принцессы, не вскрывая. Интерес высокопоставленной особы к привезенной Вейнером деревенской простушке тоже казался подозрительным. Превращаясь в Либби, я надеялась привлечь какого-нибудь сластолюбца ради вытягивания информации, но никак не ожидала оказаться в спальне бывшей невесты Рейсвальда.

Она вышла, неся в руках ворох разноцветной одежды. Бросила на постель и скептически осмотрела мою фигуру.

— Милая, примерь, что придется по вкусу. Боюсь, мои платья будут тесны тебе в груди. — В мелодичном голосе Катрин разливался мед, а в

глазах плескалось глухое раздражение.

Я вспомнила услышанный мельком разговор, когда птичкой сидела за окном. Тогда тоже слово «милая» проскальзывало в каждой реплике, и фальшь пропитывала любые отношения. Я была уверена, что Катрин тошнит от Либби, что больше всего она желает избавиться от обузы, но не смеет перечить госпоже.

Нельзя доверять фрейлинам. Сколько бы потоки ни лилось, я должна узнать правду.

Катрин не позвала горничную, вместо этого с тихой улыбкой наблюдала мое сражение с льняной сорочкой, корсетом, завязывающимся впереди. Я запуталась в нижней юбке, тогда Катрин соизволила подойти и сыграть роль спасительницы. Я даже не заметила, как она вытянула из вороха неприметное платье без всяких украшений.

— Вот так, милая, взгляни, как ты чудесно смотришься, — сказала она, поворачивая меня к зеркалу.

Надо признать, вкус у Катрин был прекрасный. В нежно-голубом я смотрелась невинно, привлекательно и, самое главное, элегантно. Прямые, чуть строгие линии платья оттеняли фигуру и добавляли статуса.

— Я ни разу не надевала сей наряд, будто для тебя хранила. Ах, как бы я хотела отдать тебе все мои платья и драгоценности. Ничто из брэнного больше не радует меня, единственное желание — уйти в обитель Пресвятого Отца, но госпожа не позволит, ей нужны мои услуги, — опустил ресницы, призналась Катрин.

— Как же так, миледи? Вы столь совершенны, вы должны блистать! — притворно возмутилась в ответ.

— Я оказалась недостаточно хороша для государя, — со слезами в голосе поведала бывшая невеста.

Мне стало ее жаль. Несмотря на приворот, на двуличность — это юное создание было прекрасно... И совершенно одиноко.

— Уверена, причина не в вас, миледи.

Словно в ответ моим мыслям, Катрин потеряла мягкость голоса и с металлическими нотками спросила:

— Какова она? Твоя бывшая госпожа?

Наученная опытом в покоях принцессы, я рассказала о самой себе в не самых лестных выражениях, чем потушила огонь ненависти в зеленых глазах Катрин.

— Милая, ты обязана переехать в мою комнату, стать моей ближайшей подругой, спать в моей спальне, — принялась уговаривать она, поправляя мои волосы. — Ты одна понимаешь меня.

Ясно, Катрин следует указаниям принцессы и пытается переселить меня из спальни Вейнера любым возможным способом. Забавно, однако: я сплю в одной постели то с Рейсвальдом, то с его невестой. Подобного сближения я не хотела и даже ради короля терпеть не собиралась.

— Мне очень неудобно признаться, миледи, это большая честь и все такое, но... — Тут я перешла на шепот: — У меня насекомые.

— Что? — Катрин отшатнулась назад, подошла к кровати и принялась лихорадочно сбрасывать на пол все, к чему я имела неосторожность прикоснуться.

Я осталась стоять на месте, прикусив губу и спрятав пляшущих бесенят в глазах.

Раздался нетерпеливый стук в дверь. Вошла полненькая розовощекая блондинка — фрейлина, которую я видела во время прошлого визита во дворец. Ее товарки, миниатюрной брюнетки, видно не было.

— Вы готовы, милая? — спросила она. — Ой, у вас гостья, простите, Катрин. Позвольте представиться, леди Фаррел, фрейлина ее высочества.

Не позволив мне проблеять свое имя, Катрин схватила меня за руку и представила:

— Мисс Лив, новая фрейлина ее высочества, прибыла во дворец сегодня.

Надо же, за пару часов у меня появилось новое имя и статус. Спасибо, Катрин.

— Неужели она прибыла с графом Вейнером? — широко раскрыв глаза, сообразила блондинка.

— Бедняжка тоже пострадала от злого колдовства. Идем же, я все расскажу тебе по дороге в покои ее высочества.

Железная женщина, Катрин заслуживала бурных оваций за выдержку. Она расписывала мою горькую судьбу в плену ведьмы, не давая вставить ни слова. При надобности сжимала мою ладонь в своей руке для поддакивания в нужных местах. И хотя бывшую невесту передергивало от моей близости, ни взглядом, ни жестом Катрин чувств не выдавала. Интересно, она-то любила Рейса?

Из слов Катрин выходило, что я родом из обнищавшего аристократического семейства, разоренного бешеной ведьмой, пленившей меня и лишившей должного воспитания. Сильвина узнала меня, облагодетельствовала, взяв под свое крыло. Леди Фаррел слушала, открыв рот, обмахивалась веером от избытка чувств и пересказывала вкратце историю всем встречным.

Сестра Рейсвальда потеряла ко мне интерес, как только я влилась в

разноцветную толпу сопровождающих ее юных и не очень дев. Правда, посмотрела в мою сторону и пожурела Катрин:

— Ты перестаралась, милая, теперь никому в голову не придет, что перед ним безграмотная деревенщина. У половины моих фрейлин мозгов не больше.

Кстати, к чести принцессы стоило признать, что в ее окружении можно было найти немало красавиц на любой вкус. Что не извиняло ее грубости.

— Хорошенько подумав, я решила, что тебе нечего делать на балу, — сообщила Сильвина, обращаясь ко мне. — Исчезни с глаз моих и больше не появляйся.

Я осталась в коридоре, удивленно провожая глазами толпу разряженных девушек, не преминувших каким-нибудь образом толкнуть или задеть меня. Только Катрин на мгновение побледнела, привалившись к стене. Видимо осознала, что ее усилия пропали втуне.

От принцессы не укрылось ее замешательство.

— Леди Савьель, вам нехорошо?

— Я всегда рада выполнить волю ее высочества, — мягко ответила Катрин побледневшими губами и, не оглядываясь, горделиво пошла за остальными.

Я с изумлением смотрела вслед принцессе и ее свите. Зачем все это было? Из замарашки сделать Золушку, а перед самым балом захлопнуть дверь? Выбросили, как ненужную вещь... Будь Либби настоящей, она бы залила слезами полдворца от отчаяния. Надо обладать изощренной жестокостью, чтобы проделывать подобные трюки.

Я не Либби, а ведьма, и Сильвине аукнется ее развлечение.

ГЛАВА 28

Не появляйтесь на балу без приглашения

Оставшись одна в коридоре, я с облегчением выдохнула и для себя наметила последующий план действий: узнать все возможное и невозможное о принцессе и ее окружении, понять, выгодна ли сестре смерть брата.

По законам Айнура править королевством мог лишь мужчина. У Рейса наследника нет, после его смерти разразится грызня за трон. Не очевидно, что Сильвине удастся удержать власть или остаться в живых, но, может быть, у нее в кармане отходной план. Пока кажется, что смена власти для принцессы невыгодна — Рейс дает сестре относительную свободу, ей следует быть благодарной, не кусать кормящую руку.

Это в теории, а что происходит на самом деле, нужно выяснить. Ясно одно: Сильвина вызывает у меня стойкое отвращение, впрочем, как и весь дворец. Непонятно, как в клоаке интриг выжил Рейс и остался таким, какой он есть, — смелым, честным, верным своему слову.

Я хотела посмотреть на него хоть одним глазком, но пока мне нужно было узнать, куда определили Мика и как дворец встретил мальчугана. И задействовать свой козырь в рукаве. Хватит действовать вслепую, у меня здесь верный человек, заблаговременно засланный — Ги.

Мальчишку я нашла плачущим под столом в неприметном закутке на кухне. Словно сердце вело к нему сквозь лабиринт коридоров и комнат. Рыжие вихри растрепались, лицо покраснелось, плечи поникли и вздрагивали в беззвучном рыдании.

Я залезла к нему, протянула руки. Мик тут же обмяк, уткнулся лицом в плечо и облегченно вздохнул. Всем телом я почувствовала, как он расслабился в моем присутствии, крепче прижала его к себе, нашептывая на ухо нечто успокаивающее. Когда Мик ведет себя по-взрослому и храбрится, я забываю, что на самом деле это ребенок.

— Я рядом, все хорошо, как только позовешь — приду, — приговаривала в рыжие волосы.

— Госпожа, давайте поедem домой...

— Мик, честно признаться, тоже ужасно хочу в наш замок. Устала слушать оскорбления от незнакомых людей...

— Они просто так обзываются!

— Вот именно. У нас добрее друг к другу относятся, ты не находишь?

Мик спрятал нос у меня на плече и тяжело вздохнул. В замке и правда за детьми присматривали все, от стражников до служанок, как одна большая семья. Непослушная ватага гоняла по замку, придумывала бурные шумные игры, но в них не было острых углов. Даже Мика, выделяющегося своей неприкаянностью, жалели и разрешали присоединяться. Кто знает, чем его встретил дворец?

— Знаешь что? Давай поселишься в комнате Вейнера. Ты же горазд прятаться в закутках; если нагрянут с проверкой, Сиенна тебя прикроет. Все лучше, чем самому.

Мик шмыгнул, немного отодвинулся и энергично кивнул:

— Кстати, я выяснил, госпожа, что вашего короля сегодня зарезать хотят. Прямо на балу. Вы уж присмотрите за ним.

— Кто? — холодно спросила я, непроизвольно сжимая руку на плече мальчишки.

— Генерал какой-то. У него еще усы густые и седые волосы лысину прикрывают. Вот так, — Мик показал зачесанные набок космы.

— Как ты узнал?

— Когда в конюшне сидел, от злых мальчишек прятался, они лошадей привели. Думали, что одни, обговаривали, кто с какой стороны нападет. С ними тощий такой был, с запавшими щеками. — Мик изобразил из себя воблу. — Он еще кланяется, как игрушка, туда-сюда. А третьего я не рассмотрел, он в тени стоял.

— Ты молодец, я тебе это уже говорила?

— И еще скажите!

Обняла крепко Мика за плечи, провела в наши покои. Сиенна захлопотала вокруг мальчугана. Он сначала сделал вид, будто ему ничего не надо, но, увидев фруктовый десерт, изобразил крайнюю степень изможденности.

— Граф Вейнер ушел на бал?

— Да, с час назад уже как. Передал вам, госпожа, весточку, мол, не стоит туда идти, он сам разберется. А уж вас постарается потом захватить на вечеринку в тесном кругу.

— Сиенна, мы забываемся и выпадаем из роли. А если следят? Зови меня Либби.

— Так вы ж знаете, когда следят, колдовским чутьем. А я не могу, устала. Претит мне делать вид, будто вы ниже меня. Дурное это притворство и бессмысленное. Ох, скорей бы домой, небось без меня распустились без меры, расходам счет потеряли.

— Тебя-то чем расстроили? Сиенна, что случилось?

— Мелочи, госпожа. Слуги слухи дурные распускают, мол, вас принцесса из дворца выгнала.

— Было такое, надо же, уже новость разошлась.

— И еще болтают, что его величество лютует по возвращении, будет военных к ответу призывать, они и боятся.

Я переглянулась с Миком. Картина вырисовывалась однозначная — за время отсутствия Рейса за его спиной успели сговориться и собираются атаковать, пока король не собрал верных вассалов.

Тяжело вздохнув, поняла, что деваться некуда — на бал придется идти. Незванным гостем, но тут ничего не поделаешь. Все к лучшему — быстрее разберемся с заговорщиками, и гложущая тревога за Рейса рассеется.

Мать-волшебница, как я хотела его видеть! Меньше суток прошло, а я уже глухо тосковала по его присутствию, возможности заглянуть в ироничные глаза, услышать чуть снисходительно сказанное «госпожа». А как чудесно было ощущать у себя на коже горячие ладони Рейса!

Когда вышла в коридор, сердце колотилось в груди в преддверии встречи. Не заговорщики были в моих мыслях, не странное поведение принцессы, а только король.

Илстин дожидался меня за одним из поворотов.

— Его попытаются убить сегодня, — прошептала я на ухо долговязому прыщавому пажу.

— Ничего у заговорщиков не получится. — Его губы искривились в нехорошей улыбке. — И тебе даже не потребуется вмешиваться. Признайся самой себе, что ты во дворце ради встречи с королем, а не со злоумышленниками.

— Тебе будет легче, если я озвучу свой выбор? Ты этого добиваешься, Ил?

— О нет, умоляю, молчи, Эви. — Илстин отступил на шаг назад, подняв ладонь. — Пока ты молчишь, у меня есть шанс.

Искренняя надежда в словах Илстина заставила меня сказать:

— Не могу поверить, что у великого волшебника, главы ковена, проснулись чувства к ничтожной мне. Все ожидаю, когда эта дикая ситуация разрешится и все вернется на свои места.

Как ни странно, разговаривать с неопрятным пажом было легче, чем с наставником в привычном облике. За годы обучения я привыкла к сдержанности подле Илстина, но сейчас привычная установка дала сбой.

Словно в ответ на мои мысли, черты пажа поплыли, открывая лицо учителя, чтобы я убедилась — это именно он, смотрит с открытостью

человека, которому нечего терять.

— Эвитерра, в тебе ярко горит огонь чистой души. Сильные люди тянутся к нему, слабые пытаются затушить.

Он стоял рядом, закрывая от всего мира. В груди разлилась теплота оттого, что учитель высокого мнения обо мне. Долгие годы казалось, что я для Илстина досадная обуза. И все же я сомневалась, что заслужила столь лестное суждение...

Заметив потупленный взгляд, учитель продолжил:

— Посмотри вокруг — у тебя талант находить союзников. Вспомни о замке Вейнер, где сотня преданных людей живет в дружбе и согласии. Ковен волшебников сотрясали скандалы и взаимная грызня, но ты сумела к каждому найти подход, и теперь мы спокойно пьем чай под персиковыми деревьями. Я люблю тебя, Эвитерра, несмотря на то что довольно долго пытался отрицать сей неоспоримый факт.

Мои губы дрогнули. Одно дело, когда тебя донимает невозможный тиран, и совсем другое, когда он признается в собственной хрупкости. Мне было безумно жаль Илстина. Ах, если бы, в другой реальности, я любила его!

— Ты подставляешь плечо, заботишься, открываешь сердце, не понимая, какое влияние добротой оказываешь на окружающих. Доброта — смертельное оружие для изголодавшихся по ласке. Даже сейчас ты бессознательно тянешься ко мне, стремясь утешить. Чего удивительного в том, что я желаю вечно купаться в тепле твоего взгляда? Иногда мне кажется, я готов даже на крохи твоего внимания...

— Ил, не надо! Хватит, пожалуйста.

Я тяжело дышала, меня разрывали противоречивые желания: обнять волшебника или зажать ему рот, лишь бы прекратить поток откровений. Было бы легче, веди он речь о простом соперничестве или жажде обладать, но Илстин говорил о самом главном. Уж если мужчина видит самое сердце женщины, его любовь — настоящая.

— Идем? Довольно разговоров. — Я умоляюще смотрела на него, одновременно стремясь успокоить и отстранить.

— Я признался, Эвитерра, теперь больше не могу молчать. Ответный шаг за тобой.

Каким будет этот шаг? Позволить ли учителю лелеять надежду или разом разорвать невидимую паутину, протянувшуюся между нами?

— Ил, ты очень дорог мне, мой якорь, моя опора. Если ты исчезнешь, боюсь, не удержу магию, выгорю в тот же миг. И все же не могу обманывать — я люблю Рейсвальда, кажется, бесповоротно.

Илстин смотрел на меня со смесью благоговения и восхищения. Совсем не такой реакции я ожидала на жесткие, вполне однозначные слова. Говорят, обиженные женщины мстительны. Мужчины не менее резко реагируют на задетое самолюбие. И я ждала шторма, а получила теплый тропический дождь, который проникает под одежду и достает до самого сердца...

— Как бы я хотел быть объектом твоей преданности, — выдохнул Илстин, заставляя меня задрожать. — Идем, ты желала удостовериться в его благополучии.

Илстин повел меня своим путем, чтобы не сталкиваться ни с кем. Магия текла с его пальцев, искривляя пространство, творя двери в глухих стенах, создавая узкие коридоры в каменной кладке. Мою ладонь удерживал крепкий захват Илстина, он словно желал показать мне, каково быть под крылом его защиты. Как надежно и спокойно там. И горячо.

Мы встали в тени огромной напольной вазы, расписанной лазурью. Золотые канделябры сияли сотнями тоненьких свечей. По стенам развесили стеклянные колокольчики с сияющими пружинками ведьминских волос. Подобное освещение особенное: оно подчеркивает женскую красоту, поэтому местные леди старались ждать приглашения на танец, помахивая веером подле светящихся гирлянд. Музыканты играли нечто залихватское и быстрое, на узорном полу мужчины выделявали напротив женщин замысловатые фигуры танца, затем замирали, давая дамам показать не менее изящные на.

Мое сердце гулко билось в груди, а ладонь все так же удерживал Илстин. Глаза скользнули по изящному графу Вейнеру, который не танцевал, а поддерживал разговор с высоким иссушенным мужчиной. Неужели тот самый «вобла», которого увидел Мик? Умница граф, времени не теряет.

Затем я заметила золотую голову Ги. Тот тоже сторонился общего веселья, не замечая флирта девушки, стоявшей неподалеку и жеманно поводящей оголенными плечами.

Слева от меня на золотом пьедестале красовался старинный кованый трон, обитый бархатом королевского цвета — темно-зеленым. Мать-волшебница, как же красиво на нем смотрелся Рейсвальд! На широких плечах покоился плащ, отороченный белым мехом с алой подбивкой. Высокий лоб украшал тяжелый венец. Столь любимые мною черные локоны обрамляли красивое волевое лицо. Истинный монарх на своем месте, там, где и должен быть, а не на ступеньке у моих ног. Но как же я скучала по возможности зарыться рукой в волосы, пощекотать затылок,

заставить этого мужчину смотреть на меня снизу вверх...

И вдруг Рейсвальд посмотрел прямо в мою сторону, сквозь толпу гостей. В самую душу посмотрел. Я была в другом обличье, даже разрез глаз отличался от моего собственного, но что-то подсказывало — узнал. Потупила взгляд и отступила, упершись спиной в каменную грудь Илстина.

А потом все завертелось.

Зазвенели клинки, завизжали дамы, зал наполнили стражи в доспехах. Некоторых аристократов скрутили без боя, тех, кто явился с оружием и решил сопротивляться, успокоили навек после недолгой схватки. В сторону Рейсвальда хлопнуло раз или два нечто магическое, но без всякого результата.

Потасовка закончилась. Заговорщиков, связанных по рукам и ногам, вытолкнули к подножию трона. «Воблу» я увидела сразу, так же, как и усатого генерала.

Король достал список, холодным голосом зачитал имена, обвинил в измене, приведя доказательства. Назначил на завтра суд, бросив быстрый взгляд, как показалось, прямо на меня. За преступников кинулись просить несколько дам. По традиции король должен был проявить милость и отпустить хотя бы одного, но Рейсвальд сообщил, что готов выслушать защитные речи на завтрашнем суде.

— Видишь? — прошептал Илстин на ухо. — Он не нуждался в твоей защите. Что сделаешь сейчас, Эви? Тихо уйдешь? Заговор раскрыт, твоему королю ничто не угрожает. Да и не дал бы я ни единому волосу упасть с его головы.

Подданные склонились перед волей сюзерена. Рейсвальд же всем своим видом показывал, что происходящее — скучная рутина, часть взятых вместе с короной обязательств.

Пленников увели, трупы убрали, кровь затерли. Наиболее чувствительных дам сопровождали в покои. Король приказал продолжать бал.

Я восхищалась Рейсвальдом. Ему нравилось изображать моего раба, потому что в обычной жизни надоело быть вечным повелителем. Но именно изображать. При этом и на зеленом троне он не был собой. Как правило, монархам помогает править жажда власти и честолюбия, которых Рейс лишен. Его вел долг, и за это я любила короля еще больше.

Илстин прав, мне пора возвращаться, раз Рейсвальд и сам отлично справился с назревающим бунтом. На самом деле гениально — не арестовывать заговорщиков по одному, а подождать, пока они соберутся в бальном зале и проявят себя. Весьма удобно повязать лидеров одним

махом.

Только, может, пора перестать врать самой себе в поисках препятствий для любви? Я уже вполне познала всю глубину боли существования без Рейса. Меня снедала жажда быть с ним.

Лишь одно могло меня остановить — страх навредить Ннанди, ускорить выгорание. Но и тут весы склонялись в пользу короля. Магии угодна любовь. Через чувства магия течет полноводной рекой, без водоворотов и бурлений. Жар его объятий умиротворит потоки.

— Ил, отпусти меня, — тихо попросила я, пытаюсь вырвать ладонь из железной хватки. Приняв решение в пользу одного мужчины, не стоит давать надежду другому.

— Эви, разве ты еще не поняла? Даже если ты будешь с моим братом, я переживу. Буквально переживу его. У меня достаточно терпения и времени в запасе.

И еще кое-что осталось недосказанным, но мне все было понятно без слов. Илстин знал, что когда я выгорю, то Рейсвальду в хрустальный дворец ходу не будет. Зато учитель сможет меня навещать хоть каждый день. Он будет преданным, любящим и очень настойчивым. Илстин привык добиваться поставленной цели, что-то подсказывало — и я не устою, однозначно не устою перед ним.

О том, что случится, когда Рейса не будет на свете, думать не хотелось. Я без него не смогу жить. А хрустальный дворец не располагает к романтике, поэтому надежды Илстина очень хрупки. Учителя откровенно жаль, лучше бы его вечная любовь нашла другой объект.

Перед тем как скрыться, я поймала еще один пристальный взгляд.

Сестра Рейсвальда, Сильвина, смотрела на меня очень внимательно, без удовольствия, а потом ласково улыбнулась. Так ласково, что я решила — точно убьет и не поморщится. Мне приказали на бал не ходить, а я презрела указания госпожи. Скорей всего, наказания долго ждать не придется, но мне было даже интересно, что она подготовила. Что находится по темную сторону сестры Рейса. Ради этого стоило даже остаться во дворце.

ГЛАВА 29

Лучше не вспоминать о короне

Я обернулась птицей и полетела заученным путем к окошку Рейса. Тянула меня эта светлая глазница на стене замка. Хотелось напомнить себе о годах, когда я мечтала постучать клювом о стекло и не смела.

Он ждал меня. Стоял, освещенный свечами за спиной, и глядел в ночь. Когда, трепеща крыльями, я неуклюже приземлилась, ослепленная ярким светом, он сноровисто открыл ставни, бережно взял меня в кулак, склонился поцеловать в клюв и счастливо прошептал:

— Все-таки пришла!

Я обернулась блондинкой, потому что больше всего нравилась себе в этом образе, а сейчас я ужасно волновалась, и мне хотелось очаровать Рейса, заслужить его восхищение. Я пришла капитулировать. Полностью, по всем фронтам. Признаться в любви и отдаться на его милость. Нужно было сделать это давным-давно, даже когда мнила его предателем. В любви нет ничего постыдного, наоборот — по отношению к предмету любви можно многое понять о человеке.

Рейсвальд как был, в королевском облачении, опустился передо мной на колени и обнял ноги.

— Моя госпожа.

Мать-волшебница, я же совсем забыла — договор еще в силе. Отменить его никак нельзя, а мне так нужно быть с Рейсом на равных.

— Я прошу, не приказываю, пожалуйста, на сегодня забудь об этой глупой игре, потому что мне надо тебе сказать что-то важное.

Рейсвальд поднял голову, и я утонула в его черных глазах. Мысли разбежались, в груди разлился жар, и важно стало лишь то, что он рядом, что он меня ждал.

— Тогда и ты уважь меня, Ева. Стань собою, прошу тебя.

С сожалением развеяла образ блондинки. Настоящая я была весьма потрепана после бала, совсем не привлекательна и слишком худа. Но раз Рейсвальд просит, да еще с таким взглядом, я готова на все что угодно.

— Послушай, ты должен знать. Я одержима тобой, Рейсвальд. Последние семь лет каждый день прилетала к этому самому окну, потому что и дня без тебя прожить не могла. Аригельда говорит, что наделенные магией любят вечно, боюсь, меня эта напасть не обошла стороной. Я не

могу оставить тебя в покое, вернее, попытаюсь, если попросишь. Постараюсь не вмешиваться, как раньше, только знай — все равно разлюбить не получится.

— Это правда? Ты будешь любить меня вечно? — переспросил Рейсвальд, не вставая с колен, глядя горячим взглядом снизу вверх.

Я, порозовев, кивнула, пряча за спиной вспотевшие ладони.

— Пресвятой Отец, я не смел надеяться...

Рейсвальд начал медленно вставать, не расцепляя рук. Судорожно вдохнул воздух у моих бедер, спрятал лицо на животе, затем медленно мазнул щекой по груди. И встал близко-близко, в полный рост, крепко сжимая, так, что не выбраться.

— Кажется, я тоже одержим тобой, Ева. Ты постоянно в моих мыслях, сердце мое бьется только для тебя, и нет никого на свете желанней.

Тут Рейсвальд притянул меня еще ближе, чтобы я сполна ощутила всю силу его желания.

— Поэтому люби меня так сильно, как сможешь, — прошептал он мне на ухо, опалая дыханием. — Все равно мне будет недостаточно.

Медленно убрал шершавой рукой мои волосы назад, оголяя шею, и оставил ладонь на затылке, чтобы поднять чуть выше лицо. Долго любовался губами, чертенытами в глазах, с предвкушением гурмана, сидящего напротив королевской трапезы.

А потом, когда я утонула в голодной бездне его взгляда, Рейсвальд впился в мои губы, как собственник. Поначалу властно, не давая дышать, словно оставляя свое клеймо, а потом все нежнее и нежнее, сладко прикусывая и зализывая оставленные ранки, пока я не застонала и не обмякла в его объятиях.

— А теперь поиграем опять в раба и госпожу, — приказал он мне, блеснув шальными глазами. — У меня осталась парочка неисполненных желаний.

Я все еще тяжело дышала от поцелуя. Мать-волшебница, как он еще может связно разговаривать, в таком оглушающем водопаде чувств? Видимо, одного поцелуя мало...

Обвила шею Рейса руками, чуть потерлась грудью о его грудь и потянулась к растянутым в усмешке губам. Он судорожно вздохнул и снова поцеловал меня так, что под ребрами разлилось горячее шампанское. Я словно вернулась домой из странствий по пустыне, а Рейсвальд предложил вдоволь напиться. Наши тела идеально сочетались, наши языки двигались в танце наслаждения, наши души пели друг другу о любви.

Кажется, я заплакала. Или он? Счастье было слишком острым,

смешанное со страхом. Поцелуй стал соленым, и мы остановились, рассматривая друг друга. Я так и сказала ему:

— Не переживу еще раз тебя потерять.

Рейсвальд пожал плечами, обнял крепче, чтобы не убежала, и просто сказал:

— Все равно я хотел на тебе жениться. А теперь побудь госпожой минут десять, больше не выдержу. Чего тебе стоит, Ева? Вижу же, сама не против.

О да! Я была не против. У меня тоже осталась парочка неисполненных желаний.

Рейсвальд провел меня к мраморному столику с большим зеркалом. В ряд были выставлены стеклянные баночки с отвинченными крышечками и широкая щетка с ворсом, такая, как я люблю.

— Ты готовился! — обвинительно сказала, поворачиваясь к нему.

Рейс легонько толкнул меня в кресло и чуть куснул в шею, наклоняясь сверху, убивая желание выяснить отношения.

— Мужчина имеет право надеяться, госпожа.

Что он задумал? С невозмутимым видом Рейс взял щетку и принялся колдовать над моими волосами, перемежая расчесывание с поцелуями, так, что под конец я совсем потерялась и не понимала, на каком свете нахожусь. А уж когда он завладел моей мочкой, отслеживая в зеркале мою реакцию, меня бросило в жар, желание неистово разыгралось в крови... Так вот о чем мечтал король, даже под приворотом? Что ж, как всегда, наши желания совпадают.

— А теперь, госпожа... — сказал он с предвкушением в голосе. — Массаж!

— И столик раздобыл? Когда успел?

— Поверьте, госпожа, в моих приоритетах на первом месте стоял этот весьма удобный предмет. — Рейс любовно провел рукой по белой коже поставленного в углу высокого сооружения с отверстием для лица, по всем правилам. — И лишь на втором — досадливый заговор.

Я прикусила губу и закрыла глаза.

— Очень плохо, — неодобрительно покачала головой из стороны в сторону. — Кто тебя обучал, нерадивый раб? — Я открыла глаза и исподлобья посмотрела на Рейсвальда. — Сначала купальня, затем массаж.

— О нет, — сказал он, выставив ладони вперед и посмеиваясь. — В купальню ты сама, иначе я и десяти минут не выдержу. А массаж — обязателен.

— Все-таки хорошего слуги из тебя не вышло, Рейс, — сказала я ему,

уже исчезая в королевской купальне.

— Подождите, госпожа, вы еще не испробовали ловкости моих рук.

Я вздрогнула от резкой волны наслаждения от жарких слов, а король еще добавил:

— И языка.

Все. Я была готова без всякого массажа. Щеки алели, глаза лихорадочно блестели, а от мысли, что Рейс ждет меня со скользкими от масла руками, тело ломило от предвкушения.

— Ложитесь, — коротко приказал он, когда я вернулась.

Нет, Мать-волшебница, это слишком для одной маленькой ведьмы. За три минуты, пока я была в купальне, Рейс полностью обнажился. Пресвятой Отец свидетель, нет мужчины красивее на свете. Какие руки, а мышцы груди, а подтянутый живот с темной дорожкой, ведущей к тому, что ниже... Туда лучше не смотреть, и так голова кружится.

Прикосновение горячих рук к спине и не менее горячих губ к шее. Рейс сел на поясницу, как мне отчаянно хотелось. Магия заискрилась и потекла, даря столь острое ощущение, что я тут же, прямо сразу же — не выдержала.

— Ничего, госпожа, — прошептал Рейс на ухо. — Я вам дам второй шанс. Вы только не сбегайте, как в прошлый раз.

Мать-волшебница, в прошлый раз он все понял! Какой кошмар, позор так опростоволоситься! Мне стало стыдно, но лишь до той секунды, когда руки Рейса вновь заплесали по моей спине.

А потом он сделал то, что хотел с самого начала сессии массажа. Кажется, я кричала. Стонал и он. Я не помнила, что раньше было так хорошо, кажется, лучшего со мной в жизни вообще никогда не случилось.

— Это было... — отдышавшись, резюмировал он, — по-другому, Ева.

— В прошлый раз я еще не была ведьмой, — убирая волосы с лица, выдохнула я.

— На это ощущение можно подсесть, — серьезно сказал Рейс.

— Как ты думаешь, почему у ведьм столько любовников? — усмехнулась в ответ.

У Рейсвальда расширились ноздри.

— Используй меня, Ева. Ты увидишь, я могу быть неумом. Пожалуйста, попробуй без любовников.

— Глупый! — Я толкнула его в мощное плечо. — У тебя есть абсолютно преданная влюбленная в тебя ведьма. Проси все что угодно, зачем желать очевидного?

— Просто будь со мной, — попросил он и прижал меня к груди. — Я

постараюсь сделать тебя счастливой.

— Больше не будет «госпожи»?

Его губы были столь призывно приоткрыты, что я воспользовалась моментом и облизала их.

— Отчего не будет? Я недостаточно использовал возможность как следует насладиться своей госпожой.

Я попыталась спихнуть Рейса с массажного столика, но он был тверд как скала.

— Кстати, я так мечтала о том, чтобы однажды найти тебя в моей комнате закованного в цепи, с распростертыми руками, с завязанными глазами...

— Что-что? — заинтересовался король. — Расскажи-ка поподробней, что ты придумала, а, Ева?

— Уже? — переспросила, почувствовав его готовность.

— Я же говорил, что могу быть неутомим, — сказал Рейс, зарывшись носом в мою шею.

— Знай, ты можешь быть любимым. Я люблю тебя, и это — навсегда.

— Ева... — простонал он на ухо. — Ева, обещаю, что это правда. Что ты всегда будешь моей!

— Знаешь, что-то тут неправильно, милый. По-моему, мужчина должен постоянно признаваться в любви, а не наоборот. Я от тебя заветных слов еще не слышала...

— А? — с затуманенным взглядом спросил Рейсвальд, вжимаясь в меня бедрами. — Ева, ты моя жизнь. Я безумно люблю тебя, никогда не отпущу, и вообще, если можно вживить тебя мне под кожу, будет спокойнее. Роди мне ребенка, а лучше трех, а лучше семерых. Но давай не будем говорить о будущем, а займемся наверстыванием упущенного времени. У меня всю последнюю неделю при взгляде на тебя разум отключается. Повторим?

Мы повторили.

Рейс упал на меня сверху, поцеловал в висок и выдохнул:

— Ева... Еще ярче, чем в первый раз. Что ты со мной делаешь?

Определенно, если он еще может говорить, я недостаточно старалась.

Напряглась, извернулась и довольно уселась на Рейса сверху. Он застонал, прикрыв глаза, но руки уже нашли свое место, удобно устроившись на моей груди.

— Рейс... — позвала я, но король в ответ промычал нечто невнятное. Правильно, значит, дошел до нужной кондиции. — Знаешь, мне очень хочется искупаться с тобой, а желания госпожи необходимо выполнять. Я

видела, ты купальню по-новому оборудовал. Как только успел?

— Ева! — возмутился Рейс, затем сграбастал меня в медвежьи объятия и понес в купальню. — Я горы для тебя сверну, а ты лохани новой удивляешься.

Мокрый Рейс еще лучше сухого Рейса. Я плаваю рядом с ним, а магия течет золотым потоком и тихо радуется. Давно не чувствовала себя такой счастливой! И прозрачной, как стеклышко... Если Рейс будет рядом, о выгорании можно забыть.

Он любит меня, и сей факт явно говорит о том, что мужчина он неправильный — ведь сейчас я просто мокрая мышка с горящими глазами, а могла бы быть блондинкой с четвертым размером. А сердце стучит еще сильнее от понимания того, что король любит истинную меня, ему не нужны красивые оболочки. От этого так тепло внутри, что тяжело сдерживать глупую улыбку, и я откровенно люблю совершенными чертами Рейса в ответ. Даже не помню, какими доводами я уговаривала себя от него отказаться.

Ах да. Корона.

Король завернул меня в пушистое полотенце, как драгоценный подарок. Отнес на сатиновую гладкость простыней на огромной кровати. Тщательно растер, целуя каждый освободившийся кусочек кожи.

— Королевой я не буду, — сказала я, чувствуя важным расставить все точки над «и».

Кажется, Рейсвальд говорил что-то о свадьбе, но я не смогу ужиться во дворце. Вот так, ночной гостьей — сколько угодно, пока не надоем и не прогонит. А днем, на троне — увольте. Нужно знать свои недостатки, в дворцовых интригах я полный ноль. Манерам обучают с рождения, я всегда буду невоспитанной выскочкой. Рейсвальду придется тратить время на защиту меня от злых языков. Зачем?

— Королевы из тебя и вправду не получится, — согласился Рейс между поцелуями.

Мне даже как-то обидно стало. Я ждала, что как минимум он меня немного поугаваривает. Женщины бывают тщеславны. Право же, к лучшему, что нет необходимости убеждать Рейса не заковывать меня в корсет и сажать на трон, но все равно он слишком быстро согласился.

Я отпихнула кудрявую голову и перевернулась на живот. Рейс укусил меня за плечо, заставив вздрогнуть.

— Я же был у тебя в плену, видел, что значит быть ведьмой. У тебя достаточно забот, и я не жду, чтобы ко всему ты занималась дворцовыми делами и благотворительностью. Просто выйди за меня замуж, Ева, прошу

тебя. Пусть у меня будет жена, а жадные соискательницы королевской руки знают свое место. Мой отец стал счастливей, когда позволил ведьме жить своей жизнью, я не повторю его ошибок.

— Ре-эйс... — протянула я. — Мать-волшебница, иногда я поверить не могу, что ты настоящий.

— Это «да» или «нет»? — Рейс перевернул меня на спину и навис сверху, заглядывая в глаза и хмурясь. — Мне надо знать прямо сейчас, или я за себя не отвечаю, Ева.

— Все, что ты хочешь! — Я счастливо зажмурилась и подставила губы для поцелуя, но Рейс напряженно молчал.

— А чего хочешь ты, ведьма?

— Тебя! Тебя хочу. Глупый, все еще сомневаешься? Замуж тоже хочу, и если бы тебя можно было вживить под кожу, я была бы спокойней. Знаю, как тебе дорог Айнур, помогу, чем смогу. Благотворительностью ты меня точно соблазнил, вот бы еще образование под нашу земную модель подогнать. Что? Почему ты на меня так смотришь?

— Строю планы, как бы привязать тебе поплотней, но чтобы ты жила иллюзией, будто полностью свободна.

— Чшш, подобными планами не делятся. Я вот уже придумала, как быть подле тебя и днем и ночью. Мы поженимся, но жена я буду отвратительная, ладно? Ты от отчаяния заведешь себе фаворитку, к ним же не так цепляются, правда? Фавориткой очень удобно иметь к тебе доступ, например, во время длительных совещаний. Зайду, пару раз хлопну глазками, ты со мной уединишься в частных покоях, мм...

— Нет, — резко заявил Рейс. — Никаких фавориток. Там, где появляется одна, строят надежды сотни других. Я буду трогательно предан своей жене, а вот как часто появляться во дворце, решать только ей.

Он склонился и поцеловал меня. Долго, нежно, до мурашек по коже. Очень сильный, очень горячий, очень влюбленный. Так, обнимаясь, мы заснули, вернее, Рейс заснул. У него был напряженный день, скорей всего, бессонная предыдущая ночь. Даже во сне он цеплялся за меня, переплел свои ноги с моими, перебросил ручищу через талию. Я вытекла из его объятий, подставила подушку в нужные места. Рейсвальду следует отдохнуть, а вот меня еще ждут дела.

Мать-волшебница, какой же он красивый, дух захватывает! Оставлять его казалось глупостью, но у меня там Сиенна и Мик, они волнуются. А еще я помнила, что в письме Катрин упоминалось ночное испытание, и не хотелось его пропустить.

ГЛАВА 30

Все-таки не стоит доверять фрейлинам

Когда улетала, окно отведенных Вейнеру покоев предусмотрительно оставила открытым. В маленькой каморке сладко спал Мик с разметавшимися рыжими вихрами. Я накрыла его одеялом, потому что ночи морозные, а ставни продувает. Мик проснулся, ухватил меня за руку и сонно спросил:

— Мама, где ты была? — Он поперхнулся, потер лоб. — Простите, госпожа.

— Ничего, Мик. — Я поцеловала его в лоб, которого он только что касался грязной пятерней. Неужели Сиенна не помыла ему руки перед сном? — Зови меня как хочешь. А теперь спи спокойно: злодеи повержены, король в безопасности.

— Вы тоже спите, госпожа. Вон я оставил вам место.

Я скептически окинула взглядом полосу шириной сантиметров в двадцать, которую оставил для меня щедрый мальчик. Он уже снова спал. Я вдруг поняла, что очень его люблю. Что приняла сердцем. И мне было безумно приятно, что он назвал меня мамой.

В большой комнате спали в обнимку Сиенна и полураздетый граф. Люди во сне выглядят по-своему трогательно, особенно фронт-граф с полураскрытым ртом, доверчиво прильнувший к моей экономке.

Но все же он слишком любит свое положение во дворце, чтобы кардинально измениться. Боюсь, путы греха затянут Вейнера обратно, и бегать ему вновь в шкурке морской свинки. Впрочем, предоставляю ему шанс меня удивить.

В дверь постучали. Тихо, но настойчиво. Я вовремя вернулась в свои покои, интуиция не подвела. На часах три ночи, самое время для темных делишек. Пока не разбудили моих друзей, следует как можно быстрее принять облик сонной Либби в сорочке с большим вырезом и поспешить к двери.

Катрин при всем параде в обществе блондинки-фрейлины ждала меня с каменным выражением лица. Нет! Все же на мгновение мне удалось перехватить откровенное злорадство на лице бывшей невесты моего Рейса. Кстати, сейчас я начинаю злиться и ревновать, а ведь еще пару часов назад не имела на это права. Как хорошо, что теперь оно есть! А вот Катрин не

поздоровится, но она еще об этом не знает.

— Готова ли ты для испытания, приготовленного ее высочеством?

— Я д-думала, ее высочество меня видеть не желает...

Мое актерское мастерство дало трещину, и слова прозвучали скорее с ноткой иронии, чем с искренним удивлением овечки Либби, но Катрин не обратила внимания.

— Ты можешь вернуть ее расположение, если правильно распорядишься вторым шансом и не будешь тратить наше время.

Но я тратила его с наслаждением. Стояла в дверях и пялилась на Катрин, наблюдая, как она зеленеет в тон платью. Если я правильно просчитала душку Сильвину, она приказала привести меня как можно скорее.

Мелочи, это все мелочи, дорогая Катрин. Самое интересное начнется потом, когда я разужнаю, что вы замышляете за спиной моего Рейса. Мать-волшебница, до чего же приятно звать его моим!

Катрин достала из мешочка на поясе плотную черную ткань. Мне собираются завязать глаза? Все интересней и интересней! После ночи с Рейсом я сильна как никогда, кажется, смогу видеть и через железобетонную стену, что там какая-то ткань.

— Спешу порадовать ее высочество, — сказала я наконец и сделала шаг вперед, в руки милых красавиц-фрейлин.

Мою зловещую улыбку они не заметили, слишком увлеклись спутыванием рук за спиной и обматыванием лица.

— Это какой-то ритуал? — спросила я со смешком в голосе.

— Испытание, — бросила Катрин.

Фрейлине не дают права голоса? Пухлая блондинка выглядела не лучшим образом. Кажется, ей даже было меня немного жаль, хотя она прятала это от бывшей невесты. По крайней мере, связывала из рук вон плохо, даже не больно, а еще, пропустив шнур между моих пальцев, она тихонько, с намеком, пожалала их.

На сердце потеплело. Подобные проявления доброты особенно ценны. Стоит вознаградить фрейлину-блондинку. Только нужно выяснить ее имя.

Меня повели вниз, почти сразу же по секретным коридорам, душным и тесным. Вели долго, не обращая внимания на то, что я не спотыкаюсь на ступеньках, держу голову высоко и постоянно озираюсь. Тяжело спрятать хорошее настроение, а меня только что держал в объятиях лучший мужчина на свете. Я буквально лучилась довольством, едва не сияла золотой звездой от воспоминаний о вечере.

Катрин все-таки заметила мечтательное настроение дурочки Либби и

толкнула меня в спину, прошипев сквозь зубы:

— Зря тешишь себя надеждой занять достойное положение в свите ее высочества.

— Почему? — притворно удивилась я, ожидая ответа с жадным любопытством.

— Хотя... — Катрин улыбнулась. — Может, тебе удастся удостоиться ее похвалы, если покажешь присутствие духа на испытании.

Жаль, я надеялась узнать больше информации, но, видимо, придется запастись терпением.

Воздух стал затхлым и немного сладковатым, с гнильцой. Так пахло в пещерах, где селились крупные хищники. Меня ведут в пыточную? Не знала, что нечто подобное есть во дворце Рейса, чьи методы допросов отличались гуманизмом. Король удивительно прогрессивен для своего времени.

Меня вытолкнули вперед, стук каблуков по полу разнесся эхом вокруг. Я повернула голову в повязке, оглядываясь. Каменный мешок с внутренним балкончиком по периметру, огороженным узорной кованой решеткой. Там восседала принцесса в мерцающем платье, с румянцем предвкушения на щеках. Вокруг нее собралась небольшая группка испуганных фрейлин, старающихся выглядеть равнодушными. Я чувствовала липкий страх девушек и ликование принцессы.

Катрин грубо толкнула меня в спину, направляя к выложенной светлой плиткой звезде посреди огромного круглого зала, освещенного лишь несколькими факелами на стенах. Плитка была чисто выскоблена, а вот в желобках собралось нечто бурое, пахнущее железом и отдающее человеческой кровью.

Меня что, в жертву принести собрались?

Я даже рот открыла от удивления, потому что ждала унижения, мелких гадостей, в крайнем случае — разнузданной оргии, но, кажется, меня собирались банально убить.

У Сильвины садистские наклонности?..

Катрин и блондинка заставили меня опуститься на колени посреди звезды. Сестра короля чуть привстала, замороженная зрелищем, а блондинка, наклонившись надо мной, дернула за узел на запястьях, немного распуская его. Ладони коснулось нечто прохладное, я поняла, что мне вручили кинжал, и поспешно спрятала его в складках сорочки.

Точно убить хотят.

Рейс, знаешь ли ты о ночных играх Сильвины? Кажется, нет...

Король предпочитал не говорить о сестре, но когда произносил ее имя,

проскальзывали в его голосе нотки глубокого разочарования. Так матери говорят о сыне, который пьет, погряз в азартных играх или связался с уголовниками. Рейсвальд предоставил сестре абсолютную свободу, и она воспользовалась ею не лучшим образом.

Кажется, пора принять облик ведьмы и разнести тут все к чертовой матери, но мне еще не были ясны мотивы Сильвины. Она может оправдаться, что попросту пугала меня, а тут нужна однозначность.

Убить меня они все равно не смогут, почему бы не расслабиться и не понаблюдать?

— Милая девушка, тебе выпала великая честь, — мягко произнесла Сильвина, и я подняла голову на голос.

Развязывать глаза мне никто не собирался. Сзади слышались торопливые шаги спешно убегающих Катрин и блондинки. Хлопок двери, поворот ключа.

Кажется, Сильвина забыла мое имя.

— Я должна быть полностью уверена в отважном сердце моих фрейлин. От тебя требуется просидеть в подземелье ночь, а утром, будь уверена, награда не заставит себя ждать.

— В-ваше высочество, я... Я недостойна подобной чести!

— Отказываешься? — холодно спросила Сильвина.

— Я боюсь! Отпустите меня!

Даже если сестра Рейса на данный момент выглядит полной злодейкой, я должна дать ей шанс выпутаться.

— Поздно, милая. Моими приказами не пренебрегают. Думаю, данный урок научит остальных послушанию, не правда ли, милые девы?

Ах вот с чьей легкой руки все величают друг друга «милыми».

Мои крики и просьбы отпустить Сильвина проигнорировала. Я, пошатываясь, встала на ноги, подошла к двери. Заперта, естественно. Воздух словно сгустился от страха фрейлин и тяжелого предчувствия. Все сильнее пахло кровью.

Если меня решили принести в жертву, то где же палач? Принцесса с приспешницами удобно устроились на балконе, будто в театральной ложе, зал совершенно пуст, выход запечатан.

Я упала на колени, принявшись снова умолять о пощаде. Ноль реакции. Только к зрителям присоединились Катрин и пухленькая фрейлина, появившиеся за спиной Сильвины из потайной двери. Катрин была непривычно бледна, но выглядела так, будто тяжелая ноша свалилась с плеч. Блондинка мелко тряслась и смотрела в пол.

Где-то в вышине теряющегося в темноте потолка раздался леденящий

кровь тонкий клич. Я задрала голову, с удивлением наблюдая за темной тенью, лезущей, видимо, из тайного хода в потолке.

Мешковатое тело с круглым вздувшимся животом, кожистые широкие крылья, круглый пятак с острыми сверкающими клыками. По потолку полз фрикс. Раз в десять крупнее моего Милахи, размером примерно с дракона.

Толчок — и фрикс оттолкнулся от потолка, судорожно махая крыльями, попытался развернуться в тесном пространстве. То есть для него тесном. Тут бы вертолет спокойно полетал, в древние времена умели устраивать тайные подземелья под замками.

Наконец он замер над моей головой, втягивая воздух широкими ноздрями. Из открытого рта капнула на пол тягучая ядовитая слюна, и фрикс причмокнул — явно в предвкушении трапезы. Я похолодела — неужели его подкармливали человечинной? Неужели он собирается меня съесть?

Фрейлины от ужаса отступили, одна Сильвина осталась сидеть прямо, и глаза ее победно сверкали.

Это ее фрикс? Все указывает на то, что да.

Магические существа питаются человечинной, высасывая из живой плоти остатки магии. Мой долг ведьмы — защищать людей от хищников, убивать чудовищ. За все семь лет я ни разу не встретила столь крупной и мощной особи, а ведь устраненные мною фриксы вырезали целые деревни.

Сколько людей убила Сильвина, чтобы вырастить эту зверушку? Или вот еще вопрос получше — зачем?

— Ч-что там? — спросила я дрожащим голосом.

— Молчи, милая, — насмешливо ответила принцесса. — Дольше проживешь.

Теперь я понимала, зачем она разыграла спектакль с изгнанием меня из дворца перед балом. Фрикс таких размеров питается очень часто, а где брать жертвы, не вызывая излишних подозрений? Аристократок хватятся родственники, а вот никому не известная выскочка — прекрасная кандидатка для еды. Прилюдно прогнать ее, затем тайно позвать среди ночи — идеальный план, чтобы избежать излишних подозрений.

Ладно, кажется, достаточно доказательств, чтобы призвать принцессу к ответу. Можно снимать маскарад.

Путы на руках опали, повязка на голове исчезла. Я распрямила плечи, позволила золотым волосам упасть сплошной волной до пола. Как хорошо, что мы с Рейсом не успели их отрезать! Во мне сейчас много магии, но все же недостаточно, чтобы встретить бой с фриксом-переростком в одиночестве.

Золотая нить, выпущенная из руки, стремительно протянулась к закрытой двери, я послала импульс поиска к учителю: «Ил, мне нужна помощь прямо сейчас!»

Внутри все дрожало от напряжения, а ноздри фрикса с наслаждением втягивали аромат магии. О да, сейчас его немного поведет, а я выиграю несколько секунд, и это шанс учителя присоединиться к схватке.

На чудовищ не идут в одиночестве, нужно перестраховаться.

Я не хочу убивать фрикса, но, в отличие от Милахи, он уже испытал сладость человеческой плоти и не будет останавливаться. Не знаю, зачем Сильвина ввязалась в игры с монстрами, но этот фрикс рано или поздно вырвался бы из заточения и изничтожил все население дворца.

— Ведьма! — закричала Сильвина. — Я так и знала, что она — ведьма! Смотрите же, милые фрейлины, на что способна ваша госпожа и будущая королева! Ведьмы больше не властны над нами, лишь моя воля — вот единственный закон!

Словно подстегиваемый визгливым голосом Сильвины, фрикс отлип от потолка и лениво атаковал меня. Острые когти раскрыты в хищном захвате, крылья расправлены, клыки обнажены.

И уши к голове прижаты, совсем как у Милахи. И умильно прикрыты красные глазки. Милаху я на руках таскала с младенчества, он умница и очень преданный. Рука не поднимается причинить вред и зверюге принцессы, поэтому я просто быстро перетекла вправо.

Фрикс громко приземлился, заставив камень под ногами дрожать, и повернулся в мою сторону.

«Не могу открыть портал, бегу, Эви, жди!» — пришел ответ от Ила.

Я подняла голову и увидела, что Сильвина уже стоит. Перст указывает в мою сторону, подбородок победно задран.

— Она слишком слаба пред моим драконом! Боги смилоствовали над нами! Запомните этот день, милые подруги! Нам более не нужно скрываться или искать крохи магии по Айнуру. Все в прошлом, а в будущем я как следует вознагражу вашу верность!

Я чуть не рассмеялась, услышав, что Сильвина назвала лысого вонючего фрикса драконом. Принцесса повернулась к Катрин и что-то прошептала ей на ухо. Бывшая невеста исчезла из ложи, а я повернулась к фриксу, готовившемуся к очередной атаке.

— Чем я помешала тебе, Сильвина? — громко спросила я, наблюдая за фриксом. Его острые как бритва когти крошили камень, куцый хвост дрожал от предвкушения близкой трапезы.

— Ведьмы отобрали у меня все: любовь отца, корону, жениха, —

нехотя сказала Сильвина, но тут же зачастила, стремясь отвлечь от схватки: — Если бы отец не женился на ведьме, я стала бы наследницей престола, достойной наследницей! Я сильна в истории, экономике, риторике и дипломатии, но ему не было до этого дела, потому что мужчины не интересуются детьми от нелюбимых женщин. Для него существовала лишь Аривельда, и никто другой. Ведьмы, вы рушите все, к чему прикасаетесь! Даже эмир Алиим забыл о данных мне обещаниях, встретив ведьму.

Кажется, Сильвина права, и несколько лет назад действительно велись дипломатические переговоры о ее возможной помолвке. Правда, потом сошли на нет...

Фрикс издал пронзительный клич, разрывающий барабанные перепонки, я увернулась, но острые клыки клацнули совсем близко над моим плечом. За спиной щелкнул ключ в замке, и я всем сердцем понадеялась, что это Ил.

Я ударила огненным шаром в ногу фрикса, не желая причинить особого вреда. Он взмыл вверх, потеряв вальяжность движений, и отчаянно завопил. Пахнуло паленым мясом.

— Я умнее вас, ведьм, опьяневших от легкости могущества! — продолжала тем временем Сильвина. — Годами я собирала ваши магические штучки, практиковалась, изучала, набирала армию, незаметную и от этого более опасную. Кто заподозрит милую девушку, чистую душу в честолюбивых планах?

Я вспомнила заторможенность бывшей невесты, опущенные плечи фрейлин. Их держали в страхе, заставляли делать неизвестно что...

Именно этого ждала Сильвина, занимая меня болтовней: я отвлеклась. Все произошло одновременно.

Принцесса закричала:

— Я знала, что он придет за ведьмой!

Фрикс метнулся сверху стремительной молнией, распластав крылья и выставив когти. А со стороны двери бросился ко мне Рейс и изо всех сил оттолкнул.

Меня залил фонтан крови. И бил он из зияющей раны на груди короля. Фрикс рухнул на него, вонзил зубы в мягкую плоть живота...

Крик Рейса зазвенел в ушах, и из моих рук взрывным тараном рванулась магия, отшвырнув чудовище от короля в сторону вопящей Сильвины. Фрикс пылающим факелом смял решетку, обрушил балкон и упал сам, погребая под собой сестру короля и тех фрейлин, что не успели скрыться за потайной дверью.

Но в моем мире не существовало ничего, кроме растерзанного тела

Рейсвальда. Зияющая рана на груди с ошметками плоти. Синюшная бледность лица, белеющие ребра в развороченной грудной клетке и кровь — страшно много крови! Его сердце не билось, он не дышал, в открытых глазах застыл ужас, смешанный с болью... Он был мертв.

Мой король мертв!

Я пыталась лечить его, зная, что это бесполезно. Дрожали руки, спину словно смяло пудовой скалой. Золотой поток лился и лился в распростертое тело короля, пока его кровь капала с моего лица. Магия пухла под моими ногами, наливалась невидимым пузырем, грозила вырваться из-под контроля.

Еще немного — и я выгорю. Рейсвальда вернуть невозможно, но моя магия необходима для нерожденного ребенка Ннанди и Гету.

Подумав о них, я попыталась прекратить поток, но ничего не вышло. Магия все так же золотым вихрем бурлила вокруг тела короля, а потом подбросила меня над заляпанным кровью полом. Поток превратился в полноводную реку, и тело пронизали сотни раскаленных копий.

Это конец, отстраненно поняла я.

Ядро Эйды выбросило гигантский багровый протуберанец, который безжалостно истязал меня.

Я лишь молилась, чтобы все закончилось поскорее, но время застыло медовой патокой, растягивая сводящую с ума боль.

ГЛАВА 31

Глупо недооценивать силу любви

— Опоздал, Пресвятой Отец!

Надо мной возникло искаженное страданием лицо Илстина, он протянул ко мне руки, забирая на себя часть взбесившегося потока.

Я отшвырнула его в сторону, как котенка, и превратила одно из копий в ошейник, пришпиливший Илстина к полу. Он захрипел, суча ногами, но на данный момент я почти всесильна. Я не дам ему приблизиться. Выгорю, но Илстину надо жить, чтобы дать этому миру шанс на существование.

Рейсвальд, мой Рейсвальд. Я не могу оплакать его. Все во мне заledenело, в висках молоточком стучало желание отмотать время назад, чтобы всего этого не произошло.

Фрикс был для меня безопасен. Я бы справилась с ним и в одиночку, Илстина позвала только для перестраховки. Зачем, зачем я тянула? Почему отвлеклась, знала же, что Сильвина меня специально заговаривает?

Когда щелкнул замок, я подумала, что Илстин пришел на выручку, позволила себе расслабиться, а на самом деле это Катрин отперла дверь для Рейса и вернулась к своей госпоже. Специально отперла, чтобы он кинулся меня спасать, практически отправила на верную смерть.

Ненавижу, Мать-волшебница, как же я ненавижу их!

Мертвый обожженный фрикс валялся бесформенной кучей, из-под него выглядывал бархат платья Сильвины. Пресвятой Отец, я не хотела убивать, теперь смерть принцессы и ее фрейлин будет на моей совести. Рейсвальд считал важным судить преступников, даже заговорщикам дал шанс оправдаться. Мой Рейсвальд, лучший из людей...

Физическая боль постепенно уходила, теперь я парила в центре магического цунами, бушующего в каменном мешке — прямо над телом Рейсвальда, не в силах оторвать взгляд...

Он не может быть мертв. Его не могли убить. Досадная случайность, глупая ошибка... Если бы я была чуть осторожней. Если бы сразу убила фрикса. Если бы Илстин появился пораньше... Но несчастливые звезды сложились так, что стальные когти разорвали моего любимого.

Почему жестокость жизни все еще удивляет меня?

Моя смерть на родной Земле случилась не по злему умыслу, а из-за чужого недосмотра. Но и Эйда не сказочный мир, тут никому не обещают

счастливого конца. Любимых следует охранять пуще зеницы ока, а я, видите ли, отвлеклась.

Лучше бы фрикс убил меня.

Не способна я никому принести счастья.

Опустившись на бездыханное тело Рейса, я принялась умолять Эйду забрать мою жизнь вместо его.

Время не двигалось, я находилась словно под водой, все вокруг было размытое, глухое. Даже предупреждающие крики Илстина слышались, как из-за мягкой преграды.

Но вдруг моей душе стало тепло. Губ коснулся легчайший поцелуй. И слабый шепот в ушах — голос любимого, будто его душа дотронулась до моего сердца.

А потом зрачок в глазах короля сузился. Он судорожно вздохнул, глядя прямо на меня, карая радужка глаз вновь переливалась золотистыми всполохами. Время вздрогнуло и стремительно понеслось вперед. Гигантский водоворот магии превратился в золотое студенистое озеро и ушел вниз, словно великан выдернул невидимую пробку в ванне.

Меня бросило на короля, придавило сверху, стремясь унести в зев земли. Но Рейсвальд схватил меня и держал, пока я кричала от боли. Пока белели мои руки, выжигался костный мозг, пока выгорание перестраивало клетки моего тела.

Илстин, освободившись от ошейника, кинулся ко мне, обнял со спины. Начал вливать в меня магию, но напрасно — все равно что опорожнять чайник в водопад.

Я даже не могла его остановить.

Ничего не могла, но в последние минуты перед выгоранием я смотрела в глаза живого Рейса и была счастлива. Мне больше ничего не нужно, только пусть последним, что почувствую, будет его дыхание.

Может быть, последний в жизни волшебника выброс магии настолько силен, что способен оживить мертвого?

— Ил, не смей, — попросила еле слышно. Меняхватило только на тихий шепот.

— Нет, Эви! Я не дам тебе выгореть, слышишь?

Илстина охватило золотое сияние, рядом с нами на пол со звоном упал сияющий артефакт. Хрустальная роза с алыми лепестками. Это не остановило волшебника, он продолжал лить магию в мое слабеющее тело, а Эйда с наслаждением ее пожирала. Что же он творит? Сколько артефактов ему осталось? Я потеряла счет...

— Ил, не трать зря усилий, сохрани для Ннанди, — прохрипела, с

трудом выплевывая слова. — Я буду жить в хрустальном дворце, не этого ли ты хотел?

— Ты ничего не понимаешь, Эви! — со злостью прошипел Ил, продолжая прокачивать через себя золотые струи. — Лучше молчи.

По капле магия покидала мое тело, оставляя после себя сосущую пустоту. Идущий от Илстина поток всего лишь замедлял неотвратимое. И все же меня почему-то невероятно грела мысль о том, что учитель делает все возможное ради моего спасения.

Рейсвальд приподнялся и поцеловал меня. Его губы дрожали, во рту ощущался привкус железа. Поцелуй со вкусом смерти...

— Дурак! — закричал Илстин. — Ты убьешь ее! Без магии она умрет от любого прикосновения человека!

Рейсвальд резко кивнул, встал и медленно, нехотя отошел, не сводя с меня взгляда. «Если бы можно было переиграть время назад, я бы вновь бросился под стальные когти ради тебя», — говорили его глаза.

Я тоже смотрела, стараясь навечно запечатлеть в сердце облик Рейсвальда. Живого Рейсвальда! Я бы выгорела еще раз ради него.

Черт, как же болит и колет в костях! Илстин говорил, что у волшебников во время выгорания сжигается костный мозг, поэтому любая инфекция смертельна. В первый раз умирать было не так мучительно, хотя задохнуться до смерти — не большое удовольствие. Сейчас я знала, что буду жить, даже представляла, какой будет эта жизнь. Понимала, что подвела не только Ннанди, Гету и их неродившегося ребенка, а всю Эйду. Мне малодушно хотелось умереть, чтобы не видеть последствий одной-единственной ошибки. Хотелось, чтобы Илстин разжал железную хватку, бросил меня на заляпанный кровью пол. Перестал смотреть с безумной тоской, которой я не заслужила. Я разрушаю все, к чему прикасаюсь...

Слезы застилали все вокруг, катились горячими дорожками по щекам. Я лежала в руках Илстина бесформенной массой, сквозь тело с гулом уходила магия. Посветлевшие до белизны пальцы на руках и ногах становились тонкими и прозрачными, как у куклы.

— Эви, моя Эви... Опоздал, любовь моя, никогда себя не прощу...

Но он не прав, вся вина на мне, я полностью принимаю ее. Илстина я тоже подвела, теперь его мечта о создании убежища для магических существ не сбудется. Учитель теряет союзника, Милаха — защитницу. Мик... Мне безумно, до слез жаль Мика. Он только начал привязываться ко мне, поверил в нечто устойчивое в безумном огромном мире...

— Мама!

Мне послышалось. Мик далеко, спит безоблачным сном младенца. Не

хочу думать о том, что он почувствовал боль моего выгорания, что проснулся от кошмара с колотящимся сердцем...

— Уберите ребенка! — прорычал Илстин.

Видимо, начались галлюцинации — я почувствовала прикосновение еще чьих-то рук к спине. Повернулась, но слезы не дали рассмотреть подошедшего. Увидела лишь непропорционально широкие плечи, квадратную голову с выдающимся лбом, нечесанные рыжие космы.

— Мама! — промычало угловатое чудовище.

Я попыталась протереть глаза, но тело выгнулось от очередного приступа сумасшедшей боли, и я забыла обо всем на свете.

— Пресвятой Отец, это великан! Моя невозможная ведьма где-то откопала великана... — выдохнул Илстин.

— Мама, я рядом! — сказала над ухом существо с голосом Мика.

Его руки выпивали боль. Вернее, они оборвали самую узкую часть водоворота, мгновенно впитывая в себя. Магия перестала с ревом прорываться сквозь мое тело, вместо этого разливаясь в нем спасительной негой. Боль растворилась как по волшебству, к пальцам вернулся здоровый цвет...

Еще несколько мгновений — и я ощутила себя совершенно здоровой, бодрой, наполненной магией, готовой вновь колдовать.

— Мик, ты? — спросила, смахивая ненужные слезы.

Передо мной стоял великан — огромная широкая стопа, здоровенные руки, набыченный лоб. И улыбка, щербатая улыбка моего рыжего Мика, который не может от меня оторваться.

— Я, мама. То есть госпожа... Пожалуйста, не гоните меня.

Вопросов было множество, но пока я легонько потянула Ила за лацкан камзола, чтобы отпустил меня. Осмотрела себя, не веря в ощущение легкости и всесилия. Даже личина никуда не делась. Изящная розовая кисть Мэрилин Монро, а не тонкая с выпирающими костяшками, высокая грудь, длинные стройные ноги.

И магия при мне! Вот, светит золотом между пальцами, ластится и играет с ноготками в прятки.

— Ты спас меня, Мик, и не только меня. Никуда я тебя не прогоню, наоборот, сделаю все, чего пожелаешь.

— Правда-правда? Тогда не убивайте моих родных, хорошо? Я только этого прошу.

Я обернулась на Ила, увидела схожее с моим удивление в его глазах. Мы оба помнили о деревне великанов в горах Харди на севере Сарнира. Недалеко от замка Вейнер. Настолько близко, что один из великанов

спокойно преодолел преграду и жил почти год под моим крылом незамеченный.

— Как это возможно, Мик? Почему ты выглядел человеком?

— У меня артефакт был. Его сделала ваша подруга с кудрявыми волосами. Мы тоже удивились, что он действует на великанов. Меняет внешность по желанию, только надо всегда близко к телу носить. Он такой, с плетеными ремешками. Я его в комнате забыл, бежал сломя голову, как проснулся оттого, что магия ваша утекает, госпожа. У меня чуйка на это дело. Моя мама умерла год назад, и тетя сказала, что я не выживу возле общего источника. Они привели меня к вашему замку, а все остальное вы знаете. И еще! Давно хотел сказать, вы не думайте, что великаны глупые, поэтому грамоту не знают. Мне этой весной всего пять лет исполнилось, я просто большой по росту, вот.

Рейсвальд, наблюдавший до сих пор со стороны, осторожно подошел, крепко обнял меня и на всякий случай встал между мною и Миком. Охраняет...

— Юный великан, ты хоть понимаешь, что сейчас сотворил? — спросил Ил, не выпуская моей руки.

И великий глава ковена опустился на колени перед Миком, склонил голову и прижал одну руку к груди, второй так и держа мою ладонь.

— Нет, не надо кланяться, вы что? — Мик перевел удивленный взгляд на меня. — Это же великий учитель ваш, госпожа, не надо так! Ам, и все, магия вкусная, нельзя ей давать утекать обратно. Это не только я умею делать, все великаны могут!

Ил посмотрел на меня горящим взглядом, и мы поняли друг друга без слов. Мы не смеем надеяться...

— Скажи, юный великан, смог бы ты, допустим, прекратить утекание магии в артефакт?

— Смог бы, ха! Мы всей деревней пытались ремешок разгрызть и выпить из него магию, но нельзя! Жалко-то как, что вкуснотища застыла в безделице. Расточительство! Фриксы могут тянуть потихоньку из артефактов, а мы, великаны, нет. Мне тетя сказала, что ни в коем случае нельзя себя выдать, потому что вы меня убьете. Я очень умный и все понял, хорошо притворялся, но если бы я знал с самого начала, что вы, госпожа, добрая, то никогда не дал бы магии уйти в игрушки. Просто надо дырку закрыть сначала, и все.

Ил сжал мою ладонь, а я зарылась носом в грудь Рейса, не в силах поверить. Он укутал меня теплом своих рук, легонько поцеловал в висок. Я буквально ошалела от сумасшедшего счастья, накрывшего после ужасной

трагедии. Казалось, что произошедшее — сон, что на самом деле я умерла вместе с Рейсом. Ведь не может быть, что мои губы наяву прижимаются к горячим мышцам груди, которые недавно располосовала ужасная рана, что я чувствую биение его сердца... Что мне только что подарили уверенность в завтрашнем дне.

— Попробуй сейчас, — потребовал у Мика Илстин, отпустил мою руку и повернулся ко мне. — Эви, поцелуй моего брата.

Я ощутила Илстина, как саму себя. Он ревновал — жутко, до безумия. Все самообладание учителя уходило сейчас на то, чтобы не вырвать меня силой из объятий короля, не унести далеко в родной дом на холме, защищенный лучше любого замка, на веки вечные, чтобы точно никуда не делась.

И все же я знала, что его любовь ко мне сильнее низменного желания обладать. Илстин мог дать мне выгореть, чтобы ждала его в хрустальной тишине дворца подле Аривельды. Вместо этого он тянул время, лил в меня собственные силы, потому что знал — там я буду несчастна.

Не хотела целовать Рейсвальда на глазах у Ила, но учитель никогда не интересовался моим мнением там, где реяло слово «надо». Его магия вжала меня в тело Рейса, я подняла лицо, и король накрыл мои губы своими, посылая по телу волну удовольствия, смешанную с сожалением.

Ревность — отличный катализатор эмоций. Я кожей почувствовала, как Илстин на мгновение позволил внушительному самообладанию дать сбой. Меня накрыло волной дикого желания, столь сильного, что я невольно застонала, колени подогнулись. И ощутила на губах вкус Ила, вспомнила нашу с ним ночь. То запретное удовольствие огненной вспышкой поглотило меня, не оставив в мире ничего, кроме той близости.

Я понимала — Илстин горит от страсти, мучается от страшного сожаления о том, что я выбрала не его, другого. Брата, столь похожего, вселенская несправедливость, почему столь похожего? Илстина гложет изнутри осознание того, что он хуже брата, не обладает спокойной уверенностью Рейса, его умением очаровывать. Ила разрывают страсти, он резок и непримирим, по всем статьям проигрывает солнечному королю. Проигрывает ту, которую любит больше всего. Да, за ураганом страсти, за волной ревности сверкает яркий, слепящий огонь любви.

Учитель осознанно терял контроль над магией. Не знаю, понимал ли он, что перестает быть для меня загадкой, что весь он передо мной как на ладони...

Еще мгновение — и один из окружающих камней станет артефактом. Но Мик подошел к учителю и осторожно обнял его. Поток магии разом

всосался в великана. На лице осоловевшего Мика расплылась довольная улыбка, щеки порозовели. Илстин же, не веря, осматривал свои руки, как я получасом раньше. Магические потоки смирно ластились к нему, играя с обшлагами рукавов. Он очень красив, Илстин, когда с лица спадает высокомерная маска, раньше я этого не замечала.

— Эви, — сказал учитель, не поднимая глаз.

Впрочем, теперь любое слово, сказанное вслух, было лишним.

«Наша мечта исполнится!» — шептал его голос в моем сердце.

«Убивать разумных существ — преступление, давно пора положить этому конец, Ил».

«Мы неправильно истолковали замысел Матери-волшебницы и Пресвятого Отца. Они не хотели, чтобы мы уничтожали чудовищ...»

«Мы должны были ими править. Дарить им магию, вместо того чтобы тратить ее впустую на артефакты. Создать волшебную страну, Ил. Страну фейри».

«Мы с тобой знакомы с преданиями другого мира, мы должны были догадаться, Эви».

«Не так легко ломать устоявшиеся традиции. Нам требовались доказательства».

«Теперь, когда мы на пороге новой эры, будешь ли ты, Эви, сидеть от меня по правую руку на троне нового королевства?»

«Ил, тебе придется забыть о том, что когда-то был моим учителем. Наши решения будут равны, я буду отстаивать то, во что верю. Дипломатия тоже будет моей ответственностью, ты слишком непримирим...»

«Все, что пожелаешь, Эви, и даже больше».

«Ты не будешь спорить?»

«Видишь? Я не так уж и непримирим».

Меня вело от смеси облегчения, счастья, тревоги о будущем. Прижалась еще ближе к горячему телу короля, моему якорю в плывущем мире.

— О чем ты думаешь, Ева? — спросил Рейсвальд.

Я крепко обняла его, страхась отпустить. Еще не совсем понятно, что значит новый способ общения с учителем, но в любом случае я ни за что на свете не откажусь от возможности повлиять на будущее Эйды. Создать волшебную страну для магических существ...

Будет невероятно трудно отыскать незанятую территорию, нанести новые границы на карты, наладить дипломатические и торговые отношения с соседями, которые не захотят видеть достойного партнера в сборище монстров. Не считая того, что многие магические существа, подобно

фриксу принцессы Айнура, отведали человеческой крови... Не уверена, что нас поддержат все маги ковена, а без единогласного согласия такие вещи не решаются.

«Эви, твоя прозорливость достойна восхищения», — раздался в голове голос Ила.

Я с трудом могла противостоять учителю, когда он был закрыт и невыносим, теперь же, когда он способен читать мои сокровенные желания, как мне отстоять свою волю?

«Разве ты не понимаешь, любимая? Твоя воля — мой закон. Я устал воевать, я полностью капитулировал. Нет больше великого учителя, есть лишь мужчина по имени Илстин, и он у твоих ног. Даже возможности утешаться собственной гордостью не осталось на мою долю, потому что я полностью открыт для тебя».

«Почему ты в моей голове?»

«Ты знаешь ответ на этот вопрос».

Увы. Я застонала, упираясь лбом в грудь Рейса, и сразу же грустно улыбнулась. Нас с Илстином соединила Эйда, как много лет назад благословила союз Матери-волшебницы и Пресвятого Отца. По преданиям, они тоже слышали мысли друг друга. Правда, сей драгоценный дар в нашем случае несколько лишней, особенно при перспективе моей свадьбы с другим.

Потому что Рейсвальда я больше никогда не отпущу. Удивительно здоровой была идея вживить его под кожу...

— Рейс, послушай меня внимательно. Благодаря Мику ни над одним из волшебников больше никогда не будет реять угроза выгорания. По сути, я бессмертна и всесильна, дорогой, в отличие от тебя. Поэтому обещай, что больше никогда в жизни не бросишься на верную смерть ради призрачной опасности.

— Пресвятой Отец! Ева, если ты считаешь, что я буду стоять в стороне и смотреть, как тебя терзает чудовище, ты глубоко ошибаешься! — возмутился король. — Желаешь подвергать себя риску — бери в напарники моего брата, тогда я буду уверен, что ты под присмотром. И давай договоримся на будущее: я без тебя жить не буду. Это так, для профилактики лишнего героизма в дальнейшем. Я ни о чем не жалею, Ева, умереть за любимую — достойная смерть.

— И совершенно глупая! Будто я могу жить без тебя!

Рейс прикрыл глаза, выдохнул и сосредоточенно сказал:

— Мне нужно допросить десяток испуганных до смерти девушек, выяснить, почему моя сестра совершала кровавые жертвоприношения и

каким образом ты оказалась в ее подвале. Правду, как ты понимаешь, придется замять. После этого, Ева, будь готова выйти за меня замуж.

— Ты говоришь это таким тоном, Рейс, будто я против.

— Я вижу, как ты смотришь на моего брата.

Илстин спокойно прокомментировал его слова:

— Не беспокойся, младший, не буду стоять на пути твоего счастья. Эви сделала свой выбор, я с ним смирился. Поверь, даже в мыслях она верна тебе, хоть это не доставляет мне ни малейшего удовольствия. Я не враг вам, наоборот, в моих интересах оставаться как можно дольше рядом с родными людьми. И все же, Эви, не хочешь ли ты посвятить будущего супруга в свои честолюбивые планы? Новые территории, возможная торговля... Не считаешь, что он может внести здравые предложения в данные вопросы?

— Ева? — В глазах Рейса появилась растерянность.

— Я хочу стать королевой.

— Отлично, я не смел надеяться...

— Нет, любимый, ты неправильно понял меня. У Айнура великолепный правитель: мудрый, ответственный, решительный. Твоим людям повезло, они могут быть уверены в завтрашнем дне. Я хочу дать похожий шанс родным Мика и другим необычным существам. Их интересы не представляет никто, их жизнь проходит в вечном страхе уничтожения, а пытающихся бороться с такой судьбой убивают без шанса на оправдание. Да, Рейс, я хочу стать королевой отверженных, тех, кого боятся и преследуют. Может быть, мечта о волшебном королевстве всего лишь иллюзия, но я обязана попробовать. Это мой долг.

— Любимая... — Рейсвальд поднес мою ладонь к губам. — Речи о долге упали на благодатную почву. Мне не по слухам знаком зов истинного призвания. С самого начала я знал, что тебя не запереть в золотую клетку. Лети, Ева, исполняй любую мечту, я стану твоими крыльями. Как понимаю, вам нужны территории для размещения чудовищ? Южные равнины Айнура вполне подходят, разве что Сарнир будет против, но мы найдем подход к недовольным.

— Желаешь укрепить границу, любимый?

— Не спорю, Ева, но, как заметил мой любезный брат, в отношении политики весьма полезно выслушать мое предложение.

— Рейс, как же я тебя люблю!

— Взаимно, Ева, но я так и не услышал ответа на весьма волнующий меня вопрос. Ты будешь моей женой или нет?

— Да! Правда, не знаю, как ты объяснишь аристократии, что за

недоразумение ведешь под венец.

— Оставь это мне, любимая. Увидишь, пусть я не бессмертен и не всесилен, но в определенных сферах обладаю некими талантами. Все, чем владею, и все мои возможности к твоим услугам. — Он улыбнулся и добавил: — Я в твоём плену, Ева, с момента нашей первой встречи на лесной тропинке.

ЭПИЛОГ

Свадьба короля и ведьмы — что может быть скандальней и интересней? На столицу бросились штурмом чуть ли не все провинциальные жители, чтобы не пропустить событие века. На границах творилось столпотворение, желающих поглазеть на свадьбу останавливали целыми гарнизонами. Рейсвальд, как мудрый правитель, извлек из предстоящей свадьбы немалый доход за счет билетов на разнообразные увеселительные ярмарки и балаганы.

На сценах по всему Айнуру разыгрывали нашу историю любви, процентов на девяносто не соответствующую истине. Счастливые труппы артистов, благодарные за спонсирование короны, ударились в импровизацию, искажая происшедшее. По сюжету я то ли украла сердце короля, то ли спасла его от дракона, то ли сама была тем самым драконом... Главное, в концовке всегда игралась свадьба, это было единственным условием для получения щедрого фанта. Рейсвальд желал примирить народ с мыслью о невиданном событии.

Благодаря народной трактовке короля очень жалели и считали заколдованным. Самые впечатлительные юные девы постоянно пытались его расколдовать, почему-то обязательно через поцелуй. На Рейсвальда буквально охотились молоденькие девушки и атаковали смачным лобызанием в уста. Король, в последнее время недолголюбивающий фрейлин, ужасно злился, рычал на охрану, но в средневековом обществе не принято ограждать красивого мужчину от женского внимания. И все лишь восхищались его популярностью у слабого пола.

Одна из самых предприимчивых девиц залезла в королевскую спальню через окно в то время, когда мы с Рейсом пытались уединиться. Виделись мы ужасно редко, так как я была по горло в неприятностях. К южным равнинам Айнура начала стягиваться разная нечисть, по пути нередко утоляя голод человеческой плотью. Я уже сомневалась в правильности принятого решения, но всякий раз, глядя на Мика, обещала себе не опускать руки.

Великаны построили новехонькую красивую деревню, принялись возводить гигантское сооружение-храм в честь нас с Илом и вели себя столь примерно, что в сердце теплилась надежда договориться и с другими чудищами.

Из плохих новостей: ковен раскололся, Фуэртес и Рианнис ушли в

глухую оборону, утянув на свою сторону Хасана и Хафсу. Их магия бурлила, волшебники производили один артефакт за другим и винили меня и главу ковена в предательстве.

Встречи с Рейсвальдом были отдушиной, сверкающими мгновениями счастья. Я плавилась в его руках, не веря в то, что мне выпало счастье быть любимой самым замечательным мужчиной на свете. Душа пела от нежности.

В тот день наша встреча стала бурной и страстной. На пике Рейсвальд откинулся назад, и вот в этот момент с криком: «Я спасу тебя, мой король!» — неизвестная хорошенькая девица вцепилась в его голову и приникла к губам, пока Рейс все еще находился во мне.

Я не выдержала подобной наглости, нервы у ведьм тоже не железные. В общем, на одну морскую свинку стало больше, хотя в принципе девица не заслуживала подобной судьбы. Просто я ужасно ревнива, особенно с тех пор, как узнала, что беременна.

— Клянусь, я оторву головы седым сморчкам, задерживающим свадьбу, — застонал тогда Рейс, вытирая предплечьем рот.

Совет сначала был категорически против невесты-ведьмы, но Рейс проявил чудеса дипломатии, склонив на свою сторону большинство его членов. Многочисленные преимущества крепких уз с владычицей потенциального соседнего королевства пересилили многовековые традиции. На свадьбу дали добро и наказали выдержать минимальный срок в месяц.

За прошедшее время Рейс разобрался в темной истории с сестрой. Сильвина долгие годы приближала к себе девушек из влиятельных семей, держала в страхе, муштровала до полной покорности. Поначалу пользовалась для истязаний магическими артефактами. Потом отправляла строптивых в пасть фрикса, раздобытого на черном рынке. Через фрейлин, становившихся женами влиятельных людей, Сильвина подогревала недовольство к правлению Рейса. Катрин была самой талантливой из девчонок, ей выпала роль королевской невесты. Пока Катрин была послушна и тянула из Рейса жизненные силы, Сильвина была довольна, но девочка имела несчастье влюбиться в короля и не сумела этого скрыть. Принцесса решила избавиться от невесты во время охоты в поместье герцога Савьёля. Благодаря мне Катрин не умерла, и вот так, по счастливой случайности, Рейс угодил в мой замок.

Фрейлины рассказывали о принцессе такое, что из допросной Рейсвальд выходил белый как полотно и нещадно винил себя в произошедшем. Он не подозревал о наклонностях сестры, потому что всю

жизнь старался держаться от нее подальше, откупаясь богатым содержанием и относительной свободой.

В диком Средневековье немало женщин страдают от посттравматического синдрома, просыпаются от ночных кошмаров, вздрагивают от любого прикосновения и находятся в жуткой депрессии. А психологов, увы, здесь днем с огнем не сыщешь...

В свете данных событий шансы даже самой раскрепосной из охотниц пленить Рейса равнялись нулю. В молодых девушках ему чужая незримая рука сестры. Повода для ревности не было, но во мне бушевали гормоны, я не могла спокойно смотреть на будущего мужа.

Превратив нахальную девицу в морскую свинку, я притянула короля ближе и кровожадно прошептала:

— Да, давай отыщем твоих противных советников, и я наконец дам выход раздражению!

— Ева, подожди...

Король отстранил меня, взял на руки свинку и, вынеся ее за дверь покоев, передал в руки обалдевшему стражнику. Закрыв ставни, проверил замок и быстрым движением тигра перетек в мою постель.

— Умница моя, я знаю прекрасный способ сбросить раздражение. Только если нас прервут еще раз, я за себя не отвечаю.

— Чистое везение, что будущая жена терпелива сверх меры, хотела бы я посмотреть на тебя, если бы чужой смазливый юнец поцеловал меня в столь интимной ситуации.

— Мне очень повезло, Ева. Каждый день возношу молитву Пресвятому Отцу.

— Я слышу иронию в твоем голосе, Рейс? — с возмущением спросила я, приподнявшись на локтях.

— Во-первых, только дурак посмел бы иронизировать. Тебя в последнее время даже Ил боится. Во-вторых, Ева, я безумно тебя люблю, не могу дождаться нашего ребенка и даже заслужил взаимность. Откинься назад, любимая, закрой глаза и наслаждайся. Я покажу тебе, как умеют целоваться короли.

Когда Рейс превозносил свои умения, он не преувеличивал. Через мгновение я забыла о ссоре с волшебниками, о проблемах с чудищами, о домогательствах девиц легкого поведения — и улетела к пику наслаждения.

— Ты волшебник, — выдохнула, не открывая глаз.

— Ловкость рук и ничего более, — отметил Рейс. — Иди ко мне, любимая, ты позволишь?..

За день до официальной королевской свадьбы мы решили соединить судьбы по обычаям волшебников. До сих пор женились только пары, в которых оба партнера были наделены магией, остальные довольствовались чередой любовников, не обременяя себя брачными узами. Для нас с Рейсом сделали исключение. Потому что теперь ковен насчитывал всего десять волшебников, и все они были моими друзьями.

Церемонию провели на балконе хрустального дворца, чтобы Аривельда могла наблюдать за сыном через высокие окна.

— Я очень рада за тебя, — сказала Маро перед началом церемонии, оправляя мое лиловое платье. — Не понимаю, зачем нужно связывать себя свадьбой, но поддерживу во всем.

— Потому что это важно Рейсу, — пожала я плечами, отвечая то, что Маро хотела услышать, но потом решила признаться: — На самом деле я мечтала о свадьбе с ним с нашей первой встречи.

— Намного рациональней не выставлять ваши отношения на всеобщее обозрение.

— Я понимаю, Маро, но что мне делать с диким желанием рассказать миру о том, что Рейс мой?

— Эви, ты все делаешь по-своему, и, вопреки прогнозам, получается неплохо. Я начинаю видеть преимущества в следовании своему сердцу.

— Как поживает эмир Алиим?

— Ему нашли невесту, — холодно ответила Маро, отвернувшись. — Объединение кланов требует политических браков. Он не собирается ничего менять в наших отношениях, а мне почему-то кажется, что изменилось все.

Маро прикусила губу, глубоко вздохнула, откинула волосы назад, словно отбрасывая грусть, и поправила заколку в моих волосах.

— Лучше расскажи, что произошло между тобой и Илом.

«Да, Эви, мне очень интересно, что ты расскажешь другим о нас с тобой», — немедленно сказал голос учителя в моей голове.

— Мы пришли к определенному взаимопониманию. Маро, кажется, он делает все возможное, чтобы покрепче привязать меня.

«Хоть какая-то черта должна быть той же, что у брата. Кажется, он желал того же самого», — ухмыльнулся Илстин.

Глава ковена вел себя идеально. В политических вопросах я слепо полагалась на его суждения, с Фуэртесом ему удалось каким-то чудом не довести ситуацию до войны. Он держался от меня на почтительном расстоянии, и пусть его любовь ощущалась каждое мгновение, Илстин никогда не переступал через незримую черту. Мне был непонятен его

конечный план, но я все больше осознавала, что не могу без него.

«Никаких секретов нет, Эви. Ты читаешь мои сокровенные мысли».

Ил надеялся, что ребенок, которого я носила, от него. Он был готов на многое, чтобы находиться рядом со мною и с Рейсом. Мы стали его семьей, а великий волшебник очень серьезно относился к вопросам семьи.

Даже Рейс легко принял плотное присутствие Ила в нашей жизни. Король вообще отличался феноменальной приспособляемостью. Поняв, что учитель не намерен меня отбирать, он очень потеплел к Илстину, а перед обаянием Рейса устоять невозможно.

«Ты забываешь, что интересы брата всю жизнь были для меня на первом месте. Хотя не спорю, его дружба многое значит», — заметил Ил.

— Э-эви, — подозрительно протянула Маро, — ты с Ваней сейчас мысленно общалась или с Илом?

— Маро! — Я отчаянно покраснела. — Тихо!

— Значит, с Илом. Ну, счастья тебе в семейной жизни, Эви. Такой ковер только ты сплести можешь.

Это выражение набтитов означало, что рукодельница вконец запутала нити.

— Ваня знает?

— Конечно, знает! Я не собираюсь начинать семейную жизнь со лжи, ничего хорошего из этого не выйдет.

— И что он думает по этому поводу?

— Не могу сказать, что он счастлив, но принимает вместе с остальными многочисленными недостатками невесты-ведьмы. Маро, мне кажется, что Рейсвальд не верит в долговечность нашего союза. Он словно ждет, что я разочаруюсь в обычном человеке и уйду с Илом в закат. Что? Почему ты криво улыбаешься?

Я толкнула Маро в плечо и поняла, как мне не хватало подруги. Да, по ее вине мы были семь лет разлучены с Рейсом. Все совершают ошибки, но надо вовремя простить тех, кто нам важен. Я ужасно скучала по Маро, по ее способности заставить смотреть в собственную душу.

— Эви, родная, твой Ваня не дурак, он все делает правильно, но даже при самом лучшем раскладе Рейсвальд проживет длинную человеческую жизнь, затем уйдет в лучший мир. А потом, если Ил будет достаточно терпелив, ваша связь возьмет верх...

— Не говори такого!

— Эви, я слишком хорошо тебя знаю, чтобы допустить твою наивность в данном вопросе.

— Да, — я сжала зубы и отвернулась, — ты права, Маро, я думала об

этом, но что ты предлагаешь? У тебя есть рецепт вечной молодости?

Маро пожала плечами и развела руки, выражая сожаление. Я медленно выдохнула, отпуская напряжение. К чему думать о событиях, которые наступят через восемьдесят лет? Один месяц перевернул мою жизнь вверх тормашками. К тому же на пути к счастливой старости стоит еще миллиард проблем. Например, мы пока не говорили, где и как будет расти наш будущий ребенок, а сердцем чувствую — тема окажется болезненной.

Впрочем, я слишком благодарна за данный небесами шанс выйти замуж за Рейса, чтобы позволить омрачать момент лишними тревогами. Нас ждут трудности, это часть семейной жизни, и следует помнить, что самое главное — отношения с любимыми.

Беседку посреди открытого горному воздуху балкона украсили белыми розами. Перила увили золотой нитью. Символ единения вечной магии и хрупкой человечности. Рейс, одетый в белый с серебром камзол, безумно красивый, ожидал меня на фоне заснеженных вершин. В жизни не видела никого прекрасней.

Волшебники сидели на обитых лиловым бархатом табуретках. Ннанди в высоком тюрбане поглаживала живот, обернувшись в мою сторону. Король смотрел в глаза матери, стоящей за застекленными дверьми с платком в руках. Аривельда выглядела бесконечно растроганной, наша маленькая церемония для нее была ценнейшим подарком. Она не надеялась увидеть Рейсвальда вживую, а уж присутствовать на его свадьбе казалось призрачной мечтой.

— Так вышло, что оба моих сына выбрали тебя, — сказала она, когда обо всем узнала. — Я с ними солидарна, Эви. В тебе есть то, что ищет каждый мужчина.

Если Рейс переживал, что я поменяю его на Ила, то я ждала, когда оба одумаются и найдут себе другую. Для меня до сих пор оставалось непостижимым, как любовь к Рейсвальду из безнадежной превратилась во взаимную, а уж чувства Ила воспринимались на уровне научной фантастики. Вроде все логично, но существовать в обычном мире не должно.

— Ты умеешь любить безусловно, Эвитерра. Брошенных великанов, грешных графов, простых экономок, могущественных волшебников или королей. Для тебя не имеют значения их достижения, богатства или внешние данные. Даришь свое расположение за просто так, авансом.

— И что в этом такого?

Аривельда покачала головой и улыбнулась, но больше не желала говорить на данную тему. Я очень волновалась, как она воспримет

странный треугольник, возникший между мной и ее сыновьями, но выгоревшая волшебница лишь отмахнулась.

— Илу полезно, а Рейс счастлив. Я смогу увидеть свадьбу, и невестка попалась приличная. Чего еще желать?

На самом деле я боялась и хотела одного: чтобы кто-то помог разрешить невозможную ситуацию с Илом. Чтобы Рейс, Аривельда, Маро — кто-нибудь приказал бы мне держаться от Ила подальше, потому что сама я эгоистично жаждала его общества, как клятая собака на сене.

К жениху меня вел Ил, и было в его руке нечто успокаивающее и надежное, как якорь в переменчивом мире. Церемонию проводила Чиаки в традиционном халате, расшитом фиолетовыми журавлями.

Что странно, Ил стоял так близко, что казалось — клятвы в вечной любви я даю обоим, хотя видела перед собой только карие глаза Рейса, только румянец волнения на его щеках, ощущала его руки в своих. Мое сердце переполняла любовь, но была в ней нотка горечи, совсем лишняя на свадьбе, и никак не получалось ее прогнать.

Внезапно я поняла, что не могу отмахнуться от слов Маросдили. Мысль о том, что Рейс состарится и умрет, в то время как я останусь вечно молодой могущественной ведьмой, не давала спокойно дышать, ввинчивалась под дых стальным штопором. Видимо, страдание отразилось на моем лице, потому что Рейс весь подобрался, решив, что я передумала выходить за него замуж. Я физически ощутила его страх.

Чиаки как раз закончила читать длинную речь об обязанностях супругов в браке, из которой я не слышала ни слова, затем жестом благословила наш союз. Магия полилась из ее рук золотым сиянием, с неба вихрем полетели тысячи розовых лепестков. Я подалась вперед к Рейсу, говоря поцелуем, как он дорог мне, как я счастлива рядом с ним. Его запах, близость, горячее тепло вспотевших от переживания рук кружили голову, накрывали волной чистой, всепоглощающей любви.

— Я приготовил вам подарки, — тихо сказал Ил.

Он стоял так близко, что мы слышали, повернулись к нему, не ослабляя объятий.

Жестом фокусника Илстин достал бриллиантовое кольцо и хрустальную розу.

— Мои артефакты.

Короткая фраза, но я помнила, при каких обстоятельствах появился каждый из них. Бриллиантовое кольцо принесла наша ночь любви с Илом, роза возникла из моего выгорания. Артефакты часто говорят о тайных желаниях волшебников.

Илстин надел кольцо на указательный палец Рейса.

— Пока жива ваша любовь, ты будешь жить. Кольцо соединит ваши судьбы.

Роза уменьшилась, неприметной брошью поместилась на лацкан сюртука.

— Роза позволит вам чувствовать друг друга на любом расстоянии.

В глазах защипало, я прикусила щеку изнутри, но все равно расплакалась.

«Ты читаешь мои мысли».

«Еще не привыкла, Эви?»

«Это же против твоих интересов, Ил. Как ты там сказал? Буквально переживу...»

«Я был не в себе и ужасно ревнив, Эви. Я не собираюсь танцевать на костях Рейсвальда».

«Все еще не понимаю твоих мотивов».

«Эви, ты проводишь со мною дни. Мы делим на двоих общее дело. Мне повезло отхватить львиную долю твоей любви, не отрицай. Так чего я лишен, Эви? Плотской стороны отношений? Поверь, у меня была длинная жизнь, и утех плоти я отведал достаточно. Не переступаю черту, потому что знаю — я не смогу сделать тебя счастливой. С этим отлично справляется мой брат».

«Но...»

«Но когда-нибудь ситуация переменится, — тщательно отмеривая слова, добавил Илстин. — Обязанности трона охладят супружескую постель, происки двуличных придворных подточат любовь. Когда, заплаканная и несчастная, ты падешь в мои объятия, я хочу быть уверен, что моя совесть чиста, что ради вашего союза я сделал все возможное. Что его крах целиком и полностью на совести Рейсвальда».

«Интересный разговор, меня в него включать не собирались? Ил, запасись терпением, твоим пророчествам не суждено сбыться».

«Рейс, наконец ты присоединился, я уж боялся, что моя магия на тебя не подействует. Эви производит весьма действенные артефакты».

«Кстати, и вправду, почему твоя магия работает на Рейса, я же оградила его от магического влияния?» — удивилась я.

«Ты еще не поняла, Эви? В определенном понятии мы стали одним целым. Защитный артефакт считает безвредной и твою магию, и мою».

«Ил, ты лучший брат на свете, но можешь на пару минут убраться из наших голов? Мне нужно кое-что сказать Еве».

«Убраться не могу, а вот замолкнуть — пожалуйста».

«Ева, ты слышишь? Мне очень нужно тебе кое-что сообщить».
Я испуганно смотрю в серьезное лицо Рейса, сжимаю его руки.
«Слушаю, Рейсвальд».
«Я тебя люблю», — звучит в моей голове.
«И это все?» — Я удивленно разглядываю искорки смеха в карей радужке.
«Это все!» — с нажимом заключает он.
И с чувством целует меня, показывая всему миру, что мы только что стали мужем и женой.